

ISSN 1857-2685

Русь

№ 3 (9), 2007

Общественная ассоциация
«Русь»

**По благословению его Высокопреосвященства
Лавра, первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2007, № 3 (9)

Кишинев

**Общественная ассоциация
«Русь»**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук С. Суляк,

главный редактор (Молдавия)

доктор истории П. Шорников,

заместитель главного редактора (Молдавия)

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падык (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

М. Шарга (Украина)

© Общественная
ассоциация «Русь», 2007

© Издательский дом
«Татьяна», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ КУЛЬТУРА – МНОГОВЕКОВОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДОВ Молдавии»

- Сергей СУЛЯК
Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии ... 5-14
- Василий СТАТИ
Папа рус, мама рус, а Иван – молдаван 15-35
- Петр ШОРНИКОВ
Статус русского языка и гражданский конфликт в Молдавии:
историография вопроса 36-56
- Татьяна ЗЕМБА
Этнолингвистические проблемы Молдовы в англоязычной
историографии 57-78
- Ирина ИОНОВА
Функции молдавенизмов: двуязычие как источник речевой игры .. 79-89

СЕМИНАР «ПОДКАРПАТСКИЕ РУСИНЫ И РОССИЯ»

- Олег НЕМЕНСКИЙ
Русскость и русинскость 92-96
- Марина ДОСТАЛЬ
Русинское национальное движение и его отражение в современной
историографии 97-105
- Павел КУПРИЯНОВ
Русины Венгрии и Галиции глазами русского путешественника начала
XIX в. 106-121

ИСТОРИЯ РУСИНОВ

- Богдан ГОРБАЛЬ
Галицкы Старорусины і Русофілі і Одношыня до Них Габсбургской і
Царской Монархій до 1914 року 122-145
- Роман ШАПКА
Краткий очерк истории «твердых» русинов в Канаде 146-156

ЗНАМЕНИТЫЕ РУСИНЫ

Юрий ДАНИЛЕЦ
Архимандрит Иов (Кундря): жизненный путь и благословенные труды подвижника 157-163

Михаил ДРОНОВ
Михаил Сарыч: штрихи к неоконченному портрету 164-168

Константин КУЦОВ
Александр Ильницкий (1889-1947) и теория угро-русинизма . 169-179

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий ЛУКИНЫХ
О литературном языке Галицкой и Подкарпатской Руси 180-185

Сведения об авторах и членах редколлегии 186-191

Уважаемые читатели!

В этом номере международного исторического журнала «Русин» продолжена публикация докладов, прозвучавших на международной научно-практической конференции «Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии», которая прошла по инициативе Общественной ассоциации «Русь» 14-15 июня 2007 г. в Кишиневе, выступления участников семинара «Подкарпатские русины и Россия», состоявшегося в Москве 20 декабря 2007 г., а также материалы по истории русинов.

Сергей СУЛЯК

РУССКАЯ КУЛЬТУРА – МНОГОВЕКОВОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДОВ МОЛДАВИИ

В статье «Славяне с незапамятных времен», опубликованной в журнале «Вестник Западной России» за 1865 год, мне попала интересная фраза: «Что делать нам с древней историей нашей?... Будем ждать, пока явится русский Нибур (*Нибур Бартольд Георг (1776-1831), немецкий историк*), который разобрал бы всю эту путаницу и вывел бы на свет древнюю нашу историю с такими доказательствами истинности ее, против которых немислимы возражения, после которых не осталось бы пробелов на страницах нашего бытописания». Увы, слова эти так и осталась благим пожеланием. За прошедшие годы наша история стала еще более запутанной, а «доказательства истинности» не просто игнорируются, а зачастую искажаются до неузнаваемости. В учебной и отчасти в научной литературе, изданной в последние годы в Молдавии, стал популярен тезис о том, что русский язык и культура появились в нашем регионе после присоединения Бессарабии к России в 1812 г., что не соответствует действительности.

Русская культура и русский язык имеют в Молдавии многовековые корни. Само Молдавское княжество образовалось в конце XIV в. на землях тиверцев, уличей и хорватов, которые входили ранее в состав Древнерусского государства. Русское население (русины) составляли 40% жителей Молдавского княжества в середине XIV в. Несмотря на то, что значительная часть русинского населения вошла в состав формирующейся молдавской народности, русины продолжали составлять значительную часть населения страны. В предисловии к молдавской летописи Симеон Даскал (XVII в.) писал, что создана страна из двух языков, из румын и русских, что известно, и до сего дня половина страны состоит из русских и половина из румын. Таким образом, Молдавское княжество было волошко-русским (русинским) государством.

Широкое влияние русской культуры прослеживается во всех сферах жизни Молдавского княжества. Западнорусский (русинский) язык был официальным и литературным языком Молдавского княжества. Названия многих должностей в Молдавском княжестве имели славянское происхождение. Денежная система сформировалась по образцу галицкой.

Велико восточнославянское влияние на молдавскую календарную и семейную обрядность, молдавскую народную одежду, особенно в северных районах Молдавии и левобережье Днестра. Много общих мотивов в орнаментации одежды, ковров, в деревянной резьбе. В современном молдавском языке насчитывается около 2 тыс. восточнославянских заимствований. Это понятия, обозначающие сельскохозяйственные орудия, предметы быта, домашнюю утварь, одежду, пищу, музыкальные инструменты.

Влияние русской иконописи испытала на себе молдавская иконография. Русские иконописцы приглашались для росписи молдавских церквей, например, Нямецкого монастыря, а также ясской обители Трех Святителей. Первая молдавская книгопечатня была создана во второй половине 30-х - начале 40-х гг. XVII столетия митрополитом Варлаамом при поддержке киевского митрополита Петра Могилы. Для этого в Яссы прибыл русский печатник монах Самуил, из Киева было прислано типографское оборудование, а из Львова - заказанные подаром шрифты. В 1640 г. в ответ на просьбу господаря Василия Лупу киевский митрополит Петр Могила направил в Молдавию группу учителей во главе с бывшим ректором и профессором риторики Киево-Могилянской академии Софронием Почацким. При яском монастыре Трех Святителей была открыта господарская школа - Славяно-греко-латинская академия. В свою очередь русское летописание в начале XVI в. не обошлось без влияния молдавских летописей. По их образцу, считал А.И. Яцимирский, был выработан и шрифт первых московских печатных изданий.

Выходцы из Молдавии внесли большой вклад в развитие русской культуры. Созданная киевским митрополитом Петром Могилой (1596-1647) Киево-Могилянская академия (коллегия) послужила образцом для создания духовно-учебных заведений в России. А изданный печатником, писателем, филологом Памвой Берындой (между 1555(6)-1632) «Лексикон славянорусский и имен толкование» (1627) был одним из первых русских печатных словарей, насчитывающим более 7 тыс. слов.

Присоединение Бессарабии к России в 1812 г., как считал видный общественный деятель Алексей Матеевич, оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения!

Население Бессарабии в короткий срок интегрировалось в экономическую, политическую и культурную жизнь Российской империи. На русском языке, испытывая влияние русской литературы, творили известные молдавские писатели и поэты А. Хыждеу, Б. Хыждеу, К. Стамати-Чурия, Б.П. Хашдеу, А. Накко и другие.

А. Дониц, К. Негруци, Г. Асаки, А. Матеевич, А. Накко переводили произведения русских писателей и поэтов на молдавский язык В свою очередь М. Горький, М. Коцюбинский, И. Нечуй-Левицкий использовали в своих произведениях молдавские мотивы.

Попытка румынизации Бессарабии, предпринятая властями Румынии в 1918-1940 гг., не привела к ожидаемым результатам. Авторы весьма тенденциозной «Истории Бессарабии» вынуждены были признать: «После присоединения положение администрации в Бессарабии было очень сложным. Хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Бессарабия находилась под румынской администрацией, большинство публичных функций исполняли те же служащие старого царского режима». И далее: «Вопреки усилиям руководящих органов Бессарабии по введению румынского языка в администрации, русские чиновники продолжали использовать русский язык в канцелярии и при составлении официальных документов». Сохранившиеся городские Думы и институт земства «не только не поддерживали центральное бессарабское руководство, но действовали против него». Местные учреждения, жалуются авторы вышеуказанной монографии, «повсеместно начали организовывать акции, направленные против румынского правительства. Прежде всего это было характерно для губернского земства г. Кишинева, у руководства которого находились кадры русского происхождения и просоветской ориентации... В земстве работали многие русские служащие, отказавшиеся дать клятву верности и, следовательно, находившиеся в оппозиции румынскому правительству. Естественно, весьма очевидна причина их увольнения. Тем не менее, даже будучи отстраненными от работы, они продолжали свою деятельность, так как им платили из специальных фондов земств». Руководство кишиневской Думы во главе с Шмидтом открыто высказалось против процесса национализации учреждений, а сама Дума выразила протест против организации государственной полиции в Бессарабии.

Встречая открытое сопротивление политики румынизации со стороны местных органов власти и служащих, румыны были вынуждены принять ряд законов, в частности, декрет о распространении закона об организации административного персонала почт, телеграфов и телефонов, принятый в Румынии, и на Бессарабию. Согласно ему, только персонал румынской национальности в этих учреждениях был обеспечен работой, остальные служащие отстранялись от должности (10 мая 1918 г.). Королевскими декретами 4 сентября 1918 г. были распущены Дума и Управа г. Кишинева, а 4 октября 1918 г. было ликвидировано губернное земство. Также произошло назначение новых судей, «по причине отказа русского судебного корпуса работать при румынской администрации и принять присягу на верность румынскому государству»².

Таким образом, политика дерусификации с самого начала встретила открытое сопротивление не только широких слоев населения, но и сотрудников большинства публичных учреждений, состоявших в основном из уроженцев Бессарабии. Румынизацию пришлось проводить силами старого Королевства (собственно Румынии).

Несмотря на принятие жестких мер, в числе которых увольнение чиновников, введение обучения только на румынском языке, запрет с 1938 г. говорить в присутственных местах на русском языке, закрытие библиотек и сожжение книг на русском языке, профессор Ясского университета О. Гибу в докладе на имя министра просвещения Румынии И. Петровича в 1938 г. вынужден был констатировать: «По духу своему Бессарабия теперь несравнимо более русская, чем в 1918 году. И сейчас в городах и селах почти все охотнее говорят по-русски и читают чаще всего русскую прессу, всячески препятствуя утверждению румынизма»³. В Бессарабии в 1917-1927 гг. издавалось 58 газет, 24 – на румынском и 34 – на русском языке, из румынских ежедневно выходили 10, а из русских – 32. Причем значительная часть русских ежедневных газет выпускалась молдаванами⁴.

После присоединения Бессарабии к СССР и создания Молдавской ССР русская культура и язык развивались гармонично вместе с молдавской и культурами и языками других национальностей. Массовыми тиражами издавалась литература на молдавском и русском языках. На русском языке выходили не только произведения русских писателей и поэтов Молдавии (Л. Латьевой, А. Коркиной, Н. Савостина, Ю. Грекова, К. Шишкана и других), но и переводились с молдавского языка и издавались отдельными книгами произведения Е. Букова, А. Лупана, А. Чиботару, Д. Матковского, Г. Виеру, Дж. Менюка, Н. Есинеску, И. Друцэ и других), работы русских, советских и зарубежных классиков. Книги на русском языке, выпущенные молдавскими издательствами «Картя молдовеняскэ», «Лумина», «Штиинца», «Литература артистикэ», «Тимпул» пользовались популярностью во всех регионах Советского Союза. Также в Молдавии выпускался литературно-художественный журнал «Октябрь» (с 1957 по 1962 гг. – «Днестр», с 1968 г. – «Кодры»). Большими тиражами издавались на молдавском языке произведения русских и советских классиков, причем не только отдельными книгами, но и публиковались на страницах молдавскоязычных газет и журналов. Из 1710 книг и брошюр, выпущенных в 1970 г. общим тиражом 11,8 млн. экз., на молдавском языке, с учетом спроса населения, вышло 533 произведения тиражом 6 млн., а из 81 журнала с годовым тиражом 30,4 млн. экз. на молдавском языке вышло 18 тиражом 16,3 млн. экз.⁵

Однако после распада СССР ситуация изменилась. Если в 1985 г. из общего количества 33,7% книг и 32% журналов вышли на молдавском

языке, то в 1996 г. 73,5% и 53% соответственно вышли на румынском. Причем тираж книг и брошюр на румынском языке в 1996 г. составил 85,8% (23,1 млн. экз. от общего количества 26,9 млн. экз.)⁶.

Уменьшилась численность и доля учащихся в учебных заведениях с русским языком обучения. В 1989/90 учебном году численность учащихся, обучавшихся на румынском языке (дневное обучение), составила 423,7 тыс. чел., на русском – 289,5 тыс. чел. (68,3% от численности учащихся с румынским языком обучения)⁷. В 1996/97 учебном году количество учащихся в школах с русским языком составило 32,2% к численности учащихся с обучением на румынском языке⁸.

В 1989 г. (численность населения вместе с Приднестровьем составила 4, 3 млн. чел.) русский язык родным признали 557 146 чел., родным языком не своей национальности – 446 417 чел. (среди них 220 129 чел., записавшихся «украинцами», и 120 366 молдаван), свободно владеет русским языком 1 962 112 чел.⁹

По результатам переписи 2004 г., из 3,38 млн. жителей Молдавии (без Приднестровья) русский язык родным признали 380 756 чел., «языком, на котором обычно разговаривают» – 540 990 чел.¹⁰ Цифры ниже, чем по данным переписей прошлых лет. Удивляться этому нечего: за эти годы произошло сужение сферы употребления русского языка и сокращение его преподавания в учебных заведениях. В национальной школе он изучается с 5 класса по желанию как один из иностранных языков, причем преподавание ведется зачастую на низком уровне. Поэтому молдавская молодежь, особенно сельская, русским языком владеет слабо.

Другая проблема – засоренность русского языка. Это как раз тот случай, когда официальная власть пытается навязать языковые стандарты, игнорируя правила самого языка. Во всех официальных актах, в школьных учебниках на русском языке, в большинстве молдавских русскоязычных СМИ дается румынское (молдавское) написание названий страны, населенных пунктов: Молдова (вместо Молдавия), Кишинэу (Кишинев), Бэлць (Бельцы), Анений Ной (Новые Анены) и т.д. Но как ни странно, производные от этих названий остались прежними: молдаване (а не молдоване), кишиневцы (а не кишинэувцы), новояненьцы (а не аненийнойцы) и т.д.

Многие пользователи компьютера обратили, наверное, внимание, что при выборе языка разработчики программ Microsoft Word (начиная с 2000) и Microsoft Internet Explorer, учитывая сложившуюся ситуацию, предлагают два «варианта» русского языка: русский (Россия) и русский (Молдавия).

Как видно из вышеизложенного, за годы, прошедшие после распада СССР, в Молдавии произошло сужение сферы употребления русского

языка, уменьшение количества книг и журналов, выпускаемых на русском языке, сокращение количества учебных заведений с русским языком обучения, продолжается работа по изменению исторической памяти подрастающего поколения и т.д. И если теперь можно говорить о расширении русского культурного и языкового пространства в странах дальнего зарубежья, к примеру, в Германии, Франции, Йемене или, скажем, в далекой Бурунди, то в отношении Молдавии, как и всего постсоветского пространства, вопрос уже стоит о его сохранении.

В данной ситуации, на мой взгляд, для сохранения позиций русской культуры и языка в Молдавии наиболее важной является работа в следующих взаимосвязанных направлениях:

1. История: введение в учебных заведениях курса «История Молдавии», в котором должна освещаться и роль проживающих в республике этносов (в т.ч. и русских) в основании и становлении полиэтничного Молдавского государства.

В Молдавии в течение 17 лет во всех учебных заведениях преподавался курс «История румын», который весьма тенденциозно рассматривал историю нашего края как часть истории «румынского пространства». Хотя в 2006 году этот курс сменил интегрированный курс истории, антирусский характер изложения исторических событий остался. Кроме того, основные положения курса «История румын» изложены и в других учебниках: «Познание мира» и т.д.

Процесс переписывания истории начался в советские времена. Еще в советских учебниках истории императорская Россия представлялась «тюрьмой народов», замалчивался факт проживания на данной территории многочисленного коренного русского населения – русинов (руснаков), создавших вместе с волохами средневековое Молдавское княжество и т.д. Теперь основные приемы советской историографии при изложении событий до революции 1917 г. применяются к современной России.

Часть исследователей, работающих в академических институтах и других государственных учреждениях, продолжает выполнять определенный политический заказ соседнего государства. Министерство иностранных дел Румынии много лет проплачивает издание книг по истории румын, проведение исследований и конференций. К примеру, в 2004 г. на издание школьного «Атласа по истории (румын и универсальной)» было выделено 742 500 000 старых румынских леев, «Словаря по истории румын» - 337 500 000 леев, книги «Штефан Великий и Святой» – 175 000 000 леев, на осуществление проекта проекта «История и политика в Республике Молдова» – 1 542 555 000 леев. В 2006 г. правительство Румынии выделило 2,5 млн. евро на гуманитарные программы в Молдавии. Было, в частности, профинансирова-

но издание «Атласа универсальной истории и истории румын» для школ на сумму 14 835 румынских леев. Выпущенная таким образом литература распространяется по учебным заведениям.

2. Русский язык: расширение сферы применения и соблюдение литературных норм.

В законодательстве Республики Молдова¹¹ закреплено функционирование русского языка в различных сферах. Статья 13(2) **Конституции Республики Молдова** гласит: «Государство признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны». **Закон о функционировании языков на территории Республики Молдова** (№ 3465 от 01.09.1989), действие которого никем не отменено, обозначил русский язык как язык межнационального общения (ст. 3). Соответственно, язык устного и письменного обращения в органы государственной власти, государственного управления и общественных организаций, а также в предприятия, учреждения и организации, расположенные на территории Республики Молдова, выбирает гражданин (ст. 6). Официальные бланки, тексты печатей, штампов и штемпелей должны выпускаться на государственном и русском языках (ст.27), вывески с наименованием органов государственной власти, государственного управления и общественных организаций, предприятий, учреждений и организаций, таблички с наименованием площадей, улиц, переулков, населенных пунктов и иных географических объектов должны изготавливаться на государственном и русском языках (ст.28), тексты публичных объявлений, извещений, рекламы и другой визуальной информации оформляются на государственном языке, при необходимости с переводом на русский язык, наименование товаров и продуктов, этикетки (ярлыки) товаров, маркировка, инструкции к товарам, произведенным в республике, а также любая визуальная информация, представленная населению республики должны также оформляться на государственном и русском языках (ст.29).

К сожалению, многие закрепленные законодательством положения не всегда выполняются. Вина в этом лежит не только на республиканских и местных органах власти, зачастую нарушающих действующее законодательство нашей страны, но на представителях русской общности и этнокультурных организациях, не отстаивающих закрепленные законодательством права национальных меньшинств, в том числе и в сфере функционирования русского языка и соблюдения его литературных норм.

3. Образование: сохранение существующего количества учебных заведений с русским языком обучения.

Хотя количество учебных заведений с русским языком обучения

продолжает сокращаться, процесс этот по сравнению с девяностыми годами прошлого века замедлился. Сегодня в республике насчитывается 280 учебных заведений с русским языком обучения. В основном они расположены в селах, где проживают потомки русинов и малороссов. Здесь, несмотря на противодействие учащихся и родителей, лидеры украинских общин при поддержке официального Киева пытаются провести «украинизацию» образования. В 54 учебных заведениях введено изучение украинского языка как учебного предмета, а в двух учебных заведениях введено обучение на украинском языке. При таком положении дел в республике в недалеком будущем может остаться менее 50 учебных заведений с русским языком обучения.

В средних учебных заведениях, особенно сельских, ощущается острая нехватка квалифицированных преподавательских кадров, методической, учебной, художественной литературы.

Сохранению учебных заведений с русским языком обучения способствует зафиксированное в законодательстве Республики Молдова право на выбор языка обучения:

Ст. 35 (2) Конституции Республики Молдова:

«Государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения».

Ст. 8 Закона об образовании (№ 547 от 21.07.1995 г.):

«(1) Государство обеспечивает в соответствии с Конституцией и статьями 18, 19 и 20 Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова право на выбор языка обучения и воспитания на всех уровнях и ступенях образования.

(2) Право граждан на воспитание и обучение на родном языке обеспечивается созданием необходимого количества учебных заведений, классов, групп, а также условий для их функционирования».

4. Русское православие: увеличение количества храмов с богослужением на церковнославянском языке и проповедями на русском.

17 мая 2006 г. в храме Христа Спасителя патриарх Московский и Всея Руси Алексей II и первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Лавр подписали Акт о каноническом общении. В объединении двух ветвей единой церкви огромную роль сыграл митрополит Лавр, по происхождению русин из Словакии, который благословил нас на выпуск международного исторического журнала «Русин». Объединение церкви, несомненно, будет способствовать усилению авторитета России и расширению российского культурного пространства в дальнем зарубежье.

К сожалению, в Молдавии ситуация не столь оптимистична. На фоне возросшей активности различных сект, получающих значительные

пожертвования из-за рубежа, православная церковь переживает не лучшие времена. Этому способствует и непродуманная кадровая политика. При назначении священников и ведении богослужения зачастую не учитывается этнический состав населения. В результате получилось, что в Кишиневе действует только одна Свято-Георгиевская церковь с богослужением на церковнославянском и проповедями на русском языке. Даже в предлагаемом типовом уставе для регистрации религиозной общины указано, что языком богослужения является румынский язык.

В то же время правительство Румынии официально поддерживает подчиненную Румынской православной церкви Бессарабскую митрополию, выделяя значительные средства на строительство монастырей и церквей. Также в последнее время в Молдавии участились попытки открытия приходов Украинской православной церкви Киевского патриархата.

Сохранение русской культуры и русского языка – многовекового достояния народов Молдавии – дело не только этнокультурных организаций, директоров, учителей, родителей учащихся, всех, кому небезразличны судьбы русской культуры и языка в нашей стране. Реальную поддержку в этом направлении должны оказать Молдавия и Россия, разработав для этого специальную государственную программу.

Право национальных меньшинств нашей республики на сохранение своей этнокультурной самобытности закреплено как в международном, так и молдавском законодательстве. В частности, ст.5 **Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций** (№ 382 от 19.07.2001 г.) гласит:

(1) Государство обязуется содействовать созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам,

(2) Государство обеспечивает проведение научных исследований по истории, языку и культуре национальных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матеевич А.* Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка // *Mateevici A. Opere. Vol. 2.* Chisinau, 1993. P. 30.

2. История Бессарабии. От истоков до 1998 года. Кишинев, 2001. С. 96-99.

3. Лазарев А.М. Молдавская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 276.
4. История Бессарабии. С. 173.
5. Anuarul Statistic al Republicii Moldova. 1992. Chisinau, 1994. P. 176.
6. Anuarul Statistic al Republicii Moldova. 1996. Chisinau, 1997. P. 202.
7. Anuarul Statistic al Republicii Moldova. 1992. P.159. Данные с учетом Приднестровья.
8. Anuarul Statistic al Republicii Moldova. 1996. P. 100.
9. Архив Бюро статистики Республики Молдова. Фонд № 3021. Опись 32 «а». Дело № 36. Л.15; Дело № 327. Л.3, 48.
10. Recensamintul populatiei 2004. Chisinau, 2006. P. 301, 328.
11. Законодательство Республики Молдова на молдавском и русском языках размещено на сайте Министерства юстиции Республики Молдова: <http://lex.justice.md>

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по «украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и "мазепинцы"»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской Руси»
- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Международный исторический журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Василий СТАТИ

**ПАПА РУС, МАМА РУС,
А ИВАН – МОЛДАВАН**
*Молдавская этнонимика
в произведениях русских авторов*

В 1711 г. население Молдавии впервые входит в контакт с русскими, прежде всего, с русскими армиями. С 1739 г., примерно через каждые 15–20 лет, русские армии кантонировались в Молдавии по 5–6 лет подряд (1769–1774, 1788–1792, 1806–1812, 1828–1834 гг.). Фактически около 20 лет Молдавия (и Валахия) были под русской администрацией. «Молдова прожила почти половину этой эпохи (1768–1812) под управлением диванов (государственных советов), руководимых и контролируемых русскими командующими, под влиянием идей и чувств, которыми были воодушевлены русские в это время. Тем самым мы можем утверждать, что Молдова на протяжении 20 лет из 50 состояла в государстве, политическое устройство и культурная ориентация, материальные и духовные проявления которого были европейскими»¹. Молдавские обществоведы, а также политические деятели разных эпох подчеркивали «положительное влияние присутствия в Молдавии русских войск, которое во многом способствовало политическому, экономическому и культурному развитию края»², ибо в рядах русских войск было, как утверждает молдавский государственный деятель, историк и писатель М. Когэлничану, «много великих мужей, поднявшихся с низов до самых высоких чинов, они порвали завесу предрассудков, скрывавшую от нас цивилизацию Европы, и приблизили нас к справедливости и либеральным ценностям Запада»³.

В Пруто-Днестровской Молдове в разные периоды подолгу жили и работали администраторы довольно высокого ранга, специалисты по государственному устройству, офицеры генштаба, впоследствии ставшие известными политиками, деятелями науки и культуры России: И. Аксаков, А. Зашук, Ал. Вельтман, П. Киселев, И. Липранди, Ф. Вигель, А. Ланжерон, П. Свиный и многие другие. Исполняя разные ответственные, впервые проводимые в крае работы, такие, как военно-топографические съемки, реорганизация административного управления, переписи населения, они, например, Ал. Вельтман, который работал в Восточной Молдове около 12 лет, исходили и изучили каждое село, каждый двор, каждую речку, каждый холм. Среди высокообразованных сотрудников российского Генштаба были офицеры, прово-

дившие статистические этнодемографические исследования (А. Защук и др.), переписи населения 1773–1774 гг., планирование и устройство дорог (И. Липранди и др.). Тогда в режиме референдума – свободного опроса – было доказано:

а) Восточная, Пруто-Днестровская Молдова – многонациональный край;

в) основное (мажоритарное) население именуется **молдаванами (молдованами)**.

Среди подробно исследовавших и картографировавших восточно-молдавский край были офицеры с признанными задатками этнологов. А. Вельтман, например, профессионально занимался историей и культурой славян, опубликовав в 1840 г. труд «**Древние славянские имена**».

Записи и наблюдения русских путешественников, произведения русских писателей, статьи и монографии русских исследователей о Молдавии, о своеобразии этой земли и ее материальной культуре, о молдаванах и их особенностях, о молдавском языке, о его романском происхождении и его славянском словарном компоненте – все это составляет неотъемлемую часть молдавской этнической истории, раскрывающей, как имя данной, возникшей и исторически утвердившейся коллективности – **молдаван** – отражается в глазах других – русских.

Этноним **молдаван**, **молдовень** или **Молдова** в русской историографии более распространен и древнее, чем принято считать. В силу далеких от науки соображений западно-ближние авторы не признают этих терминов, а для других эта проблематика периферийная. В результате, ценный источник, содержащий и сведения о молдавской этнонимике, – «**Скифская история**» А. Лызлова – до сих пор неизвестен восточнороманской историографии. В этой написанной в 1690 г. работе впервые, насколько нам известно, в русском **научном исследовании** утверждается имя тех, кто создал, по определению Н. Карамзина, «новую знаменитую державу – Молдавское княжество» – имя молдаван. Поскольку восточнокарпатское романизованное население издавна известно восточным славянам и как **волохи**, А. Лызлов, по традиции, использует и термины **Волошская Земля**, **волохи**. Примечательно, однако, что уже в XVII в. в русскую историографию проникают и утверждаются термины **молдавский воевода**, **молдаване**. А. Лызлов знал, что Бессарабия – это всего лишь южная, приморская, зона Пруто-Днестровской Молдовы: «Нижнюю Волошскую Землю иже Бессарабия называется»⁴.

В 1420 г. через Карпато-Днестровские земли проезжал русский дьякон Зосима, узнавший, что этот край называется **Волошская Земля** и живут здесь **волохове**, то есть **молдаване**⁵. Исторический месяцослов (1770–1771 гг.) Российской Академии публикует статью И. Фише-

ра «**О происхождении молдавцев, об их языке, знатнейших приключениях, вере, нравах и поведении**» (Bezviconi 1962, 334). Описывая приднестровские земли, которые посетил в 1799 г., П. Сумароков тоже пишет о **молдаванах**⁶.

Этноним **молдаване** к началу XIX в. отмечается уже в первых русских энциклопедических словарях: «**Народ молдавцы**, поселенный по разным местам в Екатеринославской губернии»⁷.

Изучая социально-политическое положение крестьян Тираспольского уезда в 1802 г., историк Е. Дружинина проследила по материалам допросов путь беженцев из других российских губерний, поселившихся на левобережье Днестра. «Характерно, что почти все поселенцы данного района, за немногим исключением, причисляли себя к **нации молдавской**; в качестве выходцев из-за границы они надеялись сохранить свою свободу»⁸. Создававшаяся этносоциальная ситуация объясняется тем, что многие русские, украинцы, стремясь избежать крепостной зависимости, объявляли себя **молдаванами-переселенцами**, которых было запрещено закрепощать. «Но чтобы записаться **молдаванами**, нужно было знать о таком этнониме, а если беглые из России и Украины его знали, то значит он был очень распространен»⁹. Отметим, что именно в этом кроются социальные и этнопсихологические корни народной присказки, бытующей и поныне в Молдавии: *пана рус, мама рус, а Иван – молдаван*.

Приобретение Россией после Бухарестского мира (16 мая 1812 г.) Пруто-Днестровской Молдовы, официально названной после 1813 г. Бессарабией, потребовало от российских государственных институтов ее изучения с целью максимального использования экономического потенциала и людских ресурсов. В августе 1815 г. в адрес управляющего Бессарабской областью поступило сообщение: «...Постановлено для обозрения настоящего управления Бессарабии и описания сообща тамошнего края отправить туда служащего в Государственную комиссию иностранных дел коллежского асессора Свинына. Оказывать ему необходимое содействие»¹⁰. В результате изучения социально-экономической и этнодемографической ситуации на месте, при содействии комитета, в который входил и молдавский писатель и общественный деятель К. Стамати, П. Свинын опубликовал «**Описание Бессарабской области**», где указывается, что коренное население именует себя молдаванами и они романского/римского происхождения. Знакомясь с этнической ситуацией в Запрутской Молдове, П. Свинын заметил: «...**Молдаване** (с правого берега Прута) смотрят с упованием на Бессарабию, как на предтечу их судьбы, а турки, со своей стороны, всячески стараются охладить преданность ее народа к России»¹¹.

Среди авторов, которые оставили разнообразные любопытные сведения о Молдавии и молдаванах с 1787 по 1830 гг., были западноевропейцы, которые волею судьбы поставили себя на службу Российскому государству и, как патриоты новой родины, воевали и отдавали свои знания и способности интересам России. Среди бывших «западников», достигших высоких чинов в русской армии, а затем занимавших высокие должности в управлении регионов России и воевавших с оттоманами на молдавских землях, был граф Александр де Ланжерон. Как русский генерал де Ланжерон участвовал в русско-турецкой войне 1787–1792 гг., когда Российская империя достигла Днестра; в войне 1806–1812 гг., когда Пруто-Днестровская Молдова была присоединена к России; в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1815–1823 гг. он был генерал-губернатором Новороссийского края¹², в который входили и молдавские районы левобережья Днестра. В примечаниях к «Письмам из провинции» (1991) И. С. Аксакова уточняется: «Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), граф, генерал-губернатор Новороссийского края (1815–1823), в 1823 г. был заменен новым наместником Воронцовым М. С...». У высокообразованного российского генерала и администратора французского происхождения было достаточно возможностей изучать Молдову и ее население, обычаи и особенности. Мы отметим лишь его этнонимические наблюдения.

Неоднократно было отмечено, что представители любой осознанной общности – «мы» – при контакте с представителями противоположных/иных – «они» – замечают прежде всего различия: в облике, в речи, в быту... Воспоминания Ланжерона о Молдове и молдаванах – это суждения графа-эмигранта, не избавившегося от чувства превосходства выходца из общества, находящегося на более высокой ступени цивилизации в эпоху, когда воображаемые или реальные представления о других нациях выражались без «условностей» и без оглядки на возможные обвинения в ксенофобии¹³. Разумеется, этот русский генерал и русский генерал-губернатор французского происхождения волен был комментировать быт, проявления культуры, обычаи края с высоты воображаемого им собственного превосходства, но он не мог себе позволить исказить объективно существующие этнические реалии. Граф Ал. де Ланжерон знает о романском происхождении молдаван и валахов (мунтян). Он один из немногих зарубежных авторов, который на месте убедился, что Бессарабия обозначала территорию, известную с XVI–XVII вв. под именем «Буджак», которую оттоманы и валахи оторвали от Молдовы в 1484 г. С нескрываемым превосходством пишет французский граф и русский генерал о перепуганном «моем молдаванине», обалдевшем от бесчисленных набегов, кампаний, оккупаций со стороны турок, валахов, татар, поляков, русских, опять

татар, опять турок, опять русских... Он снисходительно наблюдает «этих молдаван – бояр (boyards), которые теперь стали принцами, графами, баронами... Иные из этих молдаван-бояр очень богаты..., почти все были в Константинополе, путешествии, необходимом для становления маленького властителя-молдаванина... **Молдаване** неоднократно пытались освободиться от любого порабощения...».

Особенно не понравились Ланжерону местные танцы и мелодии: «Признаюсь, что когда увидел, как танцуют молдавانه, долго колебался: они учили медведей танцевать или, может быть, медведи учили танцевать молдаван». Эта его оценка молдавского народного хореографического искусства остается уникальной в этнографической литературе. Трудно представить, что и кого увидел русский генерал/французский граф. Он пытается смягчить суровую «медвежью» оценку молдавских танцев, сообщая о неизвестном молдавском танце: «Все-таки есть у молдаван танец из Константинополя – гряка (la greque), он великолепен». Ланжерон каким-то образом выяснил, что «дамы – **молдаванки**, узнав из цивилизованных стран (видимо, из Франции – В. С.), что женщина *bon ton* должна иметь хоть одного любовника, приобрели себе по два...».

Помимо подобных милых французским авторам пикантностей, записи Ланжерона содержат все же много верных деталей быта и хозяйствования **молдаванина-крестьянина**, **молдаван** вообще, которых объем этой работы не позволяет воспроизвести.

Как и абсолютное большинство зарубежных авторов, в том числе и русских, Ланжерон четко отделяет **молдаван** от валахов/мунтян, тонко примечая извечные «претензии» последних на извечное романство: «Мунтянский (валашский) крестьянин, гордый своими претензиями быть потомком римлян, смелее **молдаванина**».

При всем своем скорее воображаемом превосходстве граф де Ланжерон, воевавший за избавление Молдовы от оттоманского сюзеренитета, за освобождение молдаван, в своих записях объективно представил этническую характеристику мажоритарного населения Молдовы, подчеркивая его романские корни. Как и все авторы той и последующих эпох, он обоснованно различает две страны: **Молдавию** (la Moldavie) и Валахию (Valachie). Граф отмечает, что Буковина – это северная часть Молдовы, которая была отдана «германской (sic!) королеве Марии-Терезии в 1774 г.»

Об объективности этнических наблюдений Ланжерона свидетельствует и то, что он, высокообразованный французский граф, потомок романизованных галлов, так и не узнал в ни 1787-1792 гг., ни в 1806-1812 гг. и даже позже, когда опять подолгу пребывал в Валахии, что валахи якобы называли себя «румынами». Ни в 1824, ни в 1829 гг.,

когда в очередной раз редактировал свои мемуары, Ланжерон не нашел свидетельства об осознанном бытовании этнонима «румын». Видимо, сложно было выявить то, что еще тогда не установилось. В 1812 г. «Мы – Румыния, мы – румынское племя (neamul romanesc), Румынии не существовало... и никто не помышлял о том, что какая-то Румыния могла быть возможной»¹⁴. Забавно, что в последних комментариях румынских историков записей Ланжерона Valachie (Валлахия) переводится как «Румынская страна» (Țara romaneasca); les valaques (валахи) переводится «romani» (sic!), а вот valaques turcs не переводится как «romani turci» (турецкие румыны), а «valahi turci» (турецкие валахи)¹⁵.

Среди российских иноземцев, оставивших свои мемуары о Молдавии и молдаванах, Моро де Бразе не числится. Он до сих пор остается неизвестным молдавской историографии и этнологии. Этот французский дворянин, офицер по каким-то причинам оставил свой полк и, прельстившись обещаниями Петра I, в 1711 г. стал полковником русской армии. Участвовал в печально известном Прутском походе, а после был освобожден от службы в чине бригадира. В 1735 г. опубликовал «**Политические, забавные и сатирические мемуары...**».

Записи Моро де Бразе для молдавских историков и этнологов вдвойне примечательны. Во-первых, отмеченные им молдавские этнические сведения прошли тестирование через французский язык и через французское самосознание автора. Во-вторых, этническая прочность самосознания молдаван выдержала суровое испытание русского языка и особенно такого переводчика, коим был сам А. С. Пушкин: мемуары Моро де Бразе доступны нам благодаря переводу на русский язык этим русским поэтом.

Французский дворянин, ставший полковником русской армии, невзлюбил Россию и не проникся уважением к Петру I. Эта неприязнь вперемежку с сомнением француза-дворянина, попавшего в «варварские» края, повлияли на общую тональность его мемуаров, и не только на описываемое им все российское, но и на молдавскую действительность тех лет. Приведем несколько фрагментов, учитывая, что здесь нас интересуют топонимические данные, но в основном *этнонимический ряд*. «...Генерал-фельдмаршал граф Шереметев пошел к Могилеву..., переправился через Днестр в трех разных местах и занял **Молдавию**... Господарь (Д. Кантемир)... привел к нему до шести тысяч плохой **молдавской** кавалерии... 23 июня (1711 г.) государь (Петр I) принял в подданство **молдавского господаря**... Не считаю 10 000 казаков и 6000 **молдаван**, годных только для опустошения земли, как и татаре... У Рене было 8 драгунских полков да 5000 **молдаван**... Фельдмаршал приказал казакам и **молдаванам** прогнать и пре-

следовать неприятеля...». Моро де Бразе записал «старинную легенду о могиле одного **молдавского** господаря... **Молдаване** следовали за армией, из коих многие хорошо говорили по-латыни (sic!)... Первым повелением нового государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю принести по три фута земли на сие место... Мы спросили нашего **молдавана**... Со всем своим **молдавским** двором... Армия наша вся вместе состоявшаяся из 79 8000 человек, не считая казаков и **молдаван**...¹⁶.

Впервые опубликованные в 1837 г. на русском языке А. Пушкиным неизвестные до сих пор молдавской историографии мемуары Моро де Бразе содержат малоизвестные сведения о русско-турецкой войне 1711 г., о социально-политической обстановке в Молдавии того времени, о молдавско-русских отношениях. Прутский поход 1711 г. был первой попыткой осуществления положений первого молдавско-русского военно-политического союза, заключенного в Лужце 2 апреля 1711 г.

Комментируемые записи ценны и тем, что они подтверждают устоявшееся в европейском научном и информационном обороте имя страны – **Молдавия**, имя народа, сотворившего ее – **молдаване**. Молдавские исторические, географические и этнические сведения из мемуаров Моро де Бразе особенно примечательны тем, что они удостоверяются авторитетом А. С. Пушкина, который молдавские реалии, в том числе этноним **молдовень**, узнал и усвоил из первоисточника, от носителей этого этноидентифицирующего признака – от самых молдаван еще в 1820–1822 гг.

Методология изучения этнонимов, отмеченных в письменных источниках, требует учесть не только время, конкретные события и место их совершения, но и мировоззрения самих авторов: гордый за свое графское происхождение русский генерал де Ланжерон, временно служивший России бывший полковник французской армии и бригадир русской армии, обиженный царским двором Моро де Бразе или выполняющий важное поручение в Молдавии русский высокопоставленный чиновник И. Липранди.

Среди русских офицеров был Александр Вельтман, ставший впоследствии известным писателем и исследователем, который после 1812 г. исходил, изъездил вдоль и поперек всю Пруто-Днестровскую Молдову. Восемнадцатилетним прапорщиком в марте 1818 г. он поступил на службу в военно-топографическую комиссию, начавшую съемки Бессарабии. А спустя 8 лет непрерывной работы по всему краю, в 1826 г., возглавил службу по топографическим съемкам всей Восточной Молдовы уже в чине штабс-капитана. Тогда же он был назначен начальником Исторического отделения Главной квартиры армии, дислоцированной здесь.

Как кишиневский старожил А. Вельтман знакомил А. Пушкина с молдавскими песнями (одна из первых – «**Черная шаль**»)¹⁷. С середины 1820 г. А. Вельтман предпринимает первые попытки обобщить свои наблюдения о Восточной Молдавии: в 1828 г. печатает книгу «**Начертание древней истории Бессарабии**». Отрывки публиковались в журнале «Московский Телеграф», который высказал надежду, «что занятие военною службой не навсегда отвлечет г-на Вельтмана от занятий историей и что со временем можем мы надеяться увидеть дальнейшие труды его»¹⁸. В конце 20-х годов он решил описать то, что увидел и познал во время своего длительного пребывания в Бессарабии. Тем более, что, как он признавался, «выучил наизусть этот край». Но, поскольку «о Бессарабии уже писалось неоднократно» (В. Сумароков, 1800; Д. Бантыш-Каменский, 1818; П. Свињин, 1818–1823; И. Яковенко, 1828 и др.), А. Вельтман решил прибегнуть к жанру «свободного романа»; сюжет его – история молодого человека, особенно в первой части, на фоне молдавской действительности, молдавского пейзажа. Под влиянием вышедших в 1830 г. глав «**Евгения Онегина**» задуманное произведение А. Вельтмана должно быть «энциклопедией бессарабской столичной и провинциальной жизни». Писатель так определил свое творение:

Мое житье, мое бытие,
Ты путешествие мое,
Моя энциклопедия¹⁹.

С первых глав «**Странника**», отмечая свой путь «от Атак Днестром мимо с. Мерешовки, на гору, через Окницу до м(естечка) Бричан, от Бричан еще 50 верст и мы в Хотине», писатель приглашает своих читателей:

Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия! вот свет!
Я в нем чуть-чуть не десять лет,
Как шар, катался по бильярду!

Все его «катание», вся его бессарабская жизнь наполнены, усыпаны молдавскими географическими, этнографическими и бытовыми реалиями. Его «свободный роман» «**Странник**», другие художественно-документальные творения – «**Джок**», «**Радой**», «**Два майора**», «**Счастье – несчастье**», «**Костештские скалы**», «**Урсул**» – это перечень наиболее этнически насыщенных произведений автора о Пруто-Днестровской Молдове, нередко на причудливой смеси русского языка и молдавской речи. Писатель основательно изучил историю и этнографию края. Он знает, что страна между Восточными Карпатами и Днестром всегда называлась **Молдавией**: «Народные экипажи в Молдавии называются каруцами» (с. 16). В монастыре Городище (Орге-

евского цыгута) **молдавский монах** рассказал ему, что «все **молдавские москали** (= солдаты) были вооружены пушками, то есть ружьями». На базаре, где «**молдаван** с поджаренным лицом кричал "плацинда! плацинда!", можно было купить много чего: кушмы (головной убор из мерлушки), кочковал (кашкавал – овечий сыр кусками)... Рядом:

Толстый **молдаван-бояр**,

Недвижно так, как идол древний...»

Прогуливаясь вдоль улиц, «встречая повсюду русских, **молдаван**, греков, сербов, болгар, турков, жидов и др., я не смел сделать им вопроса: «всякую шатася языцы?» (с. 28). Познакомившись «с одним знатным **бояром молдавским**, тот спросил "*Молдовенешти нушти?*" (молдавского не знает?). "Нушти", - отвечал мой товарищ» (с. 31).

В «свободном романе» А. Вельтмана немало печальных романтических драм, характерных, по сути своей, для этнической истории края:

В **Молдавии**, в одной деревне

Я заболел...

...Лишь хозяйка,

Все целомудрие храня,

Ходила около меня...

И исповедовалась:

- У нас здесь полк стоял пехотный...

Меня любил фельдфебель ротный...

Уж кажется, прошло два года,

Парентий (отче, священник) нас благословил

И вот до самого похода

Со мной Илья Евсеич жил.

.....

Я много слез по нем лила...

.....

С полгода, как я вышла замуж.

Мне **молдавнская земля**

Мила: хоть здешняя я родом

Но вылита я в москаля,

Поручика, который взводом

В деревне нашей с год стоял... (с. 55).

...Не счесть, сколько только в XIX в. взводов, полков, сколько фельдфебелей, поручиков, майоров, полковников, бесчисленное количество солдат благословил, а еще больше не благословил парентий, после чего сотни тысяч Марвелиц (Маргьолиц) подолгу или понемногу лили слезы и качали красивых русоволосых Ванюшек и Марусь, которых в Молдавии и сегодня многое множество. В этом шутовском, но в то же

время и грустном поэтическом экспромте А. Вельтмана своеобразно отражается определенная сторона этнодемографических процессов в Молдавии XIX в.

Много лет прожив в Молдове, А. Вельтман, в отличие от большинства других российских авторов, смог более объективно оценить качества молдаван, их облик. В отличие от того же И. Липранди и особенно А. Пушкина он искренне восторгается красотой молдавских **кукониц** (барышень), которые, оказывается, могут устоять натиску не только фельдфебелей: «...Мне кажется, что я уже в толпе **красавиц Молдавии**, иду по полю, очарованный их прелестью! Вот та, которая лучше всех...

Она

- Не знаю, чем вы не довольны?

Я

.....
- Понятно все: вы **молдаванка**,

А я москаль! (с. 161)

...Равнодушие красавицы так на меня подействовало, что выскочил из **каруцы** и пошел в сторону, воображая, что удаляюсь от жестокой молдаванки» (с. 162).

Раскрывая процесс по составлению карт Молдавии, писатель не упускает и этническую константу этих мест – молдаван:

...Уткнув на план перст,

Он говорит, что близ **Бужоры**

Не могут быть так круты горы,

Что от **Бужор** до **Котоморы** (Котул Морий)

Двенадцать, а не десять верст,

Что все в деревнях – **молдаване**

Его бояться... (с. 180).

Документальный рассказ «**Костештские скалы**» (что в Рышканском районе) был опубликован в «Одесском альманахе» за 1840 г. Все герои его – офицеры, прикомандированные к военно-топографической комиссии (фамилии изменены). Все остальное: названия мест, молдавские бытовые детали, фрагменты молдавской речи, этнонимические реалии – передано адекватно и уважительно. ...**Ленкуца**, «дочь мазыла, или **молдаванского однодворца**», провожает их постояльца, который уже сел в **каруцу** и решает, кому править: «**Молдавану** или другому... **Молдаване** гикнули... **Хайд!** повторили лихие **калараши** (всадники)... Едва выбрались на отлогий скат к реке **Пруту**, **каруца** повернула к Костешть и вскоре очутилась на пространстве Ста могил» (корректно: **сута де мовиле – сто курганов – В.С.**). Далее пересказывается легенда, как «река Прут течет сквозь брешь,

пробитую волнами в Костештских скалах, что выдаются из крутого берега Прута и берега реки *Чугура*...». Спор о том, кто сотворил это чудо природы, заканчивается выводом: «черт строил, только не русский, а **молдавский** по имени *Драку*» (с. 320).

Опубликованный в 1841 г. рассказ «*Урсул*» – документальный эпизод о поимке разбойника Урсула (медведя) на Малой Малине в Кишиневе в 1824 г. «Смуглый, суровой наружности человек в **молдаванской кушме** стоял, облокотясь на одну из лошадей... Я спросил у него **по-молдавански**, не продаст ли мне одного жеребца... Вдруг из ворот выбежал **молдаван**, а вслед за ним другие... Они бросились к корчме, на которую указывал **молдаван** и кричал: «Талгарь!» (*тэл-хар* – вор)... На крик молдавана бросился с площади и народ...».

Александр Вельтман – единственный русский автор, который долго бесперерывно жил и работал в Пруто-Днестровской Молдавии и который, на основании детального изучения края, достоверных, неоднократно проверенных на месте информации, оставил наиболее богатые, разнообразные и искренние сведения о молдавском крае. Он хорошо изучил и знал не только великосветское общество и губернаторский дом в Кишиневе, как А. Пушкин; он не был здесь лишь в двухмесячной командировке, как И. С. Аксаков, узнавший молдавскую действительность, жизнь и быт молдаван, побывав по 1–2 дня лишь в некоторых населенных пунктах; он не интересовался только лишь статистикой этнодемографических процессов в крае, как А. Зашук. А. Вельтман многие годы подряд жил жизнью молдаван всей Восточной Молдовы от Хотина до Аккермана, от Скулян до Дубоссар. Автор до того впитал и усвоил образ жизни, традиции, предания, обычаи, язык молдаван, что порою кажется, что он чувствует себя настоящим молдаванином. Его молдавские рассказы, роман «*Странник*» густо насыщены сугубо молдавскими народными выражениями: *обичеюл пэмынтулуй* (обычай земли), *сараку де мине!* (горе мне!), *маре калабэлык!* (большой беспорядок!) и др.

В научных и литературных произведениях «бессарабского периода» А. Вельтмана этнические самоидентифицирующие признаки основного населения края – **Молдова, молдаване, молдаванский/молдавский язык** – составляют богатый свод достоверных сведений о **молдавскости** Молдавии и, разумеется, Пруто-Днестровской Молдовы с XIV века до наших дней.

О широком ареале распространения этнонима **молдовень** писал в 1791 г. академик И. Гюльденштедт: «Большинство **Молдавского** полка (в Прибужье)... называли себя **молдаване, молдовень**...»²⁰.

В работах А. Скальковского, прежде всего в «*Хронологическом обозрении Новороссийского края*», в 2-х частях (Одесса, 1836–1838),

«*Опыте статистического описания Новороссийского края*», в 2-х частях (1850–1853) представлен обширный материал о **молдаванах**, украинцах, русских, татарах, поляках и др. В 1857 г. была опубликована статья И. Енакиевича «*О некоторых особенностях аккерманских молдаван*»²¹. «Локальный вариант культуры аккерманских молдаван И. Енакиевич связал с культурой других народов – украинцев и русских»²². Здесь также отмечается особое «почитание молдаванами властей и церкви». Опубликованная в 1862 г. статья В. Мартиновского «*Черты нравов молдаван*» написана по материалам, собранным в 50-е годы XIX столетия в Подольской губернии²³. В результате изучения населения юга России академик П. Кеппен составил в 1851 г. первую этнографическую карту европейской части империи. По его данным, перенесенным на карту, «в Бессарабии жили **молдаване**, болгары, немцы и частично евреи»²⁴.

Обзор и систематизация молдавской этнической номенклатуры из зарубежных письменных источников как существенный компонент основы этнической истории молдаван, как сумма бесспорных доказательств континуитета молдавской этничности подтверждают мысль: чем дольше автор знакомится и изучает явления непосредственно на местах, в полевых условиях, чем шире ареал изучаемого им предмета, тем обоснованнее авторские результаты. Самый убедительный пример тому – бессарабские произведения А. Вельтмана. И наоборот: если предпринимаются исследования с заранее заказанным результатом, итог может не соответствовать ожиданиям.

Действительный тайный советник П. Батюшков несколько десятилетий был связан с Западнорусским краем. Главное направление его деятельности – это доказать, что «вся площадь Западного края заселена русскими, православным населением, за исключением Ковенской и отчасти Виленской губерний, где преобладает племя литовское...». Его усердие было направлено на то, чтобы «опровергать те ложные сведения о составе населения в Западном крае, которые распространяли поляки, заявившие свои притязания на эти исконно русские области». С такой целью он и издал свой «*Атлас народонаселения Западнорусского края по исповеданиям*» (1863 г.)²⁵. В последующем П. Батюшков выпустил книги «*Холмская Русь*» (1887 г.), «*Волынь*» (1888 г.), «*Белоруссия и Литва*» (1890 г.) и «*Подолія*» (1891 г.), которые прослеживали «исторически сложившиеся судьбы разных частей Западной Руси, освещая факты ее прошлого с русской точки зрения...», поскольку наша литература еще не дала общедоступных сочинений, в которых **исторические судьбы Западной Руси были бы изображены с национальной – русской – точки зрения...**». После описания двух губерний Забужья (Люблинской и Сед-

лецкой), входящих в управление Варшавского генерал-губернаторства, и других западных областей, стараниями П. Батюшкова был подготовлен однородный с ними по плану труд о Бессарабии с той же целью – «освещать факты ее прошлого с русской точки зрения»²⁶.

П. Батюшков лично ни разу не бывал в Бессарабии, ставшей губернией в 1873 г. Тем не менее, он издал книгу о Пруто-Днестровском крае лишь «на основании специальных местных исследований (*неизвестно только, каких? – В.С.*) и документальных, почерпнутых в правительственных и частных архивах и книгохранилищах лицами, посвятившими себя изучению истории и настоящего быта, которые по поручению издателя посетили описанные ими местности»²⁷. Составители сборника **«Бессарабия. Историческое описание»** с первых строк **введения**, отмечая «разнообразие нынешнего (1892 г.) населения Бессарабии», выделяют «племена румынское (sic!) и русское» и комментируют «общую оценку исторических прав их на страну (Бессарабию)». Парадоксальным образом они пытаются аргументировать «необходимость обозрения **истории Бессарабии «с русской точки зрения»** усердным распространением румынской точки зрения на Бессарабию, «особенно выделяя румынское племя (Бессарабии), как самое многочисленное...». Упорно подчеркивая, что «из разнообразия состава населения особенно выделяются по своей численности два главных племени: румынское, самое многочисленное..., а затем русское, составляющее ветвь великой славяно-русской земли», составители констатируют: «То и другое племя, в лице своих отечественных историков и исследователей старины, одинаково считает себя исконными, коренными жителями этой страны и заявляет свои исторические права на нее... Некоторые румынские ученые-патриоты и доселе продолжают смотреть на русскую Бессарабию как на часть румынской территории...»²⁸.

Издатель заверяет, что «счел бы преступным преклониться от истины из каких бы то ни было видов или побуждений», а в **примечаниях** делается ссылка на работу Д. Анучина **«Кто вводит в науку большие недоразумения»** (1888 г.). Тем не менее, издатель и составители, выпуская сборник **«Бессарабия. Историческое описание»** (1892 г.), преследовали лишь одну основную цель: **«представить историю Бессарабии с русской точки зрения»**, полностью игнорируя 533-летнюю (на то время) историю **Молдавии и молдаван**. По статистическим данным А. Зашука, в 1862 г. в Пруто-Днестровской Молдове (Бессарабии) насчитывалось 600 000 молдаван (66,4% всего населения), 20 000 русских (2,1%) и ни одного румына. В 1871 г. в Бессарабии был следующий национальный состав: 692 000 молдаван (67,4%), 162 252 (15,0%) русских и ни одного румына. По первой пере-

писи населения Российской империи (1897 г.) в Бессарабии насчитывалось уже 920 919 молдаван (47,6%), 155 774 русских (8,05%) и тоже ни одного румына. Так кто же вводит в науку большие недоразумения? Было бы крайне поучительно узнать: на основе каких документальных данных и как определили порученцы-составители и издатель, что «в нынешней (1892 г.) Бессарабии... особенно выдаются два главных племени: румынское и русское»?! Представляется малопродуктивной попытка утвердить «русскую точку зрения на Бессарабию», всячески пропагандируя ложный тезис о принадлежности молдавского этноса, чей этноним **молдовень** возник еще в XIII в., к населению Румынии – политоним, который начал распространяться через средства массовой информации лишь после 1862 г.

К концу XIX в. молдавский прудо-днестровский край все чаще стали изучать и писать о нем высокопоставленные чиновники российского правительства. В 1888–1892 гг., почти одновременно с «**Бессарабией**» П. Батюшкова, в Москве выходят три тома под общим названием «**Иван Сергеевич Аксаков в его письмах**», которые содержат и его послания из Бессарабии. В отличие от П. Батюшкова, И. Аксаков, выполняя задание правительства, лично объездил и изучал Бессарабию в ноябре – декабре 1848 г. от Бендер, Аккермана и Вилково до Кишинева через Скуляны до Хотина и Сорок. Высокообразованный интеллигент, одаренный литератор, искусный описатель новых земель, житья и быта незнакомых наций, И. Аксаков оставил потомкам свои тонкие, хотя и не всегда верные наблюдения о жизни молдаван, о ситуации Прудо-Днестровского края в 1848 г. Как и П. Батюшков, он был славянофилом, русским патриотом, но менее одержимым «освещать факты лишь с русской точки зрения». Как и А. Пушкин, И. Липранди, П. Батюшков, Ф. Вигель и др., И. Аксаков тоже волей-неволей при описании молдавской действительности впадает в позу представителя высшей цивилизации, попавшего волей случая в край ленивых и бестолковых туземцев. Но в отличие от И. Липранди, А. Пушкина или Ф. Вигеля, И. Аксаков более снисходителен, более осторожен при характеристике молдаван, признавая их достоинства и добрые качества, не скрывая в то же время, пусть и очень редко, что представители и его нации не всегда безупречны.

Относительно этнической терминологии – аспект, интересующий нас здесь – письма из Бессарабии И. Аксакова (ноябрь – декабрь 1848) – это документальные свидетельства, удостоверенные умными глазами и тонким умом человека высокой культуры и, в силу этого, по мере возможности беспристрастного, который доверяет своим чуть ли не ежедневным записям лишь то, что сам увидел, сам познал и в чем сам убедился. Это, прежде всего, относится к этнониму **молдовень**.

И. Аксакову было известно, что мажоритарное население Пруто-Днестровской Молдовы – это особый народ романского происхождения с романской речью. «Бессарабия, – писал он, – это не то, что Новороссийский край. В ней туземцы, коренной православный народ: это **молдаване**, которые, в свою очередь, потомки римских колоний; язык их очень близок к итальянскому и физиономии сродни»²⁹. Он довольно хорошо знал историю стран Придунайского региона. В первый же день пребывания в наших краях он пишет: «**Молдаванскому движению** в пользу объединения Молдавии, Валахии и Бессарабии в одно государство здесь сочувствия не было» (с. 255). Хотя бы потому, что княжества Молдавия и Валахия были под сюзеренитетом Турции. «На пути от Тирасполя к Бендерам проехал я болгарскую колонию (*видимо, Парканы – В. С.*) и встретил болгар, мало отличающихся зимним своим костюмом от наших. Все они, равно и **молдаване**, попадавшиеся мне на дороге, довольно зверообразны, особенно последние: какие-то крепкие, налитые желчью и кровью лица» (с. 256). «...В церкви (в Бендерах), слава Богу, было тесно, но **молдаван** зажиточных почти не было... Есть что-то такое в способе ношения одежды, что сильно отличает их.. Я рассказываю вам костюм **молдаванских крестьян** или царан; настоящего богатого **молдаванского наряда** я не видел... В Телице (село) поселянский стряпчий... угостил меня довольно скромным обедом и **молдавским вином**» (с. 259). Кукуруза – «это любимый хлеб молдаван... Во время завоевания (Бессарабии) большая часть **молдаванских бояр** уехали в Молдавию (Запрутскую)».

«16 ноября 1848 г. Кишинев... Город довольно красив... Досадно, что негде мне увидеть здешнего общества **молдаванских бояр**... Их очень мало здесь... **Молдавская аристократия**, говорят, гораздо более отуречилась, чем низшие классы... Ходил по базару. Все жида и частично **молдаване**... **Молдаване**, кажется, вполне заслуживают название «тяжелых», расположенных к тучности... Физиономии молодых **молдаван** и **молдаванок** довольно приятны... На базаре мало русских... Зашел я обедать к здешнему ресторану. Там нашел трех **молдаван-дворян**...» (с. 263).

И. Аксаков зорко улавливает и метко обобщает отдельные межнациональные ситуации, характерные для этнической истории молдавского общества. «...Ламбрович (*земский начальник в Яловень – В.С.*) – примечательное лицо, которому как-то прилично быть в Бессарабии. Он родился в Смирне, от тамошних уроженцев, первоначально воспитывался там, потом в Петербурге, служил в военной службе, в турецкую кампанию... Жена его родилась от отца-немца и матери-польки в Грузии, воспитывалась в Петербурге, вышла замуж в Бессарабии!.. И здесь все так. Самые чиновники – какой-то сбродный на-

род, и почти все говорят **по-молдавански**... Горы почти все покрыты зеленью, многие еще девственны, потому что **ленивая рука молдаван** не касалась их богатой почвы...» (с. 266). «Часто в самом глухом месте вы встречаете колодезь, сделанный молдаваном (**видимо, самым ленивым – В.С.**) в память родителей или других, близких ему, на пользу проходящим... Хаты всегда чисты внутри и снаружи. Это дело женщин, которые здесь гораздо трудолюбивее мужчин. **Молдаванин** еще ленивее хохла». По мнению проезжающего в бричке по Бессарабии И. Аксакова, «**молдаван** пашет только то пространство, которое ему нужно для ежегодного прокормления себя и своего семейства мамалыгой» (с. 267). Если бы это было так, как показалось И. Аксакову, то невозможно было бы объяснить известную борьбу молдаван за гектар земли, десятки восстаний «за землю и волю». Если бы молдавانه, которых проездом увидел И. Аксаков, были «ленивыми», даже «ленивее чем...», то как объяснить то, что он заметил раньше: «Нигде магазины (склады) так хорошо не устроены, как здесь. Магазины полны хлебом всякого рода, и есть особый амбар для кукурузы...» (с. 260). «Войдя в хату, вы удивитесь чистоте, порядку и даже вкусу» (с. 268). Далее он пишет несовместимое, педалируя воображаемый им негативный стереотип «ленивого, примитивного молдаванина». По субъективному мнению И. Аксакова, «москвича по воспитанию, убеждениям, по приверженности к московскому направлению, служившего в Министерстве юстиции», «в этих чистых (!) хатах живет самый грубый и глупый, нелепый, жалкий народ, способный вывести из терпения всякого привыкшего к уму русского мужика...» (с. 268). Полагаем, что даже у «привыкшего к уму москвича» хватит разума понять, что для того, чтобы построить со вкусом и поддерживать в чистоте молдавскую хату, требуется немало постоянного труда и не меньшего умения, ума, то есть. Иногда у высокопоставленного столичного визитера в Бессарабию прорываются и самокритические нотки: «Не мешало бы и русскому человеку жить не так свиновато» (с. 268).

Порою кажется, что один из лейтмотивов «бессарабских писем» И. Аксакова – это беспробудная «лень молдаванина»; он самозабвенно ищет ее и отмечает, даже там, где ее быть не может. Эту мифическую лень он связывает с генетическим кодом молдаван, она у И. Аксакова этнически окрашена: «Эта итальянская лень! – восклицает он. – Мудрено в них узнать потомков римлян!» (с. 267). Проезжая из одного села в другое, на пути из Бужор в Збероая (**«Збирой» пишет этот вояжер – В.С.**), И. Аксаков вдруг вспомнил: «Да, забыл рассказать еще образчик **молдавнской лени**. Когда вырастет кукуруза, – пишет он как многоопытный кукурузовед, – то **молдаван** не

срезывает ее, а ломает самые головки или кочаны; при ломании, – воображает И. Аксаков, – выпадают, высыпаются зерна на землю; он затопчет их ногами и больше не сеет» (с. 268). Вот так! Если верить И. Аксакову, который судит о тяжелой работе из проезжающей мимо брички, то это – вершина молдавской агрокультуры, кукурузной агротехники! А хлебороб-молдаванин выглядит не только ленивым, но и непобедимо глупым. Справедливости ради отметим, что любой молдаванин, читая эти нелепости (растиражированные в 1988 и в 1991 гг.), усомнится в здравости ума того, кто доверил бумаге эти «открытия». Во-первых, осенью, когда завершаются все полевые работы в садах, виноградниках, огородах и когда одновременно надо готовиться к следующему урожаю, молдаване, если не успевают, иногда срывают созревшие кочаны кукурузы, чтобы не попали под осенние дожди. А стебли они срезают позже: это будет корм для их скота. Во-вторых, любой крестьянин, даже русский, знает, что кукуруза – это не подсолнух, ее зерна не высыпаются. Для того, чтобы лущить их, есть ручные и механические приспособления. Однако, как мудро напоминал Станислав Ежи Лец: «Всегда найдутся эскимосы, которые выработают для жителей Конго инструкцию, как вести себя во время жары».

К сожалению, нередко случается, и даже в наши дни, даже в исторических трудах, даже с просвещенными путешественниками: свое высокомерие и элементарное незнание выдают за лень и глупость других.

Представитель передовых кругов России, человек, несомненно, широкой эрудиции, И. Аксаков знал, что Бессарабия – это лишь часть исторической Молдавии, что оба берега Прута – **молдавские**, что и там, и тут живут **молдаване**. Доехав до «Збероаи, на самом берегу Прута, на самой границе», он пишет: «Прут, очень небольшая река, которую летом во многих местах и курица может перейти, сдерживает здесь напор так далеко и широко раскинувшейся Руси! Противоположный берег **молдавский** – такие же издали белеют деревни, **такой же язык**, но там уже не то. Влияние русское легло на Бессарабию, на самый народ. Здесь, в этой пограничной области, сильнее, живее чувствуется благодетельная сень русской силы – и нет ни малейшего сочувствия... **Молдаване** или собственно царане не переходят туда, хотя нет ничего легче... Но оттуда часто приходят толпами селиться в России...» (с. 270, 271).

Добравшись до Новоселицы, что в Хотинском цынуте, И. Аксаков не смог сдержать своих эмоций: «Как я обрадовался, перейдя от **молдаван к руснакам**... Я не поскупился на водку и искренне радовался, услышав снова русский язык в устах народа!» (с. 274).

Немалый путь в Сороки, немощенная дорога, скверная погода опять отразились на суждениях И. Аксакова о молдаванах: «Дорога грязная,

вез нас бестолковый **молдаван**... Вдобавок: «лошади обывательские (*видимо, аристократических не нашлось – В. С.*) были невообразимо плохи...» (с. 276).

Верноподданническая душа путешественника немного успокоилась, убедившись, что «у руснаков и у молдаван уважение к нему (царю) беспредельное» (с. 277).

И. Аксаков завершал свою инспекцию Бессарабии в конце декабря. Как известно, ноябрьско–декабрьская пора в Молдавии для путников не самая благоприятная. Почти двухмесячные скитания по Бессарабии вконец испортили настроение и повлияли на добрые, в общем-то, впечатления И. Аксакова о Молдавии и о молдаванах, что заметно в не самых приятных определениях, участившихся в его записях. В Хотине жена хозяина квартиры «плохо говорит по-русски», «дочь невыносимо скучна», к тому же «пыталась голодного, уставшего от подлейшей дороги и **молдаванской телеги** поучить **молдаванскому языку**...» (с. 281).

Но вот «Измаил, славный городок, можно сказать, столица Буджак. Когда татары оставили Буджак (*были депортированы в 1807 г. в Крым – В. С.*), эта пустынная сторона быстро населилась русскими всякого рода, выходцами из Турции (*из-за Дуная – В.С.*), беглыми из России, **малороссийскими бродягами**. Здесь почти не встретите молдаван; всюду увидите вы умные, добрые лица, могучие осанки русских людей» (с. 285). Очевидно, эмоции перехлестывают «**этнограф**» И. Аксакова, и он явно выпячивает положительный автостереотип представителей своей нации на фоне негативного стереотипа туземцев – «грубого и глупого, нелепого, жалкого и ленивого народа» (с. 268). «Что за народ эти великорусские вилковцы? Все молодцы, у всех умные лица, но все как-то важны, степенны, грустны; ходят они в русском платье, женщины (а какие славные женщины!) в сарафанах. Одно заняли они у здешних людей, или, лучше сказать, не они, а жены: чистоту и опрятность в хатах, которые так же, как и **молдаванские**, делаются из камыша с глиной и вымазываются белой известью как снаружи, так и внутри...» (с. 287) ...У аккерманского уездного предводителя Доница «увидел **трех молдаванских барышень**, не очень хорошеньких... не было тут ни одного **молдаванского платья**...» (с. 292, 293).

Заканчивает И. Аксаков свои «письма из Бессарабии» (ноябрь – декабрь 1848 г.) вполне по-христиански, в духе библейского послания апостола Павла к римлянам (10;12) о равенности всех перед Всевышним: «Верно, уж Богу нужны в его хозяйстве также и жиды, и немцы, и русские!...» (с. 295).

И, судя по тому, как И. Аксаков последовательно и даже настойчиво выделяет исторически сложившийся и утвердившийся повсеместно

но в Молдавии выражаемый этноним **молдовень**, насыщенно этнически окрашивает все, что слышит, ест, пьет, видит – **молдавский**, **молдаванский**: дом, одежду, средства передвижения, образ жизни, способы хозяйствования, веру и обычаи «туземцев Бессарабии – коренного православного народа Бессарабии» (с. 260), «нужны Богу в его хозяйстве» и **молдаване**, которых он сохранил и оберегает до сих пор.

Молдавско-этнические свидетельства, лаконично воспроизводимые из отдельных произведений лишь некоторых русских авторов, отражающие исторические корни и континуитет самосознания основного этноса Пруто-Днестровского ареала, представляются как откровение для российского общества и тем более для молдавского. Для молдаван, как и для русских, в первую очередь для этнологов данных народов, эти письменно удостоверяемые основные признаки этнически осознанной общности – молдаван, воспринимаются как открытие. «Твои живые письма, – признавался отец писателя, – для меня открытие новой Америки».

«Бессарабские письма» И. Аксакова, как видно из приводимых выше примеров, покрывают молдавской этнической терминологией – молдаване, молдавский, молдаванский язык – всю Восточную (Пруто-Днестровскую) Молдавию: от Хотина и Новоселицы до Аккермана, Вилково и Измаила, от Бендер и Телицы до Скулян и Збероаи, пересекая Кишинев, Яловены и др.; автор постоянно и обоснованно подчеркивает романское происхождение молдаван – «потомки римских колоний», латинские корни молдавского языка.

Русский исследователь отмечает этническую общность/идентичность, унитарный характер языка, культуры, истории молдавского Карпатско-Днестровского пространства, правого и левого берегов Прута – всей исторической Молдовы: «Противоположный берег (*правый реки Прут – В.С.*) – молдавский: такие же издали белеют деревни, такой же язык...»³⁰.

Тонкий наблюдатель и, в принципе, объективный комментатор, И. Аксаков констатирует реальную, сложившуюся на протяжении многих веков этноязычную ситуацию Восточной Молдавии: превалирование и усиление влияния на момент 1848 г. молдавской этнической среды. Государственные служащие, чиновники всех рангов, как правило русские, «почти все говорят **по-молдавански**. Земские начальники в большинстве мало говорят по-русски, управляющие и царане ни слова не понимают по-русски, тем более, что вся местная полиция говорит **по-молдавански**; только официальная писанина ведется на русском земскими писарями». Трудности в связи с незнанием молдаванами русского языка, а русскими – молдавского писатель испытал на себе: «Я не могу объясниться **по-молдавански**, а возница и наши всадники... не понимают по-русски»³².

Ситуацию мирно сосуществующего молдавского этноязыкового Вавилона подтвердил 60 лет спустя губернатор края (в 1903–1904 гг.) С. Урусов: «Прием посетителей/просителей в Кишиневе – это целое представление, неизвестное в России. Просители говорили на почти десяти языках: русские, украинцы, поляки, евреи, греки, турки, армяне, немцы, колонисты швейцары из Шабо, гагаузы и, наконец, в огромном количестве – **молдаване**. Для них выучил несколько **молдавских слов**»³².

...Заночевав в поместье Болотино по приглашению помещика Бодарева, И. Аксаков уточняет: «Вопреки русскому окончанию его фамилии он – (Бодарев) исконный **молдаванин**».

И. Аксаков неоднократно отмечает исторически сложившийся многонациональный характер Пруто-Днестровской Молдовы, в которой изначально мажоритарным, доминирующим этносом были и остаются **молдаване**.

«Бессарабские письма» И. Аксакова, впрочем, как и молдавские записи, дневники, воспоминания, научные труды и литературные произведения некоторых других русских авторов о Молдавии и молдаванах (или только касающихся этих сюжетов), содержат чрезвычайно богатую и разнообразную, до сих пор неисследованную историческую, социально-экономическую, этнодемографическую, политическую и конфессиональную, нередко беспристрастно отмеченную и профессионально комментируемую информацию о Молдавии; исключительно ценные достоверные сведения о **молдаванах**, о молдавских реалиях, о древних неоспоримых корнях и непрерывности этнонима **молдовень**, лингвонима **молдавский язык** – как фундаментальные признаки молдавского самосознания, этнической идентификации молдавской общности. При всем своем не всегда скрываемом чувстве превосходства представителя великой нации, проявляемом при беглом рассмотрении из «**молдаванской телеги** по подлейшей дороге», по отношению к «туземцам Бессарабии» И. Аксаков, может быть, как никакой другой русский автор, проникновенно, с сочувствием пишет о молдаванах, об их тяжелой судьбе, с восхищением отзывается о молдаванках, хранительницах чистых, со вкусом обставленных очагов, достоверно и достойно подтверждает имя романизированного основного населения края – **молдовень**, название их родного языка – **молдавский** и даже вернее – **молдаванский язык** – краугольные камни возникновения и континуитета молдавской этнической общности.

ЛИТЕРАТУРА

2. *Бережан С., Бахнар В.* Молдавская терминология // Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. М., 1987. С. 114.
2. *Enciclopedia sovietica moldoveneasca*. Vol. 8. Chisinau, 1981. P. 413.
2. *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990. С. 225.
5. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2. Кн. 8 СПб., 1849. С. 60; *Гросул В.* О терминах «молдаван» и «молдавский язык». Тирасполь, 1991. С. 17.
6. *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1799. С. 224, 226, 228, 231, 235; *Гросул В.* Указ. соч. С. 2.
7. *Словарь географический Российского государства*. Ч. 4. М., 1805. С. 304; *Гросул В.* Указ. соч.
8. *Дружинина Е.* Южная Украина. 1800–1825. М., 1970. С. 79.
9. *Гросул В.* Указ. соч. С. 3.
10. *Лукьянец О.* Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX – начале XX в. Кишинев, 1986. С. 8.
11. *Свиньин П.* Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД). Т. 6. Одесса, 1867. С. 244.
12. *Bezviconi Gh.* Profiluri de ieri si de azi. Chisinau, 1992. P. 36.
13. *Spinei V., Spinei M.* Insemnarile cu caracter istorico-etnografic asupra Principatelor romane ale contelui de Langeron // Patrimoniul, 1992. Nr. 2. P. 10.
14. *Iorga N.* Comemorarea pierderii Basarabiei // Neamul romanesc in Basarabia. Vol. II. Bucuresti, 1997. P. 52.
15. *Spinei V., Spinei M.* Op. cit. P. 32.
16. *Пушкин А.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. Л., 1978. С. 281–330, 401.
17. *Пушкин.* Исследования и материалы. Е. III. М; Л., 1960. С. 411.
18. *Вельтман А.* Странник. М., 1977. С. 338.
19. Там же. С. 110.
20. *Guldenstadt I.* Reisen durch Rusland und im Caucasischen Gebirge. Т. 2. St.-Petersburg, 1791. S. 174; *Шушмарев В.* Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 53.
21. *Вестник Российского географического общества*. 1857. Ч. 19.
22. *Лукьянец О.* Указ. соч.. С. 14.
23. *Этнографический сборник 1862 г.* Вып. V; *Лукьянец О.* Указ. соч.. С. 15.
24. *Кенпен П.* Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852; *Лукьянец О.* Указ. соч. С. 15–16.
25. *Батюшков П.* Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892. С. XXIII.
26. Там же. С. XXIX–XXX.
27. Там же. С. 3.
28. Там же. С. 1, 2.
29. *Аксаков И.* Письма из провинции. М., 1991. С. 260.
30. Там же. С. 270; см. также: *Barba Gh.* Basarabia vazuta la 1848 de I. S. Acasacov // Romanul, 7–13. 11. 1994.
31. *Barba Gh.* Op. cit.
32. См. *Cazacu P.* Moldova dintre Prut si Nistru. 1812 – 1918. Chisinau, 1992. P. 105.

Петр ШОРНИКОВ

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В МОЛДАВИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Русский (славянский) язык, родной (разговорный) язык русинов - потомков древнерусского населения Карпато-Днестровских земель¹, книжный язык и язык летописания², богослужения, государственного делопроизводства³ и официального общения, с момента образования Молдавского княжества в 1359 г. до времен правления фанариотов (1711-1822 гг.) обладал в Молдавии официальным статусом. С конца XVIII столетия среди молдавской знати получил распространение разговорный русский язык того времени⁴. Официальным языком Бессарабской губернии в составе Российской империи (1812-1917 гг.) был русский литературный язык. Благодаря поддержке местного населения всех национальностей, включая молдаван, русский язык, маргинализуемый и вытесняемый властями Румынии, лишенный официального статуса, все же сохранил функции языка публичного также в Бессарабии 1918-1940 гг. В Советской Молдавии (1944-1991 гг.) русский язык наряду с молдавским фактически обладал официальным статусом и использовался в политике, образовании, науке, культуре, средствах массовой информации, официальном и неформальном общении⁵.

Законодательное ограничение сферы функционирования русского языка, насильственное, не имеющее этнодемографических и социально-культурных оснований снижение его статуса является главным содержанием языковой реформации, осуществляемой в новых независимых государствах⁶. Большинство русского населения Молдавии не согласилось со статусом национального меньшинства, определенным для них законодательством о языковом режиме, принятым в союзных республиках в 1989 г.⁷ и якобы предусматривающим отказ от публичного использования родного языка. Но особенностью общественного сопротивления языковой реформации в Молдавии является активное участие в защите сферы функционирования русского языка наряду с русскими других национальных сообществ, а также лояльное отношение к русскому языку представителей большинства титульной нации⁸. Представляется необходимым обзор бытующих в исторической литературе трактовок причин этого явления и выяснение степени их обоснованности.

Русский язык как достояние национальных сообществ Молдавии

Вопреки расхожему тезису о «русификации» молдавские историки подтверждают традиционно добровольный характер восприятия русского языка молдаванами в XIX - начале XX в., а также то обстоятельство, что усвоение русского языка не влекло забвения родного языка и национальных традиций⁹, т.е. не приводило к денационализации национальных сообществ. В первом синтезе молдавской истории, изданном после распада СССР, «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней»¹⁰, языковая политика советских времен обоснованно определена как исходящая из лингвистических реалий. В книге приведены данные переписи населения 1989 г., согласно которым русский язык являлся родным или вторым, которым свободно владеют, для 68% населения Молдавии, в том числе для 58% молдаван; молдавский язык, отмечено авторами, являлся таковым только для 66% населения, включая 11% лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Оба языка являлись языками официального и профессионального общения, делопроизводства, массовой информации, образования, т.е. де-факто обладали официальным статусом. Актуализацию вопросов языковой политики в Молдавии авторы связывают с общесоюзными процессами, а осуществление мер по ограничению сферы функционирования русского языка в Молдавии – также с деятельностью прорумынских национал-радикалов.

Традиционный у молдаван характер владения русским языком и их участие в защите его функционального пространства в другие кризисные времена XX столетия – в период румынских оккупации 1918-1940 и 1941-1944 гг. раскрыт в монографии «Молдавская самобытность». Отношение молдаван к русскому языку даже в периоды, когда его публичное использование преследовалось румынскими властями, показано в книге, было положительным. Благодаря поддержке молдаван он и в годы двух оккупаций в основном сохранил функцию языка межнационального общения¹¹. Положительное отношение молдаван к усвоению и использованию русского языка в советский период признают и авторы-унионисты. Юлиан Фрунташу, автор монографии «Этнополитическая история Бессарабии», квалифицирует его как некую врожденную «русофилию» молдаван¹², по его мнению, явление порочное. Стремление молдаван усвоить русский язык автор, противореча себе, пытается объяснить также соображениями карьерного роста, свойственными функционером, но никак не большинству этноса.

Вопреки намерениям автора, усвоение русского языка молдаванами предстает в книге как часть процесса их культурализации. «Знание

русского языка, – отмечает Ю. Фрунташу далее, – было непосредственно связано с идеей социального, политического и вообще человеческого прогресса. Отсутствие русских языковых навыков трактовалось как непреодолимое препятствие социальной эволюции индивида. [...] В СССР не было возможно, по определению, существование культурного индивида без знания русского языка». Вопрос о возможности существования таких индивидов в современной Молдове им опущен. По существу опровергая тезис о якобы имевшей место в прошлом «русификации» титульной нации, автор приводит цифру: в начале 70-х гг. только 34% молдаван бегло говорили по-русски. Не встретив возражений бывшего президента РМ М.И. Снегура, тезис о «русификации» аргументированно опровергает также его собеседник политолог Э.Г. Волков¹³.

Уже по мотивам, названным Ю. Фрунташу, оценка отношений русского и молдавского языков как конкурентных, данная Татьяной Млечко в монографии «Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова»¹⁴, представляется спорной. Административного принуждения в сфере функционирования русского языка не допускалось, в нем просто не было необходимости. Уже средняя школа обеспечивала молодежи возможность изъясняться на русском языке, и предубеждений по части его использования в массах молдаван не существовало. Исследовательницей отмечена «этническая совместимость» народов Молдавии и убедительно обоснована особая консолидирующая роль русского языка в полиэтничном обществе Молдавии. Из 482,2 тыс. жителей, при переписи 1989 г. назвавших родным язык, не совпадающий с их национальной самоидентификацией, 446,4 тыс. назвали родным русский язык. Справедливо подчеркнут автором функциональный в политико-социальном отношении характер вопроса о статусе языков. «Мобилизованный лингвизм» (термин академика М.Н. Губогло) мажоритарной нации, – отмечает Т.П. Млечко, – представлял собой способ произвести неравное разделение власти и ресурсов между группами, которые определяются на основе языка, обоснованно подтвержден ссылкой на тезис титульных национал-радикалов о коренных и некоренных жителях Молдавии. В соответствии с ним коренные обладают всеми гражданскими правами, они являются государствообразующей нацией, а некоренные – лишь «совместно проживающими людьми других национальностей».

Данное в книге объяснение прочности позиций русского языка и системы образования, функционирующей на русском языке, его ролью как одного из мировых языков, его распространенностью на постсоветском пространстве, а также социолингвистическими факторами представляется справедливым, но неполным. Имели место также исторические причины, указанные в научных исследованиях предшеству-

ющего периода¹⁵, но целенаправленно предаваемые забвению в Республике Молдова. Однако термин «русификация», используемый мажоритарными национал-радикалами при характеристике национально-языковой политики, проводимой российским правительством в Бессарабии в XIX – начале XX в. и правительством СССР в Молдавии после 1944 г., и призванный «оправдать» языковые гонения, развернутые в республике в 1989 г., Т.П. Млечко резонно определяет как пропагандистский: в начале XX в. критики пускали его в ход, с классовых позиций обличая «царизм», а в конце столетия – когда с позиций национализма ставили местному русскому населению в вину само присутствие русского языка в Молдавии. Хотя данное автором определение отношений русского и молдавского языков в системе образования независимой Молдовы представляется спорным, она права в другом: хотя с получением государственного статуса молдавский язык стал по юридическому положению языком №1, русский язык сохраняет информационную и образовательную конкурентоспособность.

Как достояние каждого из национальных сообществ Молдавии, обеспечивающее их представителям подлинное равенство возможностей социального продвижения, трактует массовое национально-русское двуязычие почетный действительный член Академии наук Молдовы, автор труда «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» М.Н. Губогло¹⁶. Один из парадоксов новейшей истории гагаузов, отмечает исследователь, заключается в том, что большую часть XX в. им пришлось бороться за свободное использование не родного, а русского языка. Идея о сохранении своей национальной самобытности на базе двух языков – своей национальности и русского – укоренилась в среде гагаузов еще в 50-е гг. Массовое владение гагаузами русским языком, удалось показать М.Н. Губогло, не препятствовало утверждению гагаузской национальной идентичности. Владение русским языком освободило гагаузов от комплексов национального меньшинства при общении с молдаванами и обеспечило им равные с этническим большинством условия социального продвижения. На рубеже 60-х гг., показано в монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов»¹⁷, гагаузы выступили против перевода школьного обучения на гагаузский язык. Эта мера, осуществленная официальным Кишиневом якобы во имя осуществления права гагаузов на обучение на родном языке, на деле грозила ограничить новому поколению доступ к высшему образованию и его социальное продвижение. Родители ответили на решение властей массовыми протестами, и республиканские власти были вынуждены возобновить обучение на русском языке. В 60–80-е годы XX в. оно стало фактором стремительного социально-культурного подъема гагаузского этноса

Гагаузский народ оценил выгоду двуязычия. Исследуя роль языкового вопроса в политическом размежевании в Молдавии на рубеже 90-х гг., М.Н. Губогло отметил коренное противоречие в отношении к русскому языку двух национально-политических формирований – «Народного фронта Молдавии» и Народного движения «Гагауз халкы». Если НФМ, декларируя свою поддержку функционированию гагаузского языка, требовал от гагаузов одновременного отказа от использования русского языка, т.е. смены языка межнационального общения, то в программе «Гагауз халкы» отношение к русскому языку было прямо противоположным. Придание государственного статуса только одному языку, молдавскому, полагали «халкисты», означало бы принятие курса на исчезновение гагаузов как этноса. Национально-русское и русско-национальное двуязычие гагаузы считали единственной возможной базой языковой политики в гагаузских районах. Игнорирование мажоритарными национал-радикалами этнокультурного выбора гагаузского народа вынудило гагаузское национальное движение защищать позиции русского языка в республике политическими средствами. Этническая мобилизация гагаузов, удалось показать автору, протекала под флагом защиты русского языка и во имя его сохранения в качестве национального достояния гагаузов.

С тем большим основанием опыт самоутверждения гагаузов посредством использования русского языка следует экстраполировать на процесс приобщения к русскому языку славянских сообществ Молдавии – украинцев и болгар, среди которых свободное владение русским языком распространено даже в большей степени, чем среди гагаузов. Тезис о том, что для украинцев русский язык стал литературной версией родной речи, высказанный на страницах журнала «Русини»¹⁸, возражений не вызвал. Выражая свою оценку степени приобщенности украинцев и болгар к русскому языку, в 1989 г. титульные национал-радикалы – авторы законопроекта «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» - «забыли» включить в список языков, функционирующих на территории Молдавии, украинский и болгарский. «Возможно, – отмечает этнолог В.С. Степанов, – это объясняется тем, что в среде украинского и болгарского населения, наряду с родными языками был широко распространен русский, а в ряде населенных пунктов – и молдавский язык. Тем не менее, знак вопроса остается»¹⁹.

Характеризуя процесс распространения знания русского языка среди национальных сообществ республики, В.П. Степанов обоснованно отмечает: русский язык не подавлял других языков, и «на уровне бытового общения в Советской Молдавии звучала болгарская, гагаузская, украинская речь. Причем сложившиеся условия вполне устраивали национальные меньшинства, которые в 50- 60-е гг. даже отказыва-

лись от обучения на родном языке в пользу русского. [...] Требования в пользу русского иногда встречаются и по отношению к молдавскому языку»²⁰. Социологические опросы, проведенные в 2002 г., показали, что для украинцев Приднестровья русский язык является первым или вторым языком, которым они свободно владеют, а на правом берегу Днестра украинцы решительно выступают за придание именно русскому языку официального статуса. В ходе дискуссии о языках обучения украинцев, вспыхнувшей тогда же в кишиневской прессе, руководители украинских этнокультурных организаций решительно высказались против перевода школьного обучения в украинских селах Молдавии с русского языка на украинский²¹.

Не менее показательны языковые приоритеты болгар Молдавии. Интеллигенты-болгары, явствуя из материалов сборника «По пути национальной духовности болгар Молдовы»²², владеют литературным болгарским языком. Но подавляющее большинство документов болгарского национального движения составлены на русском языке. В русском языке болгары видят свою социально-культурную опору, возможность сохранить болгарскую культурную идентичность и социально-культурное равноправие при контактах с представителями других этносов, избежать провинциализации культуры болгарского населения Молдавии, сохранить узы солидарности болгар с другими национальностями сообщества республики, необходимые для национального выживания немногочисленного этноса в демократическом государстве.

В восприятии национальными сообществами Молдавии русского языка как своего национального достояния – одна из главных, наряду с его информационной и культурной ценностью, причин защиты ими его социальных функций и правового статуса в период кризиса СССР и в независимой Республике Молдова.

Покушение на официальный статус русского языка – одна из главных причин гражданского конфликта

Это положение относится к числу замалчиваемых молдавскими политиками. Уважительно отозвавшись о приверженности людей своей национальной самобытности, бывший лидер партии аграриев и председатель парламента Д.Г. Моцпан²³ даже в главе воспоминаний, посвященной Приднестровью, не упомянул о проблеме статуса русского языка. Экс-президент М.И. Снегур свою позицию по вопросу о функционировании русского языка в Молдавии сформулировал так: «Языком [официального] общения должен быть государственный язык, а русский язык остается языком общения между народами СССР»²⁴. Попытка проведения в жизнь политики, построенной в соответствии с

этим принципом, вела к гражданскому конфликту. Между тем именно с критики билингвизма, с попыток доказать негативное воздействие на умственное развитие молдавских детей усвоения наряду с родным еще одного языка, развернутых в «перестроечной» публицистике в 1988-1989 гг., начали румыны пропагандистское «обоснование» ограничения сферы функционирования русского языка²⁵.

Но в исторической литературе положение о решающей роли языковой политики национал-радикалов в политическом расколе общества и дезинтеграции республики представляется общепризнанным. Исключение русского языка из делопроизводства, предъявление работникам лингвистических требований, отмечено в книге «Покушение на статус» (1997 г.), представляло собой создание предлога для этнической чистки в престижных и выгодных сферах деятельности, а его вытеснение из образования было призвано закрепить этносоциальные итоги кадровой политики. Уже первый законопроект о языковом режиме, предусматривающий исключение русского языка из официальной сферы, представлял собой разрыв не только с коммунистической политикой пестования национальных культур, но и с давней бессарабской традицией корректного обращения с национальными чувствами соотечественников²⁶. Всеобщий характер протестов против установления в республике одноязыкового режима подчеркивает Чарлз Кинг (США), автор монографии «Молдаване». «Демонстрации против принятия законопроектов о языке, - отмечает он, - имели место по всей Бессарабии, особенно в городах с большой индустриальной базой и русскоязычным населением, как, например, на севере Бессарабии, в Бельцах. Но в Заднестровье лояльность по отношению к советской системе была сильнее, и здесь же языковые реформы – особенно тесты, предусмотренные новыми законами, – грозили встретить самый большой отпор. [...] Парламентское голосование в пользу молдавского языка стало началом событий. В ответ на это голосование местные Советы Тирасполя и других городов проголосовали против регламентов, переданных из центра, и постановили, что законы о языке не признаются действующими восточнее Днестра». Сознавая недостаточность объяснений возникновения Приднестровской государственности только преобладанием русского и украинского населения в регионе, автор оставляет вопрос нерешенным: «Имелось намного больше русских и украинцев западнее Днестра, чем в Приднестровье; в нескольких северных районах славянское население было столь же сконцентрировано, как и в районах восточнее Днестра»²⁷.

Сознавая угрозу гражданскому миру, созданную публикацией дискриминационных для нетитульного населения законопроектов о языковом режиме, весной 1989 г. требование о придании государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку поддержала часть

молдавских традиционалистов. Профессор-молдаванин В.Н. Яковлев²⁸, один из лидеров Интердвижения Молдавии «Унитате-Единство» и впоследствии председатель Союза молдаван Приднестровья, еще в апреле 1989 г. опубликовал проект Закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», предусматривавший придание государственного статуса, наряду с молдавским, также русскому языку. Идеолог молдавизма историк В.Я. Гросул полагал, что лучшим решением вообще будет отказ от придания государственного статуса какому-либо языку. Когда ход событий сделал огосударствление языка мажоритарной нации неизбежным, он выступил за государственный статус также русского языка. «Введение русского языка в качестве второго государственного языка, – отметил он в 1995 г., – лишь юридически закрепит реальную ситуацию, усилит доверие русскоговорящих граждан к государственности Молдавии, в большей степени сделает их патриотами нашей республики...»²⁹. В свою очередь поборники национального равноправия приветствовали изучение молдавского языка новым поколением и расширение сферы его функционирования, протестуя лишь против использования языкового рычага в целях маргинализации нетитульного населения. В монографии Т.П. Млечко³⁰ опубликованы фрагменты ряда законопроектов, нацеленных на обеспечение гражданам права на выбор языка обучения детей и молодежи – молдавского или русского. «Речь о том, – полагает автор, – чтобы государственный язык был не вместо родного, а вместе, то есть наряду с родным языком».

Выдвижение и популяризацию требования о придании государственного статуса в многонациональной, в основном двуязычной республике только языку титульной нации авторы «Истории Республики Молдова»³¹ связывают с инициативой не молдавских, а румынских националистов, выступающих против национальной идентичности и культурного суверенитета молдавской нации и стремящихся противопоставить молдаван русскоязычному населению. В книге «Молдавская самобытность» (2007 г.) сама публикация первого законопроекта «О функционировании языков» 16 февраля 1989 г. расценивается как попытка политически расколоть молдаван, перенацелив часть молдавской интеллигенции с защиты молдавских национально-культурных ценностей, подвергаемых атакам румынистов, на борьбу за этнические преференции. Молдавские традиционалисты, показано в монографии, выступили за предоставление государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку³².

Положительное отношение большинства молдаван к публичному использованию русского языка и согласие с его равноправным статусом в Молдавии подтверждено фактами. Альтернативный законопроект, включавший статью 5 «Молдавский, русский и другие языки на

равных началах используются всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, являющимися участниками политических, экономических, социально-культурных и иных регулируемых правом отношений», был разработан юристом-молдаванином профессором В.Н. Яковлевым³³. Приветствуя придание государственного статуса молдавскому языку, в своем синтезе молдавской истории (2002 г.) В.Н. Стати³⁴ приводит также сведения о негативных социально-экономических и политических последствиях этого акта для судеб немолдавского населения и гражданского согласия в Молдавии. Республику, пишет он, покинули десятки тысяч специалистов высокой квалификации, включая молдаван. Справедливо отмечая непричастность молдавских традиционалистов к развертыванию в республике национально-языковых притеснений, В.Н. Стати утверждает, что «Народный фронт Молдавии» был организацией румынской, а молдаване в тот период ни одной национальной организации не имели. С целью защиты национальных и социальных прав было образовано Движение «Унитате-Единство», объединяющее в основном русскоязычное население, в районах на левом берегу Днестра образовались Советы трудовых коллективов (СТК), а на юге – национальное движение гагаузов «Гагауз халкы».

Упомянув эти факты, далее историк пытается переложить на сограждан, требующих предоставления русскому языку официального статуса, часть вины за возникновение гражданского конфликта. Забывая о том, что одним из требований Республиканской стачки являлась защита молдавского алфавита и в ней участвовали десятки тысяч рабочих-молдаван, В.Н. Стати безосновательно трактует ее как выступление только русскоязычных, притом направленное «против молдавского языка»: «В дни, когда Верховный Совет обсуждал законы о государственности молдавского языка, функционировании языков, многие предприятия Кишинева объявили забастовку. Ситуация была более чем нелепой: крупные предприятия Молдавского государства объявили забастовку против декретирования государственного статуса молдавского языка». Спровоцировав своими экстремистскими действиями создание «Единства», СТК и «Гагауз халкы», утверждает историк, фронтисты достигли своей первой цели – политического раскола республики. Игнорируя исторический характер широкого функционирования русского языка в Молдавии и социально-политические последствия применения законов 13-й сессии, правоведы Н. Андроник, В. Иванов и Г. Татар утверждают, что придание государственного статуса только молдавскому языку представляло собой всего лишь «устранение деформаций в языковом строительстве в Республике Молдова»³⁵, суть которых остается нераскрытой. В непонимании якобы «де-

мократической» сущности решений 13-й сессии Верховного Совета МССР – ведь русский язык сохранил «свое положение языка межнационального общения» – обвиняет забастовщиков В.С. Степанюк, автор монографии «Государственность молдавского народа» (2006 г.)³⁶.

Наиболее решительно отказывает русским и другим национальным сообществам в праве на языковую свободу и на защиту своих интересов унионистская историография³⁷. Как выступления в защиту языкового статус-кво, якобы, обеспечивающего «лингвистическое превосходство русских в общественной, экономической и культурной жизни» квалифицирует забастовки 1989 г. в своей «Этнополитической истории Бессарабии» Ю. Фрунташу. Но эти соображения, применимые при объяснении языкового поведения функционеров, не могут объяснить участия в стачке 1989 г. десятков тысяч рабочих-молдаван, а также двуязычия молдаван в настоящее время. Какой-либо связи между принятием в 1989 г. законодательства о языковом режиме и дезинтеграцией республики автор, занятый поисками в событиях в Молдавии «руки Москвы», не усматривает. Однако, констатируя отсутствие в республике антисоюзного сепаратизма, даже этот исследователь опровергает тезис о «неудовлетворенности» молдаван существующим в республике официальным двуязычием. Экс-президент П. Лучинский вообще обошел в мемуарах вниманием вопрос о языковых причинах гражданского конфликта, упомянув лишь о социальном недовольстве малоквалифицированных рабочих-молдаван³⁸.

Статус русского языка и проекты создания автономий на юге и востоке Молдавии

Насилие в вопросе о выборе языка обучения, отмечено в работе «Покушение на статус», не только оскорбляло гражданское и национальное достоинство русских, украинцев, представителей других национальных меньшинств, но и сокращало шансы их детей получить высшее и профессиональное образование. Закрытие русско-молдавских школ, сокращение преподавания русского языка в молдавских школах ограничивало территориальную и, следовательно, социальную мобильность молдавской молодежи. Поэтому курс на ликвидацию образования на русском языке не мог быть принят обществом. Закрытие в Кишиневе русских дошкольных учреждений летом 1990 г., сокращение набора в группы с русским языком обучения в техникумах и профессионально-технических училищах, попытки унионистов обосновать требование о присоединении Молдавии к Румынии способствовали радикализации движения за национальное равноправие, возникновению в восточных и южных районах Молдавии территори-

альных образований, быстро прошедших путь от неподчинения Кишиневу в вопросах языка делопроизводства, официального общения и образования до экономического и политического суверенитета.

Попытка лишить русский язык официального статуса, явствуя из материалов труда «История и культура гагаузов»³⁹, сыграла ведущую роль в активизации гагаузского национального движения и в возникновении на юге Молдавии идеи автономизации региона. В 1989-1990 гг. обсуждались различные варианты автономии для юга Молдавии, преимущественно территориальные, с полиэтничным населением: Буджакской, Бессарабской, Гагаузско-Болгарской автономии, и только когда стала очевидной невозможность их осуществления, возобладали идея создания Гагаузской АССР. Главный смысл создания автономии в любой форме заключался в сохранении за русским языком официального статуса как условия сохранения этнополитического статус-кво. Как отмечает М.Н. Губогло⁴⁰, стратегически точнее звучала бы формула не «язык для республики», а «республика для языка», ибо только сохранение за русским языком официального статуса и сферы его функционирования в Молдавии позволяло гагаузам сохранить конкурентоспособность на рынке труда, включая область управления. Интердвижение Молдавии «Унитате-Единство» поддержало требование автономизации юга как меру противодействия утверждению в республике режима национальной дискриминации⁴¹.

Исключение русского языка из официальной сферы, предусмотренное национал-радикальными, – включая разработанный Рабочей группой Верховного Совета МССР, – законопроектами о языковом режиме, было признано неприемлемым и общественностью Приднестровья. Свидетельство тому – воспоминания участников создания Приднестровской государственности⁴² и документы того времени⁴³. Развернувшая весной 1989 г. полемика в СМИ по вопросу о статусе молдавского и русского языков обусловила политизацию населения. При этом, как и на юге Молдавии, автономистское движение в Приднестровье, отражая его полиэтничность и стремление всех национальных сообществ Молдавии сохранить гражданское согласие, не возражало против государственного статуса первого, но требовало такого же статуса для русского языка.

Вынужденный характер автономизации восточных и южных районов Молдавии подтвержден и анализом событий в Кишиневе, данным в книге «Молдавская самобытность». Вопрос о целесообразности создания автономии на юге республики инициативная группа Интердвижения Молдавии обсуждала уже в начале 1989 г. При условии сохранения в Молдавии недискриминационного языкового режима, полагал ее председатель профессор-историк А.М. Лисецкий, автономизация

не нужна. Однако 16 февраля в органе Союза писателей Молдавии газете «Литература ши арта» был опубликован проект закона о языковом режиме. Государственный статус его авторы требовали предоставить только языку титульной нации; статьей 13 проекта была предусмотрена административная и даже уголовная ответственность должностных лиц, использующих в официальном общении язык, не обладающий таким статусом. Предание этого провокационного проекта гласности активизировало тенденции к самоопределению в регионах. Наряду с угрозой насильственного «объединения» Молдавии с Румынией и неприятием проводимой официальным Кишиневом политики румынизации местным молдавским населением, отмечено также в трудах по истории Приднестровья⁴⁴, как угрозу социальной маргинализации восприняло население левобережья Днестра попытку лишить русский язык официального статуса.

Не соглашаясь с требованиями русскоязычного населения о придании русскому языку статуса государственного языка Молдавской ССР / ССР Молдова / Республики Молдова, молдавские традиционалисты решительно осуждают позицию унионистов по вопросу о придании русскому языку официального статуса в Приднестровье. «Власти восточномолдавских районов, – сочувственно отмечает В.Степанюк, – предложили объявить государственными два языка: молдавский и русский, хотя бы для них (*последнее не соответствует действительности – П.Ш.*). Кишинев высокомерно, с порога, отверг эти предложения, не учитывая историю этого молдавского края, его этнодемографическую специфику, языковые и культурные особенности многонационального местного населения. Эта неконструктивная позиция, националистические экстремистские выходы сторонников Народного Фронта Молдовы (НФМ) углубили отчуждение между берегами Днестра, консолидируя позиции восточднестровских общественных сепаратистских организаций, щедро питая убеждения населения молдавского Левобережья в том, что «Молдавия объединяется с Румынией»⁴⁵. Далее автор по существу признает обоснованность подобных убеждений, вновь указывая на унионистскую угрозу как фактор дезинтеграции Молдавии. Однако ответственность прорумынских национал-радикалов за дезинтеграцию республики по существу низводится до уровня тактической ошибки. Нерешенность вопроса о статусе русского языка как этносоциальной причине гражданского конфликта в Молдавии в книге отходит на второй план.

Мотивами «возмездия» местному русскому населению за прегрешения сталинского и даже царского «режимов» пытается обосновать политику ограничения сферы функционирования русского языка в Молдавии унионистская историография. В учебниках, написанных в русле

курса «История румын», эта тематика проигнорирована. Авторы «Истории Бессарабии» трактуют решения 13-й сессии ВС МССР как акт румынского торжества над русским языком, поскольку молдаван слишком долго, якобы, убеждали в том, что «единственным языком в СССР, способным выразить идеи и высокие чувства, является русский язык». Впрочем, лишение русского языка фактически имевшегося у него официального статуса они не расценивают как ущемление интересов даже русского меньшинства⁴⁶. В. Василос, автор курса истории, предназначенного для студентов Технического университета⁴⁷, даже индустриализацию Молдавии, ее урбанизацию и подъем образовательного уровня ее населения в 60–80-е гг. поставил в «вину» Союзу ССР. Тезис о «русификации» населения республики в этот период он абсурдным образом попытался «обосновать» **фактическим** статусом русского языка как языка государственного и языка межнационального общения, его использованием в делопроизводстве, данными о численном преобладании русских, украинцев и других нетитульных граждан среди населения Кишинева и некоторых других городов и выбором частью молдаван-горожан русского языка как языка аккультурации нового поколения. Риторика о правах человека отброшена и упомянутым Ю. Фрунташу⁴⁸. Стремление русских, украинцев, гагаузов, болгар, а также части молдаван отстоять свое право на использование русского языка в отношениях с государственной администрацией, на получение образования и общественно значимой информации автор квалифицирует как проявления «русского шовинизма». Отрицая национальную идентичность молдаван, он именует их «бессарабскими румынами», а право «румын» навязывать нетитульному населению язык, получивший государственный статус, пытается обосновать заведомо несостоятельными ссылками на послевоенный голод, депортации сталинских времен и иные преступления «коммунистического режима».

Схематизмом отмечена трактовка гражданского конфликта исследователями Запада. Только в наличии в Приднестровье преимущественно русскоязычного населения видит причину сепарации Приднестровья Жан Нюзиль. Попытки компромиссного урегулирования гражданского конфликта в Молдавии, начиная с вопроса о статусе русского языка, французский автор рассматривает в контексте соперничества Запада и России. «Федерализация Республики Молдова по российской модели, – полагает он, – [...] имеет целью ликвидацию Республики Молдова и ее преобразование в антизападный российский протекторат»⁴⁹. Не приведя данных об оппозиционности молдаван Москве, Ч. Кинг в событиях 1989 г. усматривает «утверждение узким этническим шовинизмом местного суверенитета молдаван против имперских интересов или поражение советского "интернационализма"». Призна-

вая наличие в конфликте также внутримолдавской составляющей, но упуская из вида общесоюзный характер процесса, историк усматривает в актуализации языкового вопроса также продолжение борьбы за власть двух фракций молдавской номенклатуры, правобережной и левобережной, развернувшейся в 50-е гг. «Новые молдавские элиты Бессарабии, представленные такими людьми, как Мирча Снегур, – утверждает историк, – нашли в вопросе о языке полезный инструмент против старого заднеэстровского руководства, русифицированного и традиционалистского».

Однако союзный Центр, в 50-е гг. сделавший ставку на бессарабскую номенклатуру, уже утратил роль арбитра, кроме того, на этот раз в конфликт вмешалось политическое представительство нетитульного населения. «Хотя руководители организации «Единство» были согласны с тем, чтобы молдавский язык был провозглашен государственным языком, они настаивали на том, чтобы позиция русского языка была обеспечена путем его провозглашения вторым государственным языком». Назвав деятелей «Единства», по его мнению, сыгравших главные роли в инициировании Республиканской политической стачки, далее Ч. Кинг, противореча себе, приписывает ее организацию аппарату КПИМ и «директорскому корпусу», в действительности, за немногими исключениями, занявшим позицию, враждебную забастовке: «Когда партийная газета одной из фабрик Тирасполя заблаговременно, в начале августа 1989 года, опубликовала проекты нового закона о языке, показывая русскоязычному населению, что Верховный Совет не собирается объявить русский язык вторым официальным языком, местные партийные кадры и руководители фабрик Заднеэстровья инициировали волну забастовок против языкового движения»⁵⁰. Однако свидетельства массового характера движений в защиту национального равноправия в регионах, также приведенные автором, опровергают подобные суждения.

Бесстатусное положение русского языка и этногосударственные и межэтнические отношения в Молдавии

К драматизации межэтнических отношений в Молдавии на почве неприятия законов 13-й сессии особенно склонны зарубежные авторы, мало осведомленные о местных традициях. «В ожидании нового языкового законодательства, – утверждает Ч. Кинг, – отношения между различными этническими сообществами Молдавии разрушились настолько, что бывшие союзники дошли до эффективных боев весной 1992 года»⁵¹. Допуская свободное функционирование в республике

СМИ на русском языке, бездоказательно утверждает Ж.Нюзиль, нынешнее правительство Молдовы провоцирует среди молдаван «состояние недовольства местным русским населением»⁵². Но молдавские авторы-унионисты, знающие реальное положение, избегают затрагивать эту тему, по существу признавая, что обострения отношений между титульным и нетитульным населением Молдавии, во всяком случае, в бытовом межличностном общении, не произошло даже в период Днестровской войны. Свидетельство тому – отсутствие фактов проявления межэтнической вражды даже в воспоминаниях молдавских участников событий⁵³ и современников-румын⁵⁴, склонных к демонизации противника.

Иное дело – отношение национальных меньшинств к государству, обретающему все более этнократический характер. Первые попытки возложить на их же политические формирования вину за распространение среди них недоверия к официальному Кишиневу были предприняты еще представителями руководства КПМ, взявшими курс на капитуляцию перед национал-радикалами. Первый секретарь ЦК КПМ Семен Гросул, отмечает политолог-унионист Г.Е. Кожокару, еще в сентябре 1989 г. «обвинил НФМ, "Единство", "Гагауз халкы" в деструктивных действиях, которые проявились в разделении населения республики по национальному признаку». Это утверждение было применимо к НФМ, но не к другим формированиям, по существу правозащитным. Однако далее шли обвинения в адрес участников «Единства», которые, якобы, «нередко принимают ультрареволюционные резолюции, поддерживают политические забастовки, выступают с призывами к свержению правительства, к созданию русскоязычной автономии»⁵⁵. Обходя вниманием требование о предоставлении русскому языку государственного статуса как главном вопросе массовых манифестаций, автор упоминает лишь о поддержке деятелями «Единства» идеи создания автономии на юге Молдавии на митингах, проведенных в Кишиневе, Комрате, Чадыр-Лунге. Высшего накала вражда к официальному Кишиневу, недоверие к парламенту и правительству достигли в молдавском обществе осенью 1990 г., после «похода» молдавских «волонтеров» против гагаузов и вооруженных столкновений молдавской полиции с населением в Дубоссарах, а также весной-летом 1992 г., во время вооруженного конфликта с Приднестровьем.

В 1994-1998 гг. молдавские традиционалисты, отстранив унионистов от главных рычагов государственной власти, несколько стабилизировали этногосударственные отношения. Движение «Единство» при поддержке Социалистической партии Молдовы и левых аграриев отстояло право граждан на свободный выбор языка обучения – молдавского или русского. Материалы выходящих в Кишиневе общественно-

политических, научных, исторических журналов⁵⁶ и научных конференций⁵⁷ свидетельствуют о том, что русский язык остается в Молдавии языком публичным. Он используется в сфере политики, массовой информации, культуры, межнационального и, в меньшей степени, официального общения, науки. Конституцией 1994 г. признано право на сохранение, развитие и функционирование русского и других языков, используемых на территории страны. В республике сохранена вертикаль воспитания/ образования, функционирующая на русском языке. Гражданин вправе в устной и письменной форме обращаться в государственные учреждения на русском языке и получать на этом языке ответы. На двух языках, молдавском и русском, публикуются официальные акты, принимаемые парламентом, заполняются удостоверения личности граждан. Нормативная база для свободного функционирования русского языка, созданная в республике, закрепляет за русским второе – после государственного молдавского – место в иерархии функционирующих на территории Молдавии языков. Русский язык остается востребованным у молдавской молодежи. В высших учебных заведениях Кишинева и Бельца молдаване составляют большинство студентов внебюджетных (платных) академических групп с русским языком обучения.

Вместе с тем в отсутствие у русского языка закрепленного в законе официального статуса его позиции остаются необеспеченными. Вследствие применения требований относительно обязательного знания служащими государственного языка (ст. 7 Закона «О функционировании языков...») завершается процесс моноэтнизации государственного аппарата. Его комплектование прежде всего по языковому, т.е. этническому принципу подпитывает среди функционеров шовинизм, укрепляя социальную базу унионистских политических формирований. Их активисты призывают молдаван отвечать только по-молдавски даже тогда, когда к ним обращаются на русском языке. Отсутствие у русского языка официального статуса служит национал-радикалам предлогом для выдвижения требований об «адаптации» русскоязычных граждан Молдавии к «румыноязычной» этнической среде, прежде всего об «усвоении и элементарном использовании румынского языка»⁵⁸. Существенная часть молдавской молодежи получает образование в Румынии, усваивая там не только румынский язык и профессиональные знания, но и румынскую традицию языкового поведения, отличную от молдавской. Система школьного обучения русскому языку в молдавских школах во многом разрушена. Он преподается как иностранный, что не обеспечивает молдавской молодежи усвоения даже разговорного русского языка. Столь же неудовлетворительно поставлено обучение молдавскому языку в школах с русским языком препода-

давания. Элементарное взаимное непонимание между русскоязычной и молдо- (румыно-) язычной молодежью нарастает.

Тем самым создаются предпосылки грядущего этнополитического конфликта на языковой почве, какового удалось избежать в конце 80-х – 90-е гг. Уже в тот период, показали социологические исследования, проведенные в Молдавии в 90-е гг. московскими этнологами С.С. Савоскулом, И.А. Субботиной и Л.В. Остапенко⁵⁹, у местной русской молодежи сформировалась установка на эмиграцию в Россию или дальнее зарубежье как предпочтительный способ решения социальных проблем. Эффект «выталкивания», явствует из результатов данных исследований, достигнут вследствие применения именно этнолингвистического прессинга, поскольку существенного ухудшения социально-экономического положения русских по сравнению с положением молдаван в республике не произошло.

* * *

Историография проблематики статуса русского языка в Молдавии богата и разнообразна, что представляет собой дополнительное свидетельство политической актуальности этого вопроса. Рассмотренные работы историков, этнологов и политологов свидетельствуют о следующем:

Отсутствие у русского языка официального статуса способствует дальнейшей этнократической эволюции Республики Молдова. Оно остается источником напряженности в этногосударственных отношениях и стимулирует унионизм, движение, направленное против самого существования молдавской государственности.

«Национализация» Молдавии при посредстве маргинализации русского языка оказалась несовместима с демократизацией. Отношение политических формирований Молдовы, именующих себя «демократическими», к гражданским правам и свободам «нетитульного» населения, в первую очередь, к его праву на свободный выбор языка официального общения, образования, массовой информации, науки, культуры, свидетельствует об имитационном характере «демократии», установленной в Республике Молдова вследствие придания государственного статуса в полиэтничной, в основном двуязычной республике только одному языку – языку титульной нации.

Политика маргинализации русского языка не следовала из этнолингвистической и этнополитической ситуации в Молдавии. Она была инициирована извне и изначально служила не социально-культурным нуждам молдавской нации, а клановым интересам титульной бюрократии и интеллигенции. Характер этой политики в основном определялся правительственными кругами Румынии, геополитическими устремлениями ее правящих кругов. Требования перевода обучения гагаузов, укра-

инцев и болгар на родные языки, также выдвигаемые прорумынскими национал-радикалами, представляют собой тактическую уловку, направленную на раскол сообщества русскоязычных, социальную маргинализацию нового поколения «немолдаван» и конечный перевод всего обучения в РМ на государственный язык.

Подводя итог насильственной языковой «реформации» конца XX в. на пространстве от Триеста до Владивостока, этнолог Э. Хобсбаум сделал вывод, прискорбный для инициаторов этнополитических игр на постсоветском пространстве вообще и в Молдавии в частности: «Этнолингвистическая сепарация не обеспечивает прочной основы для упорядочения, хотя бы в общих чертах, мирового порядка. Для 1/5 земной поверхности [политические] карты являются временными. Одно дело ясно – что будущее этих стран зависит от игр, идущих на совсем ином уровне. За исключением России, которая, вероятно, останется политической величиной»⁶⁰. В том, что попытка исключить русский язык из жизни Молдавии, провалилась, сомнений нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Кишинев. 2004.
2. См.: Славяно-молдавские летописи. М., 1973; Primele istorii ale Moldovei. Cronografia moldo-slavona. Editie alcatuita si completata de Vasile Stati. Chisinau: Lumina, 2007; Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1967.
3. А се ведя: Молдова ын епока феудализмулуй. Документе славо-молдовенешть. Алкэтуиторий: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. Суб ред. луй П.В. Советов. Вол. I. Кишинэу. 1961; Вол. II. Кишинэу, 1978; Вол. III. Кишинэу. 1982; Вол. V. Кишинэу. 1987; Вол. VI. Кишинэу, 1992; Вол. VII. (Ын 2 пэрць). Кишинэу. 1975; Руссев Е.М. Кронуграфия молдовеняск дин сек. XV-XVIII. Кишинэу. 1977; Его же. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982.
4. А се ведя: История литературий молдовенешть. Волумул I. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу. 1986; Волумул II. Де ла 1840 пынэ ла 1917. Кишинэу, 1988; Волумул III. Де ла 1917 пынэ ла 1955. Партя I. Кишинэу. 1990; Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.
5. А се vedea: Istoria Moldovei in date. Elaborata: Vasile Stati. Chisinau, 1998; Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.
6. См.: Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998; Субботина И.А. Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М.: ЦИМО, 1998; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские Молдавии: миграция или адаптация? М.: ЦИМО, 1998; Савоскул С.С. Русские нового Зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука. 2001;
7. См.: Савоскул С.С. Указ. соч., С. 127, 222-231 и др.; Шорников П.М. Покушение на статус: Этнополитические процессы в Молдавии. 1988-1996. Кишинев, 1997; Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования

Республики Молдова. 1989-1999. Кишинев, 1999.

8. Подробнее см.: *Шорников П.* Парламентская деятельность В.Б. Сеника // Исторический вестник Приднестровья. 2006. № 10. С.211-226; Он же. Лингвистическая полиция – инструмент национальной политики в Республике Молдова (1991-1994) // Общественная мысль Приднестровья 2005. № 1(1). С.48-55.

9. См.: *Бабилунга Н.В.* Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация? Кишинев, 1990.

10. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев. 1997.

11. См.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

12. Fruntasu Iu. O istorie etnopolitica a Basarabiei. 1812-2002. Bucuresti-Chisinau, 2002. P. 185-187.

13. См.: *Mircea Snegur – Эдуард Волков.* Откровенные диалоги. Chisinau: Draghitea, 2007. P. 627.

14. См.: *Млечко Т.П.* Указ. соч.

15. А се ведя: История литературий молдовенешть. Вол. 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. Кишинэу: ШТИИЦА, 1986.

16. См.: *Губогло М.Н.* Именем языка. М.: Наука, 2006.

17. См.: *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М., ЦИМО. 2004.

18. См. подробнее: *Шорников П.* Парабола забвения: этническое самосознание русинов Молдавии в XX – начале XXI века // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. №2(2). С.151-177.

19. См.: *Степанов В.П.* Развитие этногосударственного законотворчества в Республике Молдова (1989-2005 гг.) и деятельность государственных учреждений в деле защиты прав и свобод национальных меньшинств (на примере украинского населения) // Revista de etnografie si culturologie. Nr. 1. Chisinau. 2006. Ё. 33.

20. См.: *Степанов В.П.* Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989-2005). Кишинев, 2007.

21. Там же. С. 491-503, 512, 513.

22. См.: По пути национальной духовности болгар Молдовы / Сост.: И. Грек, Н.Червенков, Т. Шикирлийская. Кишинев, 2005.

23. См.: *Моцпан Д.* Шипы и розы. Chisinau: Princeps. 2005.

24. См.: *Mircea Snegur – Yăořdă Āteřeřă. Īņeřdălăiřul ačřeřăč.*

25. А се ведя: Адевэрул ка аер ал ренаштерий. Кулежере де публичистикэ. – Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1988; *Сака Серафим.* Пентру тине баг... Карте де конворбирь, артиколе, ынсемнэрь. Кишинэу: Литература артистикэ, 1988; О луптэ, о суферинцэ ши... Материале дин сэпт. «Литература ши арта». Кишинэу: Литература артистикэ, 1989; Поварэ сау тезаур сфынт? [Деспре старя лимбий м олдовенешть]/ Алк. И.И. Лупан. -Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1989; Алежем депутаць ай попорулуй: пьедичь ши грешель. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1989; Как больно... Обращения, письма, статьи. О чем тревожится, к чему зовет, за что борется интеллигенция республики. Кишинев: Литература артистикэ, 1989; Ындемн ла ынэлцаре ын историе./ Алк. Л.Булат. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1990; Basarabia si basarabenii. Chisinau: Uniunea scriitorilor din Moldova. 1991; Istoricul an 1989 / Red.-alc. L.Bucataru. Chisinau: Universitas,

- 1991; Situatia sociolingvistica din R.S.S.M. reflectata in presa periodica (1987-1989). Vol. I. Partea 1. Chisinau, 1999.
26. См.: *Шорников П.М.* Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. Кишинев, 1997. С.3.
27. *King Charles. Moldovenii. Romania, Rusia si politica culturala.* Chisinau: ARC, 2002. Ё. 191, 192.
28. См.: *Яковлев В.Н.* Тернистый путь к справедливости. Тирасполь, 1993.
29. См.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность.
30. См.: *Млечко Т.П.* Указ. соч.
31. См. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997.
32. См.: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. С.326, 329.
33. См.: *Яковлев В.Н.* Тернистый путь к справедливости. Тирасполь, 1993.
34. A se vedea: *Stati V. Istoria Moldovei.* Chisinau: Vivar-Editor, 2002. Ё. 374-378.
35. См.: *Андроник Н., Иванов В., Татар Г.* Государственный суверенитет Республики Молдова. Кишинев, 2000. С.137-139.
36. См.: *Степанюк В.Ф.* Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев, 2006.
37. См.: История Бессарабии. От истоков до 1998 года. Изд. 2-е, переработанное. Координатор И. Скурту. Кишинэу, 2001. С.303.
38. См.: *Лучинский П.* Молдова и молдаване. Кишинев, 2007.
39. См.: История и культура гагаузов / Коорд. С.Булгар. Кишинэу-Комрат. Понтос, 2006.
40. См.: *Губогло М.Н.* Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М.: ЦИМО, 2004.
41. Подробнее см.: *Шорников П.М.* Буджакский узел: дискуссии по вопросу о создании автономии на юге Молдавии и в Придунайских землях Украины. 1988-1991 гг. // Курсом изменяющейся Молдовы / Под ред. М.Н. Губогло. М., 2006.
42. См.: Начало: Сб. воспоминаний / Сост. А.З. Волкова. Тирасполь, 2000.
43. См.: *Волкова А.* Горячее лето 1989 года. Тирасполь, 2004; Она же. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989-2003 гг.). Тирасполь, 2005; она же. Съезды депутатов всех уровней Приднестровской Молдавской Республики (1990-2006 гг.). Тирасполь, 2006.
44. См.: Феномен Приднестровья. Тирасполь. РИО ПГУ. 2000; История Приднестровской Молдавской Республики. Т. II. Ч.2. Тирасполь, 2001.
45. *Степанюк В.* Указ. соч. С, 394, 395.
46. История Бессарабии. От истоков до 1998 года. С.303.
47. A se vedea: *Istoria Romanilor: curs universitar / Vasile Vasilos.* Chisinau: Civitas, 2003;
48. A se vedea: *Fruntasu Iu. O istorie etnopolitica a Basarabiei. 1812-2002.* Bucuresti; Chisinau, 2002.
49. *Nouzille J.* Moldova: istoria tragica a unei regiuni europene. Chisinau, 2005. P. 203, 248.
50. A se vedea: *Charles King. Moldovenii. Romania, Rusia si politica culturala.* ЁД. 144, 145.
51. *King Charles. Moldovenii. Romania, Rusia si politica culturala.* Ё. 191.

52. A se vedea: Nouzille J. Op. cit. Ъ. 235.

53. См.: *Крянгэ П.* Я хочу рассказать... Кишинэу. 1998; *Greco V.* O viziune din focarul conflictului de la Dubasari. Chisinau: Prut International, 2005; *Cojocaru Gh.E.* Separatismul in slujba imperiului. Chisinau: Civitas, 2000; *Greco V.* O viziune din focarul conflictului de la Dubasari. Chisinau, 2005; *Muntean A., Cibotaru N.* Razboiul de pe Nistru (1990-1992). AGER- economistul. Bucuresti, 2004; *Munteanu Anatol.* Sacrificiu si tradare. Razboiul de secesiune din Republica Moldova (1990-1992). Bucuresti, 2005.

54. A se vedea: *Barsan V.* Masacrul inocentilor. Razboiul din Moldova. Bucuresti, 1993.

55. A se vedea: *Cojocaru Gh.E.* 1989 la Est de Prut. Chisinau: Prut International, 2001. P. 154, 155.

56. См.: Русский альбом. Исторический и литературный журнал (всего вышло 9 номеров); Вестник Славянского университета (10 выпусков); Славянские чтения (8 выпусков); Мысль. Общественно-политический и научный журнал ЦК ПКРМ (37 номеров); Русин. Международный исторический журнал (8 номеров).

57. См.: Русские Молдовы: история, язык, культура. Материалы научно-практ. конференции. Кишинев, 1994; Славянские культуры в инациональной среде. Кишинев, 1995; Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. Кишинев, 1999; Вне России: Сб. научных статей о русских и русской культуре Молдовы. Кишинев, 1997; *Procesele integrationiste din Republica Moldova: elaborarea strategiei nationale.* Chisinau, 2000; Положение русского языка и преподавание на русском языке вне России. Возможности использования международного опыта. Кишинев, 2005; *Ѐoldova intre Est si Vest: identitatea nationala si orientarea europeana / CAPTES.* Chisinau, 2001; Регионалнi та націоналнi елiи: Хто формуе політику? Матеріалi Мiжнародної наукової конференції. Чернівці, 6-7 грудня 2001 р. Чернівці: Букрек, 2002; *Minoritatile nationale si relatiile interetnice: traditie europeana si experienta noilor democratii.* Vol. 1-2. Iasi: Paneurop, 2002; Этногенез и этническая история гагаузов. Материалы и исследования, посвященные 150-летию В.А. Мошкова. Выпуск 1. Кишинев-Етулия: Ekim, 2002; *Minoritatile nationale si relatiile interetnice: traditia europeana si experienta noilor democratii pentru Moldova.* Vol.II. Iasi: Pan Europe, 2002; Нить времен. Материалы научно-практической конференции «Русское население Молдавии: история и современность». Кишинев, 2006; Русский язык в Республике Молдова: реалии и перспективы. Кишинев, 2007 и др.

58. См.: *Кожокару Н.* Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде. Кишинэу: Tehnica-info, 2004

59. См.: *Субботина И.А.* Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М.: ЦИМО, 1998; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские Молдавии: миграция или адаптация? М.: ЦИМО, 1998; *Савоскул С.С.* Русские нового Зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001.

60. A se vedea: *Hobsbawn E.J.* Natiuni si nationalism: din 1789 pina in present. Chisinau, 1997. P. 179.

Татьяна ЗЕМБА

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛДОВЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На протяжении веков наши писатели, ученые, политики пытались говорить о наших достоинствах, характере и обычаях, отмечая также и их отрицательные черты. Я тоже следую этой традиции из любви к моему народу, к стране и из желания стать лучше вместе с ними.

*Петр Лучинский,
Молдова и молдаване. Кишинев, 2007*

Приступая к анализу, следует подчеркнуть, что есть все основания считать исследование американских и других англоязычных аналитиков, связанных с американскими научными учреждениями и изданиями, «зеркалом», достаточно адекватно отражающим общественные настроения и социально - политические процессы в РМ. При их написании, помимо западных источников, используется широкий круг молдавских масс-медиа на румынском и русском языках, прежде всего, известных газет и информационных агентств, включая приднестровские. Активно применяются и материалы российских и румынских средств массовой информации, а также данные многочисленных социологических опросов и интервью с видными политическими деятелями и другими представителями молдавской общественности, проведенных как самими аналитиками, так и известными социологическими службами, местными и международными.

В советские годы радостью для исследователя было обнаружить в западных источниках даже краткое упоминание о МССР. Однако с конца 80-х годов в западной печати наметилось заметное усиление интереса к молдавской проблематике, обусловленное пониманием на Западе того факта, что в Молдове возникло и развивается «мощное националистическое движение, деятельность которого чревата опасными последствиями». Лишь по мнению отдельных зарубежных наблюдателей, молдавские неформальные объединения, созданные весной-летом 1988 г., защищали свой язык и культуру от посягательства центральных властей. По преобладающему мнению западных авторов, они носили ярко выраженный националистический характер. «В

Молдавии усиливается националистическая напряженность», «растущая волна национализма охватила бурлящую МССР» и т.д. и т.п. – такова квинтэссенция высказываний западной печати об атмосфере, воцарившейся в республике с весны 1989 г.

При этом осознание исторической и психологической обусловленности роста националистических эмоций и прорумынских настроений в Молдавии не снимало все усиливавшегося чувства тревоги. Наблюдатели характеризовали все это как проявления «националистической истерии», как «национальный крестовый поход молдаван», как «молдавскую националистическую бомбу». Как бы то ни было, большинство комментаторов сходились во мнении о том, что «националистические игрища» на обоих берегах Прута привели к созданию Приднестровской республики, а затем «взорвались насильем в Приднестровье». Многие обозреватели высказывали мнение, что в основе длившегося пять месяцев приднестровского кровопролития, стоившего народу Молдовы многих жизней и огромных моральных и материальных потерь, лежит все тот же ставший сакраментальным вопрос, быть или не быть Молдове в составе Румынии (1).

Подытоживая подобный социально-политический фон, на котором начинался молдавский транзит в демократию и рыночную экономику, один из самых авторитетных американских специалистов по Молдове Уильям Кроусер выделяет ряд факторов, серьезно осложнивших процесс демократизации в стране. Он подчеркивает: «Новая Республика Молдова вступила в свое существование как посткоммунистическое государство с суверенитетом, который уже изначально находился под угрозой внутренних и внешних панрумынских националистов. Сепаратистские движения, которые также пользовались поддержкой внешних спонсоров, явились вторым вызовом новой республике» (2, с. 295).

Что касается внутривнутриполитических факторов, то, по мысли автора, учитывая исторический контекст Молдовы, как досоветского, так и советского периодов, особого внимания заслуживает характер межэтнических отношений, которые играли очень важную роль в направлении мобилизационного процесса в Молдове. Подобно многим другим исследователям, он подчеркивает, что, несмотря на все сложности исторического развития, «исторически отношения между различными народами, населяющими Молдову, в целом являются позитивными». Во многих сельских районах, пишет Кроусер, молдаване и немолдаване сосуществовали в относительной гармонии на протяжении веков и в большинстве случаев продолжают жить таким образом до настоящего времени. Но в городах, где в советский период эффект иммиграции был наибольшим, в посткоммунистический переходный период условия менее позитивны (2, с. 282).

Вторым наследием прошлого, которое, по мысли Кроусера, оказы-

вает явное воздействие на усилия последних лет по демократизации, является «двойственная национальная идентичность». Историческое развитие Молдовы тесно связано узами языка и культуры с историческим развитием соседней Румынии. Однако влияние славянских соседей Молдавской республики также значительно, **«порождая в Молдове уникальную культуру, которая заметно отличается от культуры западного румынского региона»**. После распада СССР, продолжает он, «ярое меньшинство среди этнических молдаван выступало за «румынскую» национальную идентичность и работало на объединение с румынским государством. Однако большинство населения стремилось к молдавской идентификации и политической независимости. **Диалог между этими двумя силами является решающим для процесса демократизации в Молдове»**. Отношения масс также играли ключевую роль в молдавском транзите, как в период антисоветской мобилизации, так и в процессе консолидации этнически умеренного режима, ставшего наследником МССР, считает аналитик (2, с.283). Развивая эти мысли, Кроусер писал в другой статье: «Таким образом, по меньшей мере частично генератором сепаратистского конфликта в Молдове, который быстро перешел в кровавый безвыходный тупик, является агрессивная повестка дня Народного Фронта. Вследствие этого панрумынская ориентация Народного Фронта стала все более осознаваться как препятствие на пути разрешения сепаратистского конфликта и как потенциальный источник гражданского насилия в самой Бессарабии» (3, с. 47).

В силу вышеотмеченных обстоятельств результаты парламентских выборов в феврале 1994, когда к власти пришли умеренные силы, вызвали нескрываемое удовлетворение и большие ожидания у западных политиков и аналитиков. Однако Кроусер реалистически писал в этой связи: «Триумф умеренных в Молдове оставляет открытыми некоторые потенциально взрывоопасные проблемы, такие, как споры среди мажоритарного населения относительно национальной идентичности и приднестровский сепаратистский кризис. Вместе с тем, отслеживая первые пять лет молдавской независимости, можно надеяться, что в долгосрочной перспективе гражданский мир будет превалировать, несмотря на турбулентное прошлое этого региона. Анализ показывает, что в Молдове существует народная поддержка для построения такой модели отношений между мажоритарным населением и меньшинствами, которая была бы приемлема для всех сторон в целях обеспечения стабильных государства и общества». (4, с. 160).

По мнению этого и других экспертов, к середине 90-х годов Молдова достигла значительного прогресса в установлении демократического политического процесса. Эти успехи представляются еще более значительными, «учитывая вызовы со стороны сепаратистов и панру-

мынских экстремистов, с которыми она сталкивается в ходе своего переходного периода». Однако явно необходимы дальнейшие изменения прежде, чем Молдове можно будет считать консолидированным демократическим режимом. Более глубокая демократизация требует дальнейшего развития принципов и ценностей, лежащих в основе демократического развития. Хотя демократические политические нормы, похоже, закрепляются, процесс создания демократического консенсуса все еще явно находится на начальной стадии. Достижения Молдовы пока воплощаются в основном в создании среды, в которой возможен дальнейший прогресс демократизации, разумеется, **если это му не будет препятствовать гражданский конфликт** (2, с. 323; 5).

О дальнейшем развитии демократизации в РМ и подспудно сохраняющейся межэтнической напряженности как одном из главных препятствий на ее пути читаем в западных оценках 2000-х годов.

В коллективном исследовании европейских и американских политологов, посвященном политическим изменениям в посткоммунистической Восточной Европе, на основании сравнительного анализа становления и развития политических систем в 13 странах Восточной Европы его редакторы делают вывод, что девять из них успешно продвигаются по пути демократической консолидации. *Отстают Хорватия, Румыния и в особенности Сербия. Однако даже эти отстающие достигли значительно большего прогресса на ухабистой дороге к демократии, чем Россия, Украина и Грузия.* Но рискованно было бы исключать возможность неудач и регресса: «Подобное замедленное развитие иллюстрирует неудавшаяся демократизация в Молдове» (6, с. 605), - считают эксперты. Также отмечается, что в то время как большинство стран Восточной Европы составляют нации-государства, пример Румынии и Молдовы показывает, что **в ситуации, где национальное строительство не завершено, «национальные расколы» продолжают играть очень важную роль** (6, с.52).

Авторы главы о РМ, один из лучших американских специалистов по Молдове У. Кроусер и молдавский исследователь Ю. Жосану, для оценки общественно-политического положения в стране в первое переходное десятилетие также используют многочисленные английские слова, выражающие атмосферу конфликтности, и чаще всего «раскол» – межэтнический, социальный, политический.

В сущности, они суммируют то, что подробно описывалось и утверждалось в многочисленных публикациях предшествующего десятилетия о Молдове и ее этнолингвистических проблемах как самого Кроусера, так и других авторов. Преимущество этой работы в том, что в ней эти проблемы анализируются ретроспективно, с учетом последующего опыта. Более того, «неудавшаяся демократизация» констатируется как результат межэтнического и иных противостояний,

характерных для РМ. Специалисты уверены в том, что на посткоммунистический транзит Молдовы, в особенности на начальном этапе, **решающее влияние оказывали глубокие общественные и политические разногласия, проистекавшие из этнолингвистической структуры республики и проблем национальной идентичности.** По мере их развития на переходные процессы также все больше влияли острые расхождения во мнениях относительно темпов и направления реформ, характер политики элит и институциональные факторы.

Рассматривая исторический контекст молдавского транзита, аналитики оценивают влияние как докоммунистического, так и коммунистического периодов и фокусируют внимание на этническом составе и роли этнической мобилизации в движении за независимость. Они считают, что отношения между различными этническими группами, населяющими Молдову, в целом положительны, однако значительное напряжение развилось в советский период, что сыграло определяющую роль в транзите. Вторым наследием прошлого, которое явно влияло на ход транзита, было глубокое разделение в среде румыноговорящего населения республики по проблеме национальной идентичности (румынская versus молдавская). Тогда как «яростно активное» меньшинство идентифицировало себя как «румыны» и работало на объединение с румынским государством, большинство склонялось к молдавской идентификации и политической независимости. Конфликт между носителями этих двух позиций оказался «критическим» для развития молдавского перехода (6, с. 549).

Уже с позиций 2000 годов обращаясь к истокам межэтнического конфликта в Молдове, авторы пишут, что **игра националистов из руководства Народного Фронта на таком «вопросе высокого напряжения, как языковой вопрос, имела свою (высокую) цену: подрыв народного единства».** Их крайне националистические призывы и сеющие рознь меры, такие, как восстановление триколора и др., мгновенно вызвали резкое обострение уже существовавшего в республике межэтнического конфликта, усиливая растущий страх русскоязычных меньшинств. Несмотря на их небольшие практические последствия, такие вопросы имели огромное символическое значение как для мажоритарного, так и для миноритарного населения. Однажды инициированная межэтническая враждебность быстро зажила своей собственной жизнью. Радикальные лидеры Народного Фронта организовали серию уличных демонстраций, направленных на устрашение оппонентов. Его экстремистская фракция становилась все более агрессивной в осуществлении власти, тем самым **«ускоряя падение в насилie»** (6, с. 552 - 553).

Со ссылками на многочисленные опросы общественного мнения

авторы отмечают, что на уровне общества этнические разногласия также были очевидны. Этнические сообщества республики были глубоко разделены по целому ряду вопросов, связанных с отношениями большинства с меньшинствами. В то же время открыто прорумынский Народный Фронт потерпел провал в завоевании широкой народной поддержки даже в момент относительной интенсивности межэтнического конфликта. Лишь 12,2% молдаван поддерживали объединение с Румынией. Хотя политический дискурс продолжал фокусироваться на межэтнических проблемах, данные опросов давали основания для оптимизма, показывая, что общественное мнение в отношении реформ сглаживало этнические разделительные линии и таким образом обеспечивало основу для программ, не основанных на этничности, в случае если удастся снизить остроту межэтнического раскола. Подобное распределение народной поддержки было решающим в установлении параметров, в рамках которых различные фракции элиты соперничали в борьбе за власть в обстановке эскалации общественного кризиса. Роль этнического конфликта в соперничестве за контроль над руководством также была очевидна. Его эскалация явно благоприятствовала радикалам из НФ и росту их влияния в среде румыноязычного большинства. Одновременно умеренные (преимущественно из бывших коммунистов) работали для достижения консенсуса между мажоритарным и миноритарным сообществами, приняв ряд мер, направленных на создание атмосферы доверия, примером которых был закон о гражданстве. *Однако по мере эрозии и разрушения институтов советской эры молдавская политика становилась все более беспорядочной* (6, с. 554-555).

Недовольство молдаван войной 1992 г. и обусловленным ее тупиком решающим образом обеспечило возможность для успеха умеренных из кругов румыноговорящей элиты. Новое правительство Сангели осуществляло стратегию снижения межэтнической напряженности. В свою очередь депутаты от НФ проводили в парламенте obstructионистский курс. В конечном итоге главным результатом первых демократических выборов в парламент 1994 г. стало решительное отклонение партий, отождествлявших себя с «панрумынизмом», в пользу тех, кто поддерживал молдавскую идентичность и сглаживание этнических разногласий. Анализ позиций членов парламента и населения показывает и явные расхождения во мнениях в среде политической элиты, и взаимосвязь между общественным мнением и поддержкой партий. В новом парламенте в отношении нацменьшинств НФ продолжал прежнюю национал-экстремистскую позицию, социалисты поддерживали меньшинства, а аграрии заняли позицию между этими двумя крайностями. Массовые настроения по этим вопросам сыграли критическую роль в определении исхода политической конкурен-

ции на уровне элиты. Преобладание умеренного мнения существенно работало на успех Аграрно - Демократической партии. Аграриям удалось обратить это преимущество в массовый электоральный успех в 1994 г., который консолидировал позиции умеренных сил в политической системе. В результате, в отличие от многих других случаев, в этот момент транзита партийная конкуренция благоприятствовала этнической инклюзивности. Завершив турбулентную первую фазу процесса демократизации в Молдове переходом нового руководства к политике согласия, новая конституция фиксировала обязанность государства поддерживать развитие и функционирование на территории страны русского и других языков (6, с. 58-61).

Хотя казалось, что Молдова находится на правильном пути экономической реформы и стабилизации, сложившаяся после выборов 1994 г. комбинация факторов подрывала дальнейший прогресс. Незаживающая приднестровская рана усиливала ощущение правительственного тупика. Продолжавшееся падение ВВП оказывало пагубное воздействие на жизненный уровень, все более превращая Молдову в одну из беднейших бывших советских республик. Укорененная система политической коррупции, конкуренция, поляризация и перманентное состояние конфликта в среде элиты и все новые раунды непрекращающихся политических баталий между партиями и политическими лидерами, а также дисфункциональные парламентские коалиции и «союзы» типа «неуклюжего» и неработоспособного союза между ПКРМ и ХДНП привели к коллапсу экономики, институциональному тупику и политическому банкротству. Поскольку все это ассоциировалось с правительством, поддержка коммунистов как альтернативы росла, как на дрожжах, и результаты парламентских выборов 2001 г. были вполне понятны (6, с. 61-69).

Американский и молдавский аналитики приходят к следующему заключению. Посткоммунистический транзит Молдовы начался в явно негативных обстоятельствах. По мере эрозии центральной власти в поздний советский период «общественные расколы» играли доминирующую роль в формировании его начальной фазы. Демократическая оппозиция добивалась окончания советского правления, а консерваторы в компартии старались сохранить status quo. Одновременно националисты в среде мажоритарного населения все более открыто ставили на повестку дня воссоединение с Румынией. Реакция на это активистов нацменьшинств заключалась в тяготении к бывшим коммунистам, а в двух случаях в обращении к сепаратизму в попытке создать независимые политические образования для защиты своих интересов. Очень быстрая мобилизация этих соперничающих сил довела республику до гражданского конфликта в процессе борьбы за независимость. Однако по контрасту с другими подобными случаями в **Молдове этот**

круг этнической мобилизации был разорван, и стране удалось выйти из гражданской войны. Характерный для республики сложный (этнический) состав решающим образом определил такой исход. В момент начала посткоммунистического транзита общественное мнение было расколото по проблеме межэтнических отношений. Но хотя этнические экстремисты были в среде и большинства и меньшинства, умеренные мнения преобладали. Кроме того, помимо межэтнического «водораздела» возникло еще одно измерение разногласий по проблемам реформ, которое развивалось независимо от межобщинных разделительных линий. Наконец, серьезный диспут по проблеме национальной идентичности (румынская или молдавская) разделил румыноговорящих.

Взаимодействие этих факторов имело критическое значение в формировании начальной стадии посткоммунистического транзита. В начале разногласия между большинством и меньшинством обусловили провал попыток установить этнически инклюзивный режим. Поскольку усилия наладить сотрудничество провалились, экстремистское руководство Народного Фронта получило контроль над правительством, форсируя открытый конфликт с русскоязычными сепаратистами. Но противостояние в среде мажоритарного населения между теми, кто идентифицировал себя как «румыны» или как «молдаване», подрывали энергичные попытки националистов упрочить власть и обеспечили благоприятную возможность для альтернативного руководства, которое решительно отвергло панрумынскую идентификацию, апеллируя к населению поверх этнических линий и строя свою платформу на реформах, а не национальной идентичности.

Но хотя борьба внутри элиты играла позитивную роль в смягчении этнического конфликта, одновременно она стала очень важным из факторов, приведших во второй половине 90-х гг. к «политическому банкротству». Постоянная борьба между политическими лидерами препятствовала согласованной политике реформ и установлению стабильной исполнительной власти. А плохое управление в сочетании с трудными внешнеэкономическими обстоятельствами разорили молдавскую экономику, ввергнув большинство населения в бедность и дискредитировав реформы.

По мнению авторов, возврат молдавских коммунистов к власти необходимо рассматривать в контексте этой «неудавшейся демократизации». В ситуации отсутствия на горизонте приемлемой всем народом альтернативы ПКРМ стала наследницей такой политической системы, преимущественно из-за возможности утверждать, что она не играла роли в провалах предшествующего десятилетия. Они считают, что вопрос о том, представляет ли возвращение коммунистической партии решительный разрыв с предшествующей политической моде-

лью «глубоких общественных и политических расколов», остается открытым. Ответ будет в большой мере зависеть от того, удастся ли руководству ПКРМ утвердить сплоченное правление, а право центристской оппозиции - консолидироваться (6, с.574-575).

Оценивая парламентские выборы 2001 г., один из старейших западных специалистов по Молдове, профессор Дублинского университета Р. Хилл подчеркивал, что хотя в ходе избирательной кампании и выборов доминировали социально-экономическое положение в стране и честность политиков, **за всем этим присутствовали и нерешенные вопросы идентичности Молдовы как нации и государства и ее ориентации на долгосрочную перспективу.** Действительно ли Молдове предназначено быть частью Румынии, как считают прорумынские группировки? Должна ли она ориентироваться на Запад с последующей интеграцией в Евросоюз? Следует ли ей вернуться в объятия России путем присоединения к союзу России и Белоруссии, как это предусматривала предвыборная платформа коммунистов? Действительно ли этот шаг сможет ускорить реинтеграцию отколовшегося Приднестровского региона, как рассчитывали коммунисты? Сможет ли она остаться независимым, нейтральным государством, как это провозглашает действующая конституция? Не занимая главное место в повестке дня избирательной кампании 2001 г., эти отнюдь не тривиальные вопросы, по мысли наблюдателей, **явно присутствовали в ней подспудно, в значительной степени определяя дальнейший политический курс Молдовы** (7, с. 130-139).

Также в контексте выборов 2001г. американский аналитик Т. Вортс писал, что, несмотря на впечатляющую победу коммунистов, массовые демонстрации протеста 1995 и 2002 гг. показали, что политика в Молдове далека от консенсуса, и, в частности, **проблемы языка и национальной идентичности продолжают вызывать острые разногласия и даже разнь.** Причем, подобно многим другим авторам, он посчитал нужным напомнить: **«Именно языковые проблемы стали спусковым механизмом, взрывателем, который привел в действие движения за отделение и положил начало сепаратистским действиям в Приднестровье и Гагаузии** (8, с. 1-5).

В статье «Социализм с неясными характеристиками: молдавские коммунисты у власти» профессор Эдинбургского университета Люк Марч высказывает мнение, что возвращение молдавских коммунистов к власти в результате полной победы на выборах 2001 г. «едва ли означает, что Молдова проголосовала за коммунизм, хотя это, несомненно, указывает на глубокое отчаяние, вызванное направлением постсоветских перемен». Марч считает, что в период пребывания у власти ПКРМ столкнулась с проблемой политической неопытности.

Критики утверждали, что она явно не ожидала выиграть выборы таким огромным большинством, в результате чего многие ее кадры были неадекватно подготовлены к управлению страной.

Кроме того, давление в направлении дальнейшего развития демократии было ограниченным вследствие слабости и разделенности парламентской оппозиции и общеизвестной слабости молдавского гражданского общества. Решение острых социально-экономических проблем и достижение единства страны, объявленные жизненно необходимыми приоритетами партийной платформы, были недостаточны для продвижения демократии. В процессе правления политика компартии становилась поразительно противоречивой и характеризовалась рядом поворотов на 180 градусов и невыполнением предвыборных обещаний, что не могло не удивлять, учитывая явную силу ее позиций. Были очевидны зигзаги во внутренней политике с общей тенденцией к большей централизации, патернализму и политической напряженности. Из попыток правительства осуществить главные пункты предвыборной платформы коммунистов **наиболее противоречивыми и поспешными были предложения о придании русскому языку статуса второго государственного (вместо его официального статуса как «языка межнационального общения»)** и замене курса истории румын на курс истории Молдовы. Вопрос о придании русскому статусу государственного языка вызвал большие разногласия в обществе, по данным «Jamestown Foundation Monitor», в равной мере по 46% опрошенных поддерживали это предложение и выступали против него. 28% взрослых респондентов поддержали обязательное изучение русского языка в школе и 65% хотели, чтобы оно было добровольным.

Эти инициативы вызвали самые крупные демонстрации с момента провозглашения независимости. При этом главный подстрекатель и зачинщик этих протестов ХДПМ и другие критики данных предложений игнорировали то, что они являлись электоральными обещаниями коммунистов, которые демократически избранное правительство чувствовало себя обязанным выполнить как уже получившие определенную общественную поддержку в ходе голосования на выборах (хотя и меньшую среди менее советизированного молодого поколения). На первый взгляд, предложение изучать историю Молдовы выглядит в высшей степени целесообразно: история румын – это история соседнего государства, которое, к тому же, критикуется за этноцентризм и игнорирование как существующих различий между румынским и молдавским языками и культурами, так и чувствительности этнических меньшинств, которые составляют 35 процентов населения Молдовы. Тем не менее, проведение такой политики в самый первый год коммунистического правления, по мысли автора, «свидетельствовало о бестактном и сеющем разнь стиле руководства, о популистской демаго-

гии и неспособности преодолеть ответную реакцию протестующей стороны». И ХДНП, и коммунисты характеризовались местными аналитиками как радикальные партии, взаимная антипатия которых поддерживала атмосферу, в которой обе преуспевали. Несмотря на заверения Воронина о том, что, придя к власти, компартия избавилась от «синдрома оппозиционности», она регулярно продолжала атаковать ХДНП в резких выражениях как террористов и агентов Румынии. Аналитик считает, что патернализм правительства Румынии по отношению к Молдове, наиболее очевидно проявляющийся в его риторике о двух румынских государствах, и открыто провозглашенный унионизм ХДПМ давали основания для понятной обидчивости молдаван. Но «непропорционально острая реакция на это ПКРМ указывала на уверенность в румынофобских инстинктах и на склонность к искусственной политике национального и культурного строительства в советском стиле». *По мнению Марча, особенно важно то, что, невзирая на все это, накануне выборов 2005 г. ПКРМ продолжала оставаться относительно популярной правящей партией с хорошими шансами повторить и даже превзойти победу 2001 года (9, с. 507-524).*

Анализируя ситуацию в Молдове к моменту, когда первый срок пребывания ПКРМ у власти приближался к завершению, и, в частности, выполнение ПКРМ мандата, полученного в результате ее подавляющей победы на парламентских выборах 2001 г., известный американский специалист по Восточной Европе П. Квинлан пришел к следующим выводам. Переход Молдовы от коммунизма к демократии и рыночной экономике, который был достаточно трудным, начиная с момента провозглашения независимости, после прихода к власти ПКРМ «переживает явный регресс». «В намеренной попытке создать сильное центральное правительство под своим контролем, или то, что следует назвать полуавторитарным режимом, коммунистический режим зажимает или контролирует целый ряд главных опор демократического правления, прежде всего судебную систему, средства массовой информации, местные органы власти, **в процессе этого подрывая хрупкую демократию Молдовы**». В результате, считает Квинлан, Молдова остается электоральной, или неконсолидированной демократией в процессе транзита, в которой **фундаментальные понятия демократического правления все еще неопределенны и стоит «огромная задача создания с самого начала как нового независимого государства, так и демократии**». В стране слабое гражданское общество, слабая правовая традиция, отсутствует власть закона. Неправительственные организации малы и очень зависят от внешнего финансирования, партийная система изменчива и раздроблена. **В Молдове существуют глубокие культурные и этнические противоречия, что, в частности, отражается в ее политических**

партиях. Большинство политического руководства Молдовы состоит из этнических молдаван, которые вышли из советской номенклатуры. Участие в руководстве меньшинств очень ограничено, хотя при коммунистах оно увеличилось.

И этот эксперт считает особенно противоречивыми решения правительства внести поправки в конституцию с целью придания русскому языку статуса второго государственного языка в Молдове, сделать его изучение обязательным во всех школах, начиная со второго класса, и заменить изучение истории румын историей молдаван. Отмечая, что все эти решения затрагивали чувствительную тему национальной идентичности Молдовы, автор напоминает, что она является полиэтническим государством с населением 4,3 миллиона, 64,5% которого составляют «молдаване (или румыны)». Хотя в царское время не удалось русифицировать молдаван и искоренить их румынское наследие, Советы преуспели в разработке идеи о существовании двух различных восточнороманских наций с отдельными собственными языками, культурой и историей. Эти идеи составляют сегодня сущность «молдовенизма», с которым большая часть населения по той или иной причине соглашается, хотя кажется, что число людей, идентифицирующих себя как румыны, растет. Для тех, кто выступает против этой интерпретации, в основном интеллектуалов и других прорумынски настроенных людей, это составляет «молдавский миф». **Большинство образованных молдаван говорят на русском, который, в соответствии с законом, является языком межнационального общения, в то время как менее одной трети представителей меньшинств бегло говорят по-молдавски.** Около трети населения считают русский своим родным языком (так называемые русскоязычные).

По мнению Квинлана, в силу доминирования коммунистов в парламенте и ограниченного доступа к масс-медиа оппоненты вышеупомянутых инициатив правительства в отношении русского языка и преподавания истории вышли на улицы под руководством ХДНП. Как комментирует наблюдатель, хотя и другие оппозиционные партии иногда присоединялись к демонстрациям, «было очевидно, что ХДНП никогда не приблизится к завоеванию широкой поддержки, необходимой для того, чтобы опрокинуть правящий режим» *(Эти слова выделены как одна из трех ключевых фраз статьи и воспроизведены в виде боковой врезки. - Т.З.)*. «В стране, где более 90% населения поддерживают независимую Молдову, ХДНП всегда ограничивает ее прорумынская идеология, хотя и приглушенная в последние годы», - считает специалист. Менее 10% поддерживают более тесные связи или эвентуальное объединение с Румынией, хотя эти 10% включают многих представителей культурной элиты. Тем не менее, продолжает обзор-

ватель, энергичная поддержка ХДНП членства Молдовы в ЕС помогает компенсировать эту слабость ее позиций. Действия правительства в духе сильной руки и крайне напряженная ситуация в столице вызвали международное осуждение, заставившее правительство отступить.

Отсутствие функционирующей демократии, похоже, мало беспокоит большинство молдаван, поглощенных борьбой с бедностью и коррупцией, отмечает наблюдатель. Хотя в последнее время популярность Воронина понижается, он остается пока самым популярным политиком страны. В такой обстановке аналитик считает неудивительным то, что в большой мере давление в отношении демократических реформ исходит в основном извне Молдовы, от таких организаций, как Совет Европы и ЕС. Политические партии Молдовы, включая оппозиционные, отражают «эту дисфункциональную демократическую среду». В качестве примера автор приводит то, что в период правления прежнего некоммунистического правительства Лучински «следующим после коммунистов, одним их главных виновников саботажа экономических реформ был Юрие Рошка с его политическими махинациями и интригами, что и свалило это правительство путем голосования в парламенте в ноябре 1999». Исследователю представляется, что, несмотря на то, что Воронин сделал Приднестровье высшим приоритетом, «урегулирование конфликта остается таким же иллюзорным, как всегда». *Его стратегия присоединения к ЕС в духе «Realpolitik», «вероятно, основывается на достижении вспомогательных целей при понимании того, что у Молдовы мало шансов на членство в ЕС при любом правительстве, а тем более, коммунистическом».* Не удивительно, что, говоря о повышении данных Молдовы на присоединение к ЕС, молдавские официальные лица упоминают только решение приднестровской «головоломки» и экономику, при этом «их демократические характеристики у себя фактически забываются». Однако правление коммунистов успокоило разговоры о выживании Молдовы как независимого государства, «при условии, конечно, что они не делают какой-нибудь глупости в своих попытках заполучить Приднестровье обратно». Вместе с тем, переход к рыночной экономике значительно замедлился. И опросы показывают значительное недовольство среди населения Молдовы, в особенности настоящим экономическим положением. Молдова все еще является беднейшей страной в Европе (10, с. 485-504).

Парламентские выборы 2005 г. стали для молдавского общества еще одним тестом на демократическую зрелость, вызвав многочисленные отклики западной печати. Газеты изобиловали броскими заголовками: «Пребывающая в сложном положении, беспокойная Молдова разворачивается в западном направлении», «Правящие в Молдове

коммунисты лидируют в крутом повороте на Запад», «Красные приходят, красные уходят», и т.п. При этом многократно напоминалось, что 4 года назад ПКРМ выиграла выборы, пообещав проводить пророссийскую политику. На сей раз они боролись за переизбрание, обещая проводить прозападную политику. Констатируя, что «инвективы президента Воронина против Москвы стали главным вопросом выборной кампании 2005», западная печать пыталась проанализировать их влияние на результаты голосования. «Financial Times» цитировала молдавского аналитика из Института публичных политик: «Уверен, что споры с Россией повлияют на результаты выборов, но Воронин победит в любом случае». По данным опросов общественного мнения, проведенных этим институтом в феврале, коммунистическая партия могла получить 62% голосов. Однако в действительности получила 46% (11, с. 6). «Los Angeles Times» подчеркивала, что правящие в Молдове коммунисты выиграла парламентское большинство, отказавшись от прежней промосковской платформы и «заняв противоположное положение в своих колебаниях» - повернувшись к Западу и выступая за более прочные связи с Евросоюзом и Соединенными Штатами. Причем правящая партия лидирует в этой переориентации даже в большей степени, чем оппозиционные силы (12, с. А8).

Основываясь на данных опросов при выходе из избирательных участков, «New York Times» высказывала предположение, что, несмотря на ссору с руководством России, компартии Молдовы удалось выдержать испытание и остаться самым большим блоком молдавского парламента. Но эти опросы также показали, что эта партия оказалась намного слабее, чем четыре года назад, когда она неожиданно пришла к власти, и что две оппозиционные группировки стали представлять серьезный вызов правящему правительству президента Воронина. Более ранние прогнозы указывали, что антирусская тактика определенно будет стоить г-ну Воронину поддержки избирателей, и предстоящие выборы отразят политическое замешательство в Молдове, беднейшей стране Европы. Даже молдавские официальные лица, связанные с проведением выборов, говорили о том, что избиратели были дезориентированы, не уверены, какую из основных партий поддержать, так как все обещали установить более тесные отношения с Европой. Но более всего люди были смущены публичной борьбой между господином Ворониным и Москвой. «Многие люди воспринимают происходящее как политический хаос», - сказал председатель одной из избирательных комиссий. (New York Times, Mar. 7, 2005, p. A3). И «Washington Post» со ссылкой на данные опросов общественного мнения на выходе, которые охватили 90% голосовавших, констатировала, что именно ухудшение отношений между молдавскими коммунистами и Кремлем укрепило позиции БДМ и сократило процент голо-

сов, отданных ПКРМ (13, с. А14).

Исследуя демократическое развитие Молдовы, многие эксперты констатируют «общеизвестную слабость» ее гражданского общества. Так, сотрудник Национального Демократического Института в Вашингтоне Т. Фэрбэнк считает, что гражданское общество в Молдове «все еще находится на ранней («младенческой») стадии, значительно отставая от Украины и Грузии». По его мнению, одной из главных причин слабости в Молдове гражданской культуры и гражданского общества является отсутствие подлинно национальной идентичности. Сегодня очень немногие люди в Молдове называют себя молдаванами в политическом смысле. Представители мажоритарного населения считают себя этническими румынами или молдаванами, а славянское население объявляет себя русскими или украинцами. Это отсутствие национальной идентичности, вполне понятное, учитывая наследие страны, естественно, не придает энергии и не побуждает к активным действиям во всех других отношениях индифферентное население, имеющее небольшое желание участвовать в политическом процессе. Автор пишет, что, работая в большинстве других стран бывшего Советского Союза, он никогда не был в стране, в которой бы развитие чувства национальной идентичности протекало так трудно, как в Молдове. **Трагическим результатом этого является страна, в которой отсутствует активное гражданское общество и слышно немного призывов к политическим переменам. При этом в ней, конечно, есть, хотя и в очень небольшом количестве, впечатляющие либеральные ученые и сторонники демократии и прав человека.**

Аналитик считает, что пока рано выносить окончательное суждение об уровне демократического развития в Молдове, поскольку ситуация и с политическими партиями и с гражданским обществом улучшается. Вместе с тем, критики заслуживает не только правящая ПКРМ, но и оппозиционные партии. Например, ХДНП не может рассчитывать более чем 8-10% голосов избирателей, т. к. ее планы объединения с Румынией и явно антироссийская позиция отпугивают умеренных избирателей. *Автор пишет, что циник мог бы утверждать, что политические силы Молдовы просто хитро маневрируют в борьбе за власть и озабочены только получением выгодных позиций. «К несчастью, это не слишком далеко от правды», - полагает он.*

В заключение эксперт делает вывод, что будущее Молдовы и перспективы демократии должны опираться на гражданское общество, которому еще предстоят тяжелые испытания в стране, которая продолжает оставаться в поиске своей политической идентичности.

Исходящие извне руководство и экспертиза никогда не могут заменить подлинно массовые местные движения, напоминает он. Подлинный демократический процесс должен начинаться внутри стра-

ны и быть местным по своей природе. Корни демократических движений находятся в возникающей или развитой политической культуре, единственно возможной благодаря гражданской активности и участию. И этот и другие наблюдатели находят, что **граждане Молдовы должны развивать свою национальную идентичность, растить образованных граждан с развитым чувством гражданского долга, которые хотят принимать участие в политическом процессе. Необходимо воспитывать и просвещать общественность в демократическом духе, расширять гражданское участие и добиваться ответственности правительства. Изменение может произойти только тогда, когда граждане страны объединены в своем стремлении к демократии** (14, с.131-138).

По убеждению экспертов, очень важно добиваться распространения в обществе демократических ценностей, прежде всего, доверия и толерантности. Как показывают данные социологических опросов, проведенных в Румынии и Молдове румынскими и американскими исследователями, в обеих странах низок уровень гражданского участия, доверия и толерантности среди широкой общественности. Они также обнаружили слабую поддержку в среде широкой публики аргументу о том, что участие в общественной жизни ведет к их большому развитию в обществе. Однако они встретили намного более высокие уровни доверия, толерантности и ответственности среди активистов общественных организаций. На этом основании они предполагают, что эта элита может способствовать распространению демократических ценностей в более широких слоях населения. Однако аналитиков приводит в замешательство то, что и в Румынии, и в Молдове такие активисты составляют очень маленькое количество (15, с. 316).

По мысли Фэрбэнка и других аналитиков, развитие молдавской национальной идентичности в политическом значении должно занимать особое место в продвижении демократических процессов в Молдове и снижении межэтнической напряженности. В сложном контексте проблем идентичности обращает на себя внимание и статья американского исследователя «Лоскутные нации и политики дифференциации на произвольных границах. Карелия и Молдова», опубликованная в известном американском научном журнале «Nationalities Papers». Как видно из названия, автор рассматривает Карелию и Молдову как яркие примеры государственных образований, возникших в результате произвольно установленных границ. Вместе с тем главная идея статьи состоит в том, что в условиях, когда те или иные границы признаны международным сообществом, «государство, существующее в этих границах, должно строить более отчетливые основы общей идентичности граждан. Государство обязано не только стандартизировать принадлежащее ему население

через ритуалы и обрядность единого гражданства. Оно также обязано проводить различия между его населением и населением соседних государств посредством конструирования, строительства собственной национальной идентичности» (16, с. 496).

Многие транзитологические исследования показывают, что молдаване не одиноки в своих сомнениях и поисках национальной идентичности. Практически вся посткоммунистическая Восточная Европа и те, кто ее изучают, вовлечены в пересмотр значения этнической, культурной, национальной, гражданской идентичности. Переход к гражданской демократии и рыночному капитализму повсюду порождает острые диспуты по трансграничным проблемам, проблемам идентичности и этнических границ в условиях существования спорных этнических групп и трансграничных этносов, в особенности в контексте дихотомии между глобализацией и «локализмом» – местным патриотизмом и провинциализмом. Взаимоотношения между местной, этнической и национальной идентичностью, определение языковых прав отличаются драматизмом во многих восточноевропейских регионах, реанимируя в условиях слабости демократической институционализации и гражданских обществ различные формы национализма как функции авторитарных тактик, применяемых местными элитами. Многие ученые подчеркивают, что этничность – это гибкое и изменчивое, а не строго очерченное явление, обладающее перманентными внутренними отличительными чертами и неотъемлемыми признаками. А политические и интеллектуальные элиты постоянно наживаются, наживают капитал на народных чаяниях и стремлениях к групповой идентичности, навязывая собственные определения этнического членства. Во многих случаях этот процесс усиливает и обостряет и межэтнические, и внутриэтнические отношения. В изменчивой и нестабильной обстановке, которая наблюдается в Восточной и Центральной посткоммунистической Европе, этническая принадлежность сложно переплетается в борьбе за политическое влияние как внутри государств, так и между ними (17, с. 426-427).

Проблема сохранения стабильности актуальна для Восточной и Центральной Европы, прежде всего для посткоммунистических стран региона, начиная с ближайших соседей РМ – Румынии и Украины. По признаниям как западных, так и румынских аналитиков, ситуация остается сложной, противоречивой и нестабильной не только в Румынии, но и в Центрально-Восточной Европе в целом. Это ярко показано в работе британской исследовательницы Джуди Батт «Между двух огней – многоэтнические регионы на новой восточной границе ЕС». Исследование предпринято в рамках программы «Одна Европа или несколько?» проекта «Неясное гражданство и европейская интеграция в Центральной и Восточной Европе» и опубликовано в американском

журнале «East European Politics and Societies». В нем констатируется, что этническая напряженность сохраняется по всему центрально-европейскому региону. «Неясные, неопределенные, размытые этнические идентичности, находящиеся в процессе становления» особенно характерны для закарпатских районов Украины, но являются проблемой и к западу от Карпат – в Польше, Словакии, Венгрии, Румынии. Однако в свете расширяющегося процесса евроинтеграции и в силу незавершенности революций в Румынии и Украине и, в частности, характерной для этих стран националистической риторики, именно они находятся в центре внимания.

Прочитую заключительный раздел статьи «Опасность мультикультурализма на восточной границе Евросоюза», который звучит актуально и для Молдовы. Батт отмечает, что ситуация в Закарпатье и Банате, составляющих части централизованных государств-наций, остается нестабильной и даже опасной, и создается впечатление, что пока перспектива преодоления самых негуманных аспектов государственных границ, воплощенная в идее Большой Европы, им не предлагается. **«"Традиции" межэтнической гармонии, о которых в самое последнее время с такой гордостью заговорили в обоих регионах, в действительности поставлены на карту. Закарпатье становится более однородным в результате эмиграции меньшинств, но "проблему русинов" пока нельзя сбрасывать со счетов. Экономическое воздействие ограниченного передвижения через западную границу из этого региона, соединенное с возобновленным стремлением Киева к «украинизации», способны в будущем толкнуть русинов к более настойчивому национализму, поскольку без "собственного" государства они будут рассматривать себя навсегда обреченными на жизнь в состоянии политической неопределенности и забвения. А ведь до сих пор именно согласие русинов не настаивать на собственной этнической исключительности позволяло закарпатской этнической мозаике существовать в мире»,** - пишет исследовательница.

По ее оценке, растущее чувство разочарования и неудовлетворенности, «вызванное некомпетентностью и продажностью румынского национального политического класса», привело к тому, что 40% жителей Баната на выборах 2000 года проголосовали за «ксенофобствующего демагога» Вадима Тудора. Хотя явка избирателей была беспрецедентно низкой (менее 45%), тем не менее, по мнению аналитика, такой выбор «ставит вопрос не только о степени приверженности этого уникального региона «многоэтнической гармонии», но и о стабильности самой Румынии». Как сказал автору в личном разговоре один жи-

тель Тимишоары: «Это Центральная Европа, пространство смешений. У нее два центра: Вена как центр культуры и Аушвиц как центр истребления. **Эти два сердца все еще живы.** Ментальность здесь столь подвижна и изменчива, что люди переносят ненормальности, надеясь на то, что они исправятся сами собой. В последнее время они стали подумывать: “Что-то тут неестественно. Кто-то тут неправ. Так заставим его исчезнуть!”... Никто не видел лидера в Вадиме Тудоре, но многие видели в нем инструмент уничтожения» (18, с. 526-527).

Мировые масс-медиа изобилуют сообщениями о проблемах Румынии. Бедность в сельской местности и масштабы коррупции продолжают шокировать. Однако очевидно, что Румыния – это страна в процессе трансформации и положительные перемены развиваются. Характерным в этом отношении примером является статья «Скандал с учебниками и перенаписание истории в Румынии», написанная румынским специалистом Даном Павел в виде письма из Бухареста и опубликованная в калифорнийском журнале «East European Politics and Societies». В ней показана сложная политическая и идеологическая ситуация в посткоммунистической Румынии и наметившаяся в последние годы усталость румынского общества от национализма, традиционного как для эпохи Чаушеску, так и для посткоммунистического периода. Автор пишет: «После многих лет ожесточенных националистических дискуссий и нападок на появившиеся после 1989 новые, альтернативные прежним учебники истории и другие научные труды, отличные от традиционных националистических интерпретаций истории в стиле Орвелла и исторического мифотворчества, в настоящее время в Румынии происходят значительные изменения в ментальности. Первые признаки этих перемен, в том числе и в понимании межэтнических отношений, можно заметить в ведущих культурных и сатирических журналах (22, Dilema, Academia Catevenci), в текстах критически мыслящих интеллектуалов, в университетах и гражданском обществе. Способность смотреть на национальную историю и культуру с критической перспективы пока еще не стала в Румынии обычным явлением. Но те, кто начали эти изменения, настроены очень серьезно и готовы на любой риск, даже на то, чтобы подвергаться публичным нападкам со стороны циничных политиков и популистских телевизионных ведущих». То, что атаки на новые альтернативные учебники истории были не только политическими, и, в отличие от обычной румынской практики, в этих интеллектуальных дебатах приняли энергичное участие и масс-медиа, и общественность, объясняется тем, что они включали ценнос-

ти и принципы, идеи и идеологии, а также объяснения идентичности (индивидуальной и коллективной). И все же и в фактах недавней румынской политической истории, и в опросах общественного мнения, и даже в масс-медиа легко наблюдать, как значительно улучшился имидж венгров в Румынии, что не может не обнадеживать (19, с.189; 20).

Американские ученые, приезжающие в Молдову с целью исследований и преподавания, пытаются помочь ей стать современной страной, искренне желая нам стабильности и умиротворения. Вот что написал мне один из них: «Граждане Молдовы должны принять во всей полноте ту историю, которая создала эту страну такой, какой она является сегодня. **Страну, в которой доминантными являются и румынская, и русская культуры, которые обе должны быть востребованы**». А вообще лучше не заикливаться на истории, а больше думать о будущем своей страны, советуют они. Супруга участника Программы Фулбрайт, профессора Волтера Гулика, преподававшего в Академии экономических знаний, прекрасная леди, талантливая органистка, давшая в Кишиневе несколько благотворительных концертов в помощь больным детям Молдовы, Барбара Гулик говорила мне на прощанье: «Я на 50% англичанка, на 25 – ирландка, на 25 – датчанка и на 100% американка. И я от души желаю, чтобы в Молдове все тоже были молдаванами». Разумеется, не в этническом, а в гражданском смысле этого слова.

Волтер Гулик опубликовал в выходящем в Кишиневе на английском языке журнале «Welcome» замечательную статью о Молдове, в которой излагает свое видение наших проблем и выхода из них. Он желает нам «создать общество доверия, в котором народ и власть будут совместно работать для общего блага». По его убеждению, граждане Молдовы «должны начать утверждение целостности и идентичности Молдовы как страны». Учитывая традиционную зависимость этой земли от внешнего правления, профессор считает объяснимым то, что слишком многие в Молдове осознают себя в первую очередь румынами, русскими или украинцами, «а Молдову рассматривают как временное и случайное явление». Но как настоящий друг нашей страны он напоминает нам, что распад Советского Союза предоставил молдаванам шанс стать народом, шанс, который сопровождался меньшим кровопролитием, чем то, которое часто сопровождает приобретение независимости. Автор призывает нас не упустить эту возможность. Он полагает, что «не существует уникального молдавского языка, но существует уникальная группа граждан этой земли, **собранных здесь вместе обстоятельствами истории**. Для этой группы граждан намного более здоровым было бы утвердить свое присут-

ствие здесь и торжественно поклясться работать вместе, нежели пытаться создать некую ложно чистокровную группу – еще одно выражение мировоззрения по принципу «Мы против них». Он пишет, что использует «язык христианских исповеди и покаяния совершенно намеренно», поскольку верит, что «некий широко распространенный вековой ритуал исповеди и примирения мог бы значительно помочь молдавским гражданам в преодолении настоящего раздробленного состояния и в продвижении этой страны к новой целостности. По убеждению автора, **прежде, чем будет создано позитивное будущее, необходимо преодолеть негативное прошлое недоверия и разделенности. Первым шагом в этом процессе для всех людей должна стать способность честного самовыражения, поскольку, если честная, хотя и критическая, речь станет общепринятой, это будет шагом к совместной борьбе с проблемами и созданию доверия.** Одним из злосчастных наследий авторитарного общества является то, что честная критика властей или других людей не принята, и поэтому развивается взгляд на мир по принципу «мы против них». А когда люди почувствуют, что могут честно относиться к своему прошлому и настоящему, они смогут творчески думать о будущем. **И тогда для Молдовы будет создана позитивная идентичность** (21, с. 5).

В этом сложном контексте архиактуально звучит точка зрения известного скандинавского транзитолога Пала Колсто, который, размышляя о строительстве наций в бывшем СССР, подчеркивает: «История содержит примеры крупных полиэтнических обществ, в которых люди гордятся как своим трансэтническим гражданством, так и своей этнической идентичностью. Наиболее ярким примером такого положения являются многоэтнические Соединенные Штаты, где большие группы пользуются благами двойной идентичности такого рода» (22). Воспитание трансэтнического гражданства и создание гражданской нации – вот путь для Молдовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЗембаТатьяна. Западная печать о ситуации в ССР Молдова и влиянии на нее румынского фактора // Советологи о современном мире. М., 1991. № 1. С. 160- 188; Румынская революция. Первые итоги. Там же. М., 1991. № 2. С. 61- 87; Молдова: Трудный путь к демократии // Россия и современный мир. М., 1993. № 1. С. 129- 137.
2. Crowther W. The politics of democratization in post - communist Moldova // *Democratic changes and authoritarian reactions in Russia, Ukraine, Belarus, and Moldova*. Ed. By K. Dawisha and B. Parrot. Cambridge University Press, 1998 .
3. Crowther W. The Construction of Moldovan National Consciousness // Beyond

Borders. Remaking Cultural Identities in the New East and Central Europe. Ed. by L. Kurti and J. Langman. Boulder, Colorado: Westview Press, 1997.

4. *Crowther W.* Ethnic Politics and the Post-Communist Transition in Moldova. Nationalities Papers. Vol. 26. № 1, 1998.

5. Проблемы идентичности и межэтнических отношений в РМ находились в центре внимания и других западных аналитиков, прежде всего, американского ученого Ч. Кинга. Реферат на его книгу «The MOLDOVANS» (2000) и аналитические обзоры других англоязычных публикаций по РМ читайте в работах Т. Зембы «Заметки на полях книги Чарльза Кинга “Молдаване”»; «Комментарии по поводу посткоммунистического транзита Молдовы»; «Открывая Молдову» в Интернете по адресу: <http://www.iatp.md/articles>. В случае изменения адреса просьба обращаться к автору: tatazembra@yahoo.com

6. *The Handbook of Political Change in Eastern Europe.* Edward Elgar, US, UK, 2004.

7. *Hill R.* Moldova votes backwards: The 2001 Parliamentary Elections // Journal of Communist Studies and Transition Politics. Vol. 17. № 4, Dec. 2001.

8. *Waters T.* The “Moldovan Syndrome”. Forward into the Past. Conflict Studies Research Center, February 2002.

9. *March L.* Socialism with unclear characteristics: The Moldovan communists in government. Demokratizatsiya, Washington, fall 2004. Vol. 12, № 4.

10. *Quinlan P.* Back to the future: An overview of Moldova under Voronin. Demokratizatsiya, Washington, fall 2004ю Vol. 12, № 4.

11. Financial Times. L., Mar. 7, 2005.

12. Los Angeles Times. Mar. 8, 2005.

13. Communists lead in Moldovan poll. Washington Post, Mar. 7, 2005.

14. *Fairbank T.* Participating in the process: The importance of civil society in the former Soviet Union. Georgetown Journal of International Affairs, Wash., winter 2005. Vol. 6, № 1.

15. *Badescu G., Sum P., Uslander E.* Civil society development and democratic values in Romania and Moldova. East European Politics and Societies. Berkley, Spring 2004. Vol. 18, № 2.

16. *Schrad M. L.* Rag doll nations and the politics of differentiation on arbitrary borders. Karelia and Moldova. Nationalities Papers. Abington, Jun, 2004. Vol. 32, № 2.

17. *Bugajski J.* Rec. ad op.: Beyond Borders: Remaking Cultural Identities in the New East and Central Europe. Ed. By L. Kurti, J. Langman. Boulder: Colo.:1997. Slavic Review, 1998, № 2.

18. *Batt J.* Between rock and a hard place – multi-ethnic regions on the EU’s new eastern frontier // East European Politics and Societies. California, 2002. Vol. 15, № 3.

19. *Pavel Dan.* The textbooks scandal and rewriting history in Romania. Letter from Bucharest // East European Politics and Societies. Calif., 2000. Vol. 14, № 2.

20. О борьбе румынской демократической интеллигенции с трудным наследием прошлого также в статье Т. Зембы «Открывая Молдову» в Интернете по адресу: <http://www.iatp.md/articles>

21. Welcome. Chisinau, N 148, June 2001. P. 5.

22. *Kolstoe Pal.* Nation building in the former USSR. 1996.

Ирина ИОНОВА

ФУНКЦИИ МОЛДОВЕНИЗМОВ: ДВУЯЗЫЧИЕ КАК ИСТОЧНИК РЕЧЕВОЙ ИГРЫ

Вопрос о специфике русской речи в странах, которые стали для России хотя и ближним, но все же зарубежьем, отчетливо обозначился в лингвистике, в том числе в работах молдавских русистов. Данное направление исследований является приоритетным, так как представляет не только чисто научный, теоретический интерес, хотя и в этом плане существуют огромные перспективы. Внимание к «ближнезарубежным» разновидностям русского языка активно стимулируется общественно-политическими процессами, стремлением русских (и так называемых русскоязычных, то есть русскокультурных) людей, живущих «вне России», к этнокультурному самопознанию и самоутверждению.

Поскольку своеобразие «местного русского» определяется прежде всего фактом контактного функционирования его рядом с иным языком, закономерно, что объектом первостепенного внимания становятся черты, формирующиеся под влиянием «соседского», в нашем случае – молдавского, языка.

Это сложнейшая, многоплановая проблема, которая лишь отчасти является собственно лингвистической, ибо она теснейшим образом связана с этнокультурными, социальными, общественными, историческими, конфессиональными и др. экстралингвистическими обстоятельствами, обуславливающими открытость русского языка для молдавского лингвокультурного влияния, многоаспектность этого влияния, вплоть до концептуально глубинного, то есть корректирующего и формирующего мировидение¹. Тезисно обозначим положения статьи Т.П. Млечко, в которой, кажется, впервые были комплексно представлены важнейшие аспекты этого влияния:

1) многовековые славяно-румыно-молдавские лингвокультурные связи;

2) «многие нынешние русские в Молдове – это не мигранты в первом поколении, а дети, внуки и гораздо более отдаленные потомки тех, кто когда-то переселился в Бессарабию, Молдавию. Большинство из них живет в относительном отрыве от русской этнокультурной среды и достаточно рассредоточено»;

- 3) «естественное численное преобладание в Молдове населения титульной национальности и молдавско-русский билингвизм»;
- 4) достаточно большое количество межэтнических браков, особенно в городах;
- 5) «языковая политика в разные периоды была нацелена на румынизацию/молдавенизацию образования, культуры, науки и других социальных сфер, что усиливало ассимилирующее влияние этой лингвокультурной доминанты на русских и приверженцев русского языка и культуры»;
- 6) преобладающее в Молдове сельское население в силу специфического уклада жизни, соблюдая и поддерживая национальные традиции, сохраняет и поддерживает стабильную лингвокультурную среду, которая так или иначе воздействует на живущих в ней представителей национальных меньшинств республики, в том числе русских².

Этот перечень можно дополнить рядом более или менее существенных позиций: конфессионное единство русских и молдаван; свойственная обоим народам этнокультурная толерантность, сформировавшаяся, конечно, не без влияния идеологии православного христианства; пронизывающие общество многообразные межличностные связи – дружеские, соседские, профессиональные и др. Можно развить положение о межэтнических браках: обретая супруга, человек обрывает родственниками, свойственниками и значительно расширяет круг знакомых, словно вырастает в общество. Наконец, вряд ли следует игнорировать сформировавшуюся в последние годы русинскую гипотезу, согласно которой часть восточных славян, живущих в Молдове, является исконным населением этих земель.

Отношения русского и молдавского языков обычно рассматривают исключительно в понятийном поле «заимствование», то есть как отношения донора и реципиента. Между русским и молдавским языками существует и такая связь, однако это лишь одна из характеристик.

Основная цель заимствования, как известно, – заполнение словарной лакуны при отсутствии в принимающем языке наименования для новой реалии. В современном русском литературном языке огромное количество слов, которые в разное время были взяты из многих языков: стадион, сарай, котлета, шаровары, баскетбол, икебана, дилер, вареник... Среди прочих словари современного русского литературного языка фиксируют и два наших слова: мамалыга и брынза.

В Молдове словарь русского языка доукомплектовывается лексическими новациями, необходимыми для полноценного обслуживания носителей во всех областях жизни, где он употребляется. Поэтому заимствуются названия, связанные с государственным устройством страны, ее социальной сферой (образованием, здравоохранением и т.д.):

муниципий, консьер, карабинер, лей, куррикулум, доктор хабилизат и др.³ Попутно отметим, что и для современного молдавского языка многие из этих слов являются неологизмами интернационального характера, преимущественно латинского происхождения. Однако для русского языка они становятся молдовенизмами – по непосредственному источнику заимствования.

Заимствования естественны и в бытовой сфере. Это, например, названия продуктов (сыр моале), блюд национальной кухни (замэ, плацинда, кырнэцэй), напитков (муст) и т.д. При анализе заимствований данной тематической группы их обычно квалифицируют как этнографизмы,⁴ акцентируется, так сказать, рецептурный аспект: брынза – не вообще сыр, а сыр из овечьего молока; кырнэцэй – не любые колбаски, а <...>⁵. И, кажется, незамеченным пока остается то обстоятельство, что некоторые слова этой сферы для молдаван обладают концептуальной значимостью, являются существенными элементами отраженной в языке картины мира. У каждого народа есть своего рода кулинарная визитная карточка – излюбленные продукты питания, традиционные блюда (сало для украинцев, «бульба» для белорусов, шашлык для грузин, плов для узбеков и т.п.). Есть такие и у молдаван, и это не только мамалыга.

Как этнографизмы, употребление которых в русском языке обусловлено инокультурным влиянием, квалифицируются и слова, связанные с культурой, традициями, обычаями молдавского народа. Применительно к характеристике заимствований этой группы возникает сразу несколько вопросов. Действительно, некоторые из них прочно закрепились в русском языке Молдовы. Этому в значительной степени способствуют межэтнические браки, взаимовлияние национальных культур на бытовом уровне и т.п. Поэтому: правильно ли, корректно ли говорить об инокультурном влиянии на язык, если «ино-» уже стало своим, включенным в жизнь людей, для которых родным является русский язык? Не только в «смешанных», но и в моноэтнических русских семьях после крещения ребенка проводят кумэтрии – праздничное застолье с приглашением родственников и друзей. Показательны в этом плане рекламные объявления кишиневских ресторанов, публикуемые в газетах: «Обслуживаем свадьбы, дни рождения, кумэтрии, корпоративные вечеринки». На праздниках все с удовольствием танцуют задорную пеленицу, молодежь в этом танце привлекают, видимо, поцелуи в центре круга. Однако в какой степени освоены русским языком слова, отражающие особенности духовной культуры молдавского народа, связанные с его традициями? Или они остаются этнокультурными экзотизмами? Информанты-горожане дают около десяти вариантов ответа на вопрос «кто такой нанаш?», среди которых – «свиде-

тель на свадьбе», «важный человек на свадьбе», «дружка жениха». И лишь немногие приводят наиболее адекватное русское соответствие – «посаженный отец». Опрошенные горожане очень туманно представляют себе фольклорный песенный жанр дойна (варианты семантизации – «песня», «грустная песня»), хотя само слово общеизвестно: это название коньяка, сигарет, в Кишиневе – улицы и, на метонимическом основании, - кладбища, расположенного на этой улице. Между тем «дойна» в национальной культуре молдавского народа – понятие, безусловно, концептуальное.

В лингвистике отработаны принципы описания иноязычной по происхождению лексики: распределение на тематические группы, определение характера и степени освоения... Безусловно, такие исследования необходимы и для характеристики особенностей русского языка в Молдове. Мы распределяем заимствованные слова по тематическим группам, определяем характер и степень освоенности таких слов: не склоняем «чентру» - значит, слово грамматически не освоено, говорим «лейчик» и «бануцы» - следовательно, налицо факт словообразовательного освоения. Отмечаем калькирование как один из способов заимствования: например, «синие» в значении «баклажаны» - это семантическая калька. Как «свое» уже воспринимается сравнительно недавно появившееся словосочетание «семейный врач» (молдавское «doctor de familie»). Наблюдаются факты семантического «скрещивания» русских и молдавских лексических единиц. Например, глагол «поставить» в значении «положить» внедрился в русскую речь потому, что в семантической структуре соответствующего молдавского слова есть и одно, и другое значения.

Представленные аспекты оценки «неисконной» части словаря русского языка в Молдове можно назвать традиционными. Однако очевидно, что при характеристике заимствований необходимо учитывать изменения концептуального свойства, «судьбу концепта». Это одно из перспективных направлений исследования региональных особенностей русского языка.

Наблюдения над обиходной разговорной речью, просторечием рожают новые закономерные вопросы, связанные с эксклюзивностью языковой ситуации.

Вот лишь некоторые из них, не затрагивающие этнокультурную специфику языков.

С какой целью вставляются в обиходную русскую речь молдавские слова, обозначающие простейшие бытовые предметы (фуркулица – вилка, куцыт – нож, пахар – стакан), основные продукты питания (пыне – хлеб, лапте – молоко, апэ – вода) и т.п., если в этом нет никакой номинативной надобности (нет понятийной лакуны, нет смысловых оттенков и т.д.)?

Можно ли назвать заимствованными слова, если они общеизвестны, но в речь вставляются не столько для номинации понятий, сколько с определенными стилистическими целями?

Почему в русской речи в Молдове используется практически весь этикетный аппарат молдавского языка – слова, используемые при обращении, формулы приветствия и прощания? Ведь русский язык располагает богатейшим набором необходимых для этого средств, а системы двух языков в данном отношении практически эквивалентны.

Попытаемся ответить только на эти взаимосвязанные вопросы.

Ответ на последний – об этикетных формулах – в общем-то очевиден.

Многие особенности русского языка в Молдове обусловлены, конечно, фактором билингвизма, причем уровень индивидуального двуязычия – обстоятельство вряд ли существенное. Независимо от того, как русскоязычный житель Молдовы оценивает свое знание молдавского (понимаю, но не говорю; свободно общаюсь; знаю в совершенстве), каждодневное межэтническое общение, как официальное – на работе с сослуживцами, при обращении в различные государственные учреждения, службы сервиса и т.д., так и неофициальное – в общественных местах, транспорте, на улицах и т.д., предполагает владение всем арсеналом этикетных формул молдавского языка. Неслучайно методисты обращают особое внимание на этот аспект его преподавания русскоговорящей молодежи⁵. Для приветствия, при прощании, с целью установления контакта единицы молдавского языка используются наряду с эквивалентными русскими, параллельно с ними. Функция этих молдовенизмов в русской речи – преимущественно прагматическая. Отчасти, возможно, их следует расценивать как знак межэтнической толерантности, коммуникативный сигнал «я свой». При этом собственно диалог в его содержательной части ведется по-русски. На молдавское приветствие собеседник может ответить по-русски, и наоборот. Нередко эквивалентные формулы двух языков объединяются в «синтетическом» приветствии: «Буна зиуа! День добрый!», «Пока, ла реведере!».

Такую же роль выполняют в русской речи молдавские существительные – обращения «домнул», «доamna» (аналоги русских десемантизированных «господин», «госпожа»), «домнишоара» (обращение к девушке). Иногда в соответствующей обстановке употребляются стилистически окрашенные (разговорные) обращения, например, «мэтуша» («тетя»), «баде» (уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине, чаще в селе) и другие.

Показательно: дети в русскоязычных семьях очень часто обращаются к матери по-молдавски – «мамика».

Восприятие молдавских этикетных слов и формул в русской речи как иноязычных, при всей их обыденности и обязательности, не стирается (как стирается обычно память о происхождении освоенных заимствованных слов, в том числе этикетных; например, в русском языке – «салют!» из французского). В цитируемом стихотворении Л.Щебневой пожелание доброго утра на молдавском языке становится колористической деталью.

И если я когда-нибудь умру,
Нет, все-таки усну! Пусть мне приснится
Зеленый мяч, вступающий в игру,
И аистинный клеток поутру,
И детский голос: «Бунэ диминая!»
Приснитесь, чимишлийские холмы,
Когыльник в золотисто-пыльной суши.
Ты, девочка, приснись среди зимы
И белый, с искрой, лепесток брэндуши.

Как один из характерных рефлексов далеко не совершенного русско-молдавского двуязычия следует оценивать признаки пиджинизации, наблюдаемые прежде всего именно в той социально-профессиональной сфере, которая, по определению, и рождает пиджин, - сфере мелкого бизнеса, точнее, «базарной» торговли, где в диалог вступают люди, не озабоченные культурой речи и лишённые комплексов в отношении ее лингвистической правильности. Черты пиджинизации наблюдаются и в обиходном просторечии. Коммуниканты преодолевают языковой барьер, оснащая родную речь лексическими иноязычными инкрустациями, если наименование предмета (признака, действия) на родном языке неизвестно. Такие вставки используются в речи молдаван, говорящих по-русски. Просьба пассажира к водителю маршрутки: «Оприць лынгэ подземка» (остановите у подземного перехода). Национальность адресанта следующей фразы установить сложно: то ли это русскоязычный покупатель, по-молдавски спрашивающий о цене вещи, то ли молдаванин, который не нашел в родном языке подходящего слова: «Кыт коста шубка аста?» (Сколько стоит эта шубка).

Вряд ли обдумывал текст заказчик, подавший объявление в рекламную газету: «Требуется продавец, Ботаника, алиментара». Трудно объяснить, почему в трогательное объявление, написанное на русском языке, вставлено молдавское слово: «Потерялась кыня (собака). Откликается на кличку Кыня. Беленькая, пушистая, глаза немного слезятся».

Оформить фразу помогает употребление русских слов в грамматических формах молдавского языка, оснащение их молдавскими словообразовательными аффиксами. Призыв реализатора антисептицид-

ных препаратов на рынке: «Отравэ пентру бузгань и таракань!» В овощных рядах: «Дайте мне ун килограмм де картошкэ!» Вывеска на вещевом рынке: «ШТАНУРЬ».

Сравнение данной особенности функционирования русского языка в Молдове с пиджином, конечно, весьма условно. У нас нет и не намечается средства общения, являющегося гибридом двух контактирующих языков или искаженной формой одного из них. Представленные выше примеры демонстрируют спонтанные – в каждом индивидуальном случае – образцы преодоления языкового барьера; одинаковы лишь принципы решения коммуникативных проблем.

Как следует квалифицировать представленную особенность обиходной русской речи в Молдове? Конечно, во многих случаях, «смешивая» языки, взрослые билингвы так же непосредственны, как дети, которые не различают в словаре свое и чужое и не ведают о том, что существует понятие литературного, нормированного языка. Реплики мальчиков, 5–6 лет, молдаван, наблюдающих, как их отцы разбираются с неполадками в автомобильном двигателе: «Машина ну се заводеште», «Ши ку татэ ешьт тормоз».

Ясно, что во взрослом «исполнении» подобное может расцениваться как речевая неряшливость, встречающаяся у людей, не получивших достаточного лингвистического воспитания. Однако чаще всего лексические инкрустации из второго языка, соответствующим образом грамматически оформленные, используются в обиходной русской речи с игровой установкой. Она заметна и в некоторых из приведенных выше примеров. Напомним, что языковая игра предполагает осознанное употребление говорящим необычных, в том числе ненормативных, языковых средств с целью создания комического эффекта. Он очевиден в замечании кондуктора в троллейбусе: «Уберите свои сумкулицы с прохода!» Образование с уменьшительным молдавским суффиксом для обозначения огромных «грузовых» сумок развеселило даже их владельцев – реализаторов, везущих товар на рынок. Безусловно, шутил посетитель кафе, заказавший официанту: «Принесите доуэ бэнч ку пиво!»

Таким образом, можно утверждать, что русско-молдавский и молдавско-русский билингвизм находит выход в речевом балагурстве особого рода – макароническом. Сознательное смешение говорящими материала двух языков и возникающий при этом шуточный эффект оказываются уместными в различных ситуациях. Такие фразы смягчают резкость замечания. «Ту н-ай совесть!», «Ту ешьт бессовестная!» – упрекали друг друга школьницы-подружки, обе русскоязычные. Юноша, пожаловавшийся, что у него «скырба на душе», вряд ли тоскует серьезно. Забавная и понимаемая всеми неправильность по-

добных оборотов речи оживляет разговор, и нередко в компании находится человек, который удачным использованием макаронических реплик умеет создать особую колоритную атмосферу, развеселить собеседников.

Можно отметить несколько продуктивных приемов усиления игрового эффекта в репликах, построенных по макароническому принципу. Они незамысловаты и очевидны, но это именно приемы эстетической актуализации.

Видимо, таким приемом следует считать лексически немотивированную замену обиходного русского слова молдавским эквивалентом: «Не морочь мне капу!» (голову), «Куда девалась эта фуркулица» (вилка), «Выпей пахарчик» (стаканчик), «Дай большой куцыт» (нож) и т.п.

Нередко говорящие прибегают к своего рода семантическому дублированию, объединяя в одной реплике лексически адекватные единицы двух языков. Выше было отмечено, что соединяются этикетные формулы: «Вэ рог, пожалуйста!» и т.п.

Повтор усиливает экспрессию. «Ши все, ши гата!» (иногда добавляют «ши конец!») звучит гораздо категоричнее, нежели любой из элементов в отдельности. Один такой двуязычный дубль, пожалуй, фразеологизировался: выражение «Хай давай!» (из «Хай!» и «Давай!») широко употребляется при прощании. Оно примерно соответствует русскому «Пока!».

В плане оценки «макаронизма» как формы проявления двуязычия в Молдове следует обратить внимание на речь старшеклассников, студентов. Молодые люди более открыты для общения, чем представители старших поколений, чаще собираются вместе, более раскованны, эмоциональны, нередко склонны к эпатажности. Недаром среди излюбленных словечек в жаргоне современной молодежи – производные от глагола «приколоть» («прикол», «прикольный», «прикольно», «приколоться»). Самая продуктивная, активная сема в структуре значения этих слов – «произвести впечатление». «Прикольный» – «необычный», производящий впечатление, следовательно, интересный». Молодежный жаргон – это прикольная речь. Поэтому юные молдаване с удовольствием вставляют в свои реплики русские молодежные жаргонизмы, при необходимости соответственно оформляя их грамматически: «Те приколешь?», «Аша беспонтовый фильм!».

Поскольку русскоязычные молодые люди привыкли оснащать свою речь инкрустациями из молдавского, они прибегают к выразительным словечкам своих сверстников-молдаван. В русском молодежном жаргоне кишиневцев отмечены, например, молдовенизмы «кокостырк» (журавль) – «носатый человек», «баба Хырка» – «некрасивая девушка» и др⁶.

Видимо, как окказиональное, индивидуальное, но очень показательное образование следует расценивать кальку с русского на молдавский, услышанную от студента-филолога: «Пойдем покырнэцуемся!» (поколбасимся; «кырнэцэй») - маленькие колбаски, национальное блюдо). Ясно, что «прикольный» окказионализм, родившийся в коммуникативно активной среде, может быть подхвачен и стать общежаргонным достоянием.

Родной язык авторов некоторых выразительных реплик вряд ли можно определить. «Ши еу типа пошел...» - о чем-то рассказывает приятелям юноша. «Дой боець ши трей фець ку левые понятия», - доносится фраза из компании студентов, весело обсуждающей им одним известное событие.

Интересно, что попытки собрать письменные примеры макаронического построения речи оказываются не всегда удачными. Один из опрошенных молодых людей объяснил: «Сам я так не говорю, но другие используют молдавские слова, чтобы посмеяться над кем-нибудь, показать, что они говорят неправильно». Однако наблюдения над спонтанной речью свидетельствуют, что «смешение языков» с игровой, эстетически маркированной установкой используется молодежью довольно широко и отнюдь не только для того, чтобы подразнить (хотя и эта функция является разновидностью игры).

Преимущественно в молодежной среде создаются и шуточные макаронические стихотворения, некоторые из них цитируются уже несколькими поколениями, вроде «Ши ярна настала, Ши холодно стало, Ши апэ замерзла в пруду...». Как фольклорное произведение воспринимается «солдатская песня», исполняемая, видимо, на мотив «Синенького скромного платочка»: «Чине а фост ла арматэ, Тот не забыл никогда, Как нас кормили Саре ку пыне Ши ун пахар де вода. Ночной порой Хотелось олякэ домой... Съесть бы немножко Печеной картошки Ши ун казан де попушой». (К молдавской армии отношения не имеет, ибо, судя по возрасту информантов, сочинена до 90-х годов прошлого века.)

Выразительный потенциал двуязычия реализуется и в анекдотах. Произведения этого фольклорного жанра, как известно, откликаются на все актуальные проблемы жизни общества. Как и везде, в Молдове рассказывают байки о национальном характере, о политиках и иных известных людях, о «новых русских» и «новых молдаванах» и т.п. Элементы макаронической речи, реплики на молдавском языке делают анекдоты «местными» - не только обладающими особым колоритом, но и понятными только двуязычным слушателям.

Надо слышать специфическую интонацию, с которой произносится широко употребляемое в Молдове междометие «эй, да!» («ну да», «расскажи мне!»), чтобы оценить такую ситуацию.

«Кондуктор в троллейбусе:

- Девушка, вы заплатили за проезд?

- Yes!

- И билет у вас есть?

- Yes!

- Вы иностранка? Американка?

- Эй, да!»

Достоверная оценка особенностей русского языка в Молдове с точки зрения использования в нем молдовенизмов невозможна без анализа спонтанной разговорной речи русскоговорящих жителей страны всех возрастов и профессий, различного социального статуса, с различным уровнем образования. В статье в качестве иллюстраций использованы образцы именно такой речи, отобранные из картотеки по теме «Русский язык в Молдове», которая уже в течение нескольких лет формируется на кафедре славянской филологии Славянского университета. Записанные студентами, слушателями магистратуры и преподавателями кафедры реплики, диалоги, рассказы, анекдоты позволяют достаточно полно представить раскованную, живую, не абстрагированную от конкретных носителей языка русскую речь (преимущественно кишиневцев). Она обладает ярким местным, молдавским колоритом, который создается, в частности, с помощью молдовенизмов. Однако есть все основания утверждать, что используемые слова, выражения молдавского языка не могут быть названы заимствованиями в собственном смысле, то есть иноязычными единицами, с помощью которых заполняются возникающие по какой-либо причине словарные лакуны.

Вывод может показаться парадоксальным, но факты говорят о том, что молдовенизмы в русской речи выполняют чаще не номинативную, а эстетическую функцию: усиливают экспрессивность реплик, служат для создания игровых и колористических эффектов и т.д. Обязательным условием этого является билингвизм, когда говорящий может, не рискуя остаться непонятым, заменить в своей речи русское слово или целый оборот молдавскими. И даже несовершенное двуязычие, даже начального уровня, в обиходных ситуациях оказывается достаточным.

Терминологический аппарат для описания представленного явления пока неполон.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ионова И.А.* Молдавский колорит в концептосфере русского языка кишиневцев // *Инновации и прагматика филологических исследований. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Н. Мигирина.* Бельцы, 2006. С. 41; *Ионова И.А.* Концептосфера вина в языке

произведений русских поэтов Молдавии // Международный исторический журнал «Русин». 2006, № 2(4). С. 185.

2. *Млечко Т.П.* Почему «тысячкий» стал «нанашем», и чья вина, что я – «фина»? // Вне России. Сборник научных статей о русских и русской культуре Молдовы. Кишинев, 1997. С. 125.

3. Запись примеров буквами русского алфавита в статье является рабочей транскрипцией, которая позволит читателям, не знающим молдавского языка, услышать, как звучит обиходная русская речь в Молдове.

4. *Кадьрбаева Т.А., Шаршова Т.Ф.* Инонациональная окраска русской речи в Молдове: лексический аспект // Славянские чтения. Вып. 4. Материалы научно-теоретической конференции «Славянские чтения» (4). Кишинев, 2007.

5. *Маслова А.И.* О некоторых национально-специфических особенностях использования формул русского и молдавского речевого этикета // Славянские чтения. Вып. 4. Материалы научно-теоретической конференции «Славянские чтения» (4). Кишинев, 2007.

6. *Зайковская Т.В.* Проблемы культуры молодежной речи (пути пополнения словарного состава молодежного жаргона). Кишинев, 2005.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

СЕМИНАР

«ПОДКАРПАТСКІЕ РУСИНЫ І РОССІЯ»

20 декабря 2007 г. в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» состоялся историко-культурологический семинар «Подкарпатские русины и Россия». Семинар был организован русинским землячеством «Карпатская Русь». Лейтмотивом мероприятия явилась проблематика русинско-российских контактов. Семинар был торжественно открыт после исполнения государственного гимна Российской Федерации и русинского национального гимна «Я русин был, есмь и буду» (слова А. Духновича, музыка С. Фенцика). Первым участников и гостей семинара поприветствовал председатель русинского землячества «Карпатская Русь» Йозеф Михайлович Гливка, передавший бразды ведения семинара своему заместителю - историку-русинисту Михаилу Юрьевичу Дронову.

С приветствиями также выступили старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук Марина Юрьевна Досталь, почетный член землячества, глава Сойма подкарпатских русинов, кандидат богословия о. Димитрий (Сидор) из Ужгорода и заместитель директора библиотеки-фонда «Русское зарубежье» по общим вопросам Владимир Сергеевич Угаров. Позднее с приветственным словом к присутствующим обратился известный московский русин - благочинный Успенского благочиния столицы о. Стефан Пристая. Кроме этого, были зачитаны два приветственных адреса, поступивших к организаторам семинара от секретаря Всемирного совета русинов Александра Зозуляка (Пряшев, Словакия) и президента Общественной ассоциации «Русь» Сергея Суляка (Кишинев, Молдавия).

Всего на семинаре в рамках трех тематических блоков прозвучало восемь докладов. Первый блок был посвящен широкой русинской проблематике и являлся своеобразным введением в русинский вопрос. В этом блоке были заслушаны выступления М.Ю. Досталь «Русинское национальное движение и его отражение в современной историографии», о. Димитрия «Историко-правовые обоснования требования русинами самоуправляемой территории» и О.Б. Неменского (Институт славяноведения РАН, Центр украинистики и белорусистики МГУ) «Русскость и русинство». Во втором блоке, посвященном непосредственно русинско-русским контактам, прозвучали доклады М.Ю. Дронова «Российско-русинские связи: актуальные вопросы изучения», доктора исторических наук Н.М. Пашаевой (Государственная публичная

историческая библиотека) «Карпаторусские интеллигенты в России (Орлай, Балудянский, Лодий, Кукольник, Венелин)» и кандидата исторических наук П. С. Куприянова (Институт этнологии и антропологии РАН) «Русины глазами русского путешественника начала XIX в.». Третий блок был посвящен проблематике Пряшевщины – русинской этнической территории в Словакии. Несмотря на то, что Пряшевщина не входит в современное понятие Подкарпатской Руси, исторические судьбы этих русинских регионов вплоть до первых десятилетий XX в. были едины. На семинаре были заслушаны доклады Е.В. Гурко-Кряжиной (Институт научной информации по общественным наукам РАН) «К вопросу о периодике Пряшевской Руси (1919-1944 гг.)» и С.М. Слоистова «Православная миссия в Ладомировой в 20 - 40-е гг. XX в.». В рамках мероприятия также состоялась подготовленная Андреем Николаевичем Чубриковым презентация русинских материалов Малорусской народной исторической библиотечки и книжной выставки русинских изданий в холле библиотеки-фонда. Историко-культурологический семинар «Подкарпатские русины и Россия» - первая в истории современной России научная встреча, посвященная русинам. Приятно отметить, что семинар прошел в рабочей, коллегиальной атмосфере. Присутствующие обогатили свои знания целым рядом новых фактов о русинской истории и культуре, а также о глубинных связях подкарпатских русинов и России. Отдельные материалы семинара публикуются на страницах международного исторического журнала «Русин».

Олег НЕМЕНСКИЙ

РУССКОСТЬ И РУСИНСКОСТЬ

Распад Советского Союза, последовавший за ним откровенный кризис украинской государственности и русского народа в ней, как и все более болезненный русский вопрос в самой России, наводят на мысль, что восточное славянство вступает во время широкомасштабных перемен в системе этно-территориальной субъектности и национальной политики.

В этом процессе особенно выделяется русинское национальное движение как наиболее пассионарное в плане переосмысления и становления новых моделей восточнославянской идентичности, а дискуссии между сторонниками тех или иных форм русинского самосознания имеют принципиальный характер для судеб всего восточного славянства. Вызов, брошенный русинством украинству, несмотря на довольно слабое к нему внимание, и исход этого спора во многом могут предопределить будущее всего восточного славянства, в том числе и русского народа в России. А потому особенно важно то, как становится и развивается это еще маленькое движение, как оно формулирует свои задачи и требования, свою идентичность.

Основных вопросов здесь два:

1) Соотношение русинства и украинства. При всех «но» в целом для русинского движения характерна ориентация на экзо-этническое восприятие украинцев и противопоставление русинства украинству как равноправных и альтернативных идеологий.

2) Соотношение русинства и русскости. Вопрос наиболее спорный и проблемный. Несомненно, что истоки русинского национального движения - в так называемом русофильстве XIX – первой половины XX века. Это принципиальным образом отличает русинство от украинства, сформировавшегося как раз на противостоянии русофильству. Это во многом и предопределяет их конфликтность, как и место, которое занимает русинство в общей системе национальных идей у восточных славян.

Я бы предложил следующую типизацию восточнославянских национальных проектов – их можно разделить на три типа по отношению к русской идентичности:

1) Общерусский проект национального единства всех восточных славян.

2) Внерусские национальные проекты, отрицающие русскую идентичность в прошлом и настоящем. Здесь я бы упомянул, помимо ук-

раинства (постулирующего вынужденный отказ от русскости), еще слабый сейчас кривичский национальный проект в Белоруссии (отрицающий причастность к русскости вообще когда-либо в прошлом и настоящем), схожее с ним казакство, а также россиянство в РФ (относительно новый проект, имеющий сейчас официальный статус в России). Этот тип является господствующим для современных государственных образований на Русской земле. Менее явно он выражен в Белоруссии, но и там все более укореняется экзотническое восприятие русскости.

3) Субрусский, включительнорусский тип, если угодно. Таковыми могли бы стать великорусский, белорусский и малорусский проекты, если бы не их сознательная маргинализация. Таким же сейчас становится еще очень неопределенный новороссийский проект на юго-востоке Украины. Этот тип отчасти сочетается с первым, так как сохраняет общерусское самосознание, выводя его, правда, за пределы конкретики строительства национальных государственных институтов. На деле он, будучи мейнстримом национальной мысли у восточных славян в XIX веке, в XX веке и сейчас оказался сознательно оттеснен от информационного поля и ныне в политике почти не представлен.

В этом смысле революционным является вызов русинского национального проекта. Но и перед ним все еще стоит задача самоопределения с этим выбором между вторым и третьим типом. Причем, говоря о субрусскости, я ни в коем случае не хочу обозначить русинский проект неполноценным определением «субэтнос», который ему пытаются навязать многие деятели украинофильской ориентации. Нет, это проект самостоятельного этноса, имеющего все права на национальное самоопределение. Но можно ли ради этой самостоятельности русинам отказываться от русскости? На самом деле это такой же вопрос, как «нужно ли полякам ради независимого существования отказываться от своей славянскости?».

На каких основаниях возможно сочетание русскости и русинскости? Здесь необходимо уделить особое внимание некоторым современным теориям этничности – они могут многое объяснить.

Наиболее интересной в этом отношении, на мой взгляд, является статья Е.М. Колпакова «Этнос и этничность»¹, в которой дается следующее определение этноса: «Этнос есть группа людей, продолжающая сознавать свое единство после того, как они уже перестали составлять некую общность, в которой это сознание сформировалось». Колпаков утверждает, что этносы появляются вследствие распада социальных организмов, указывая, что именно тогда появляется «феномен этнического самосознания, которое уже не отражает какое-либо существующее единство, а само вместе с этнонимом становится единственным определяющим признаком».

Если рассматривать этнос как дискурсивную стратегию говорения о «чужих», «других», то необходимо признать, что сама потребность в ней возникает только в связи с принципиальными переменами в социополитической обстановке, когда встреча и ведение отношений с «чужим» становится постоянным фоном жизни. Руководствуясь таким подходом в теории этноса, мы можем утверждать, что этнос существует только благодаря общей исторической памяти, а этничность есть форма этой исторической памяти.

Вообще, сами исследования этногенеза на основе идеи о примате значения самоидентификации уже получили весьма весомое место в науке. Б.Н. Флоря подошел с таких позиций к исследованию этнической истории восточных славян и пришел к довольно оригинальным выводам, принципиально пересматривающим традиционный взгляд российской науки на эту проблему. Например, временем формирования древнерусской народности (этноса) следует тогда считать не XI–XII века, как принято с объективистской точки зрения, а XIII–XIV века, когда та общность, на основе которой эта народность сложилась, уже распалась, а осознание себя «русскими» распространяется действительно «во всех частях восточнославянской этнической территории»².

Повторюсь еще раз: в такой трактовке этничность (то есть этносамоидентификация) – это форма исторической памяти, эндоэтноним же – это тот символ, который является механизмом любой коллективной памяти и потому апеллирует к прошлому. В недавно вышедшей книге «Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени» в эпиграфе ко вводной статье дана цитата из «Бытия и времени» М. Хайдеггера: «Наша идентичность возникает из историчности». По сути, это формула понятия идентичности, и конкретно – этнического самосознания.

Исходя из таких рассуждений, сочетание русскости с русинством просто предопределено всей историей закарпатского региона, если только не ставить своей целью отрицание этой истории. Русское самосознание русинов обусловлено их совместным с остальными восточными славянами участием в истории единого Древнерусского государства и той памятью об этом, которую сохранили русины в своем этнониме «руски народ». Новое же русинское самоопределение (и введение понятия «русинський народ») столь же естественно, так как основано на периоде обособленного существования Закарпатья в составе преимущественно венгерских государственных образований. Причем господствующий характер этого уровня вполне закономерен в связи с относительно большей актуальностью и длительностью этого периода истории русинов, а также в связи с победой украинства по другую сторону карпатского горного хребта. Новое русинское самосознание становится в борьбе с украинским национальным проектом

за свое право на самость. Уже само это, наравне со всей историей местного национального возрождения, предопределяет актуальность для русинов как их исторической особенности, так и их связности с общерусским периодом истории, с общерусским пластом самосознания.

Конечно, Киев столь рьяно сопротивляется русинскому проекту по той простой причине, что де-факто вопрос идет о всей системе государственного устройства Украины. Признание русинов – это действительно принципиальный вопрос для всей судьбы украинского национального проекта, и речь здесь идет совсем не о ситуации в одной небольшой области. Особенно актуальным это стало теперь, когда многолетний политический кризис все более ставит под вопрос само существование единого унитарного государства с центром в Киеве.

Однако дело не только в признании или непризнании существования русинов и их права на автономную жизнь. Русинское движение угрожает осуществить широкую общественную презентацию принципиально иного типа восточнославянского самосознания, который может подорвать идеологическую монополию и всю систему самообоснования украинской модели идентичности. Становление этой модели имеет принципиальное значение.

Здесь важно обратить внимание на то, что со стороны России прозвучал пусть тихий, но все же ясный сигнал, открывающий возможность актуализации такой модели. Во время подведения итогов Всероссийской переписи населения в официальную российскую «этническую процессуальность» было произведено очень важное нововведение: была признана возможность множественной идентичности по линии вертикальной групповой иерархии. Доведение до сознания граждан возможности двойной и тройной этносамоидентификации может принципиально изменить сам «дискурс национальности» в России и в связанном с нею информационном пространстве «ближнего зарубежья», став основой для формирования новой этнополитической карты постсоветского пространства. Выведение этнических делений внутри Русского мира на «подрусский» уровень, способное примирить этно-региональные идентификации восточных славян с их русскими корнями и их русской историей, позволило бы сбросить (а во многом и возродить) общерусское самосознание и выбить почву из-под идентификационных конфликтов, обильно возникающих особенно в последнее время.

В какой-то мере на это идет и официальная Украина, частично признающая русинское самосознание, но только как элемент в связке «славянин – украинец – русин», то есть за счет выключения русского уровня, замены его украинским. Однако реализация такого подхода сейчас представляется уже маловероятной, а в русинском движении определенно преобладает иная линия, связанная с сохранением общерусского пласта идентичности.

Русинство уникально тем, что в наши дни представляет собой чуть ли не единственное сознательное национальное движение у восточных славян, которое одновременно и акцентирует местные исторические и этнографические особенности, и при этом признает свою изначальную русскость. Успех этого движения имеет огромное значение для всего восточного славянства, ведь предлагаемая им формула национального самосознания может быть образцовой для всей Русской земли, возрождая загубленные политикой XX века прежние линии становления национального самосознания. При этом особенно важным остается то, чтобы деятели русинского движения осознавали свою уникальность и свою важность в этом ключе, осознавали свое противостояние с украинством не только как борьбу за признание русинской национальности, но и как борьбу за иной тип национального проекта, борьбу и за русинскость, и за русскость.

Именно это придает русинскому движению большую значимость для всех наших стран. Именно это может дать нам те механизмы, которые позволят избежать в скором будущем новых серьезных конфликтов, строительства новых «китайских стен» через Русскую землю. Ибо отказ от своей истории, отказ от старого самосознания, от отцовского имени, а тем более и поругание его (библейский грех Хама) - это подрыв не только своего прошлого, но и будущего. В этом и состоит глубинный смысл русинского возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение, 1995, № 5.
2. Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – Раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С.12.

**Сайт подкарпатского общества имени
Кирилла и Мефодия**
<http://karpatorusyns.org>

Я русинь быль, есмь и буду... А.Духнович

Марина ДОСТАЛЬ

РУСИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Борьба русинов за свою национальную самобытность имеет давние традиции, с XIX в. С 1991 г., по мнению П.Р. Магочи, они переживают свое третье национальное возрождение¹. Я очень сочувствую этой справедливой борьбе и потому приветствую основание в Москве русинского землячества «Карпатская Русь». Полагаю, что этим актом сочувствия и поддержки москвичи могли бы оказать посильную помощь своим соплеменникам, четвертому восточнославянскому народу, в их борьбе за автономное самоопределение, за статус равноправного славянского народа в европейском сообществе.

Напомню, что ныне в мире проживает приблизительно 2 млн. русинов - на Украине, в Словакии, Венгрии, Сербии, Польше, Румынии, Молдавии, США, Канаде и др. Причем в Закарпатье их насчитывается, по разным оценкам, примерно 650 – 850 тыс. (из 1,253 млн.) человек, что составляет 65–70% местного населения.

Таким образом, этот край законно может претендовать на автономный статус, за что высказалось на всеукраинском референдуме в декабре 1991 г. 78% населения. Но этот статус украинскими властями русинам до сих пор не был предоставлен. Между тем, уже в 22 странах признали их право называться отдельным народом, этого не сделано только на Украине, хотя 92% населения края голосовали за «самостийность».

Русинам приходится бороться за свои элементарные конституционные права, хотя в Конституции Украины в статье 11 зафиксировано уважение к правам национальных меньшинств (и оно признается для русских, поляков, евреев, крымских татар, румын и пр.), только русинам отказано в праве называться национальным меньшинством, их признают только украинской этнической группой. Но для этнической группы русины слишком многочисленны и, главное, обладают развитым национальным самосознанием.

Сойм подкарпатских русинов так определил признаки национальной идентичности русинов: а) наличие исторической территории, б) исторической памяти о своем родном крае, в) массовой народной культуры (фольклор, архитектура, прикладное искусство, язык, песни, духов-

ность), г) осознание прав и обязанностей всех членов общества независимо от положения, д) региональный и экономический комплекс с развитой инфраструктурой для решения своих экономических проблем, е) официальные данные переписи населения (наличие граждан, которые идентифицировали себя русинами)².

Почему же русины на Украине не признаются отдельным этносом? Власти Украины, взяв курс на создание унитарного государства с единым украинским языком, жестко противостоят не только русскоязычным регионам, но и русинскому Закарпатья, боясь создать прецедент сепаратизма, ведущего, по их мнению, к распаду страны. Но это нежелание найти необходимый консенсус с регионами приводит к перманентному политическому кризису. В 1996 г. Кабинет министров Украины принял пресловутый тайный «План мероприятий по решению проблемы украинцев-русинов», согласно которому следовало «четко засвидетельствовать и продекларировать позицию украинского государства о бесперспективности выделения Закарпатья на какой-либо основе – культурной, этнической, тем более административно-территориальной». Планировалось разработать систему мероприятий по украинизации Закарпатья в сфере языка, культуры, кадровой политики и создать учебники и произведения, «интерпретирующие историю украинцев-русинов Закарпатья как неотъемлемой части украинского этноса»³.

* * *

Обретение Украиной государственной самостоятельности в 1991 г. оказало существенное влияние на общее развитие историографии этой страны, в том числе и региональной. В Закарпатье – крае, несмотря на все превратности судьбы и на проводившуюся со времени включения его в состав СССР (январь 1946 г.) украинизацию, не утратившем своей культурно-национальной самобытности, на смену «общесоветским» сюжетам о развитии социально-классовой борьбы трудящихся в разные периоды развития региона и успехах там социалистического строительства, пришли серьезные, основанные на архивных источниках исследования «белых пятен» местной истории, творческого наследия деятелей карпатского национального Возрождения, культурно-политического движения межвоенного периода, времени венгерской оккупации, репрессивной сталинской политики в отношении населения края и пр.

Эти положительные сдвиги в тематике и содержании историографии Закарпатья серьезно осложнялись существующими здесь издревле (по крайней мере с середины XIX в., включая межвоенный период и даже время венгерской оккупации) различными этнонациональными и этноконфессиональными подходами – проукраинскими и русинско-ру-

софилскими, провенгерским и пр⁴. Украинизация Закарпатья после вхождения края в состав Советской Украины на время подавила вторую тенденцию, исключив даже сам этноним русины из политической реальности. Но после 1991 г. носители русинского самосознания вышли из подполья, проголосовав за суверенитет Украины и в то же время высказавшись за автономный статус Закарпатья в составе независимой Украины, и вторая тенденция в развитии историографии этого региона вновь стала зримой⁵.

Сторонники проукраинской тенденции, в противовес усиливающемуся движению за русинскую самоидентификацию, взяли на вооружение теорию «украинской политической нации», которая должна была стать, по мысли ее идеолога, киевского историка А.М. Майбороды (Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины), «плавильным котлом» для всех других «не государствообразующих» этносов Украины. Отчасти считаясь с правами отдельных национальных меньшинств (крымских татар и румын), автор теории совершенно отказывает в праве на культурную автономию русинскому народу: «Делаются попытки противопоставить русинскую идентичность украинской. Тем самым преуменьшается приоритет общенациональной идентичности над групповой, что является обязательным для политической нации»⁶.

Так или иначе, но проукраинское направление является официальным и господствующим в исторической науке в Закарпатье. Оно обеспечено профессиональными кадрами (Ужгородский университет) и солидной издательской базой. В недавнее время (1991) в Ужгороде возобновило свою деятельность культурно-просветительское общество «Просвита» – яркий представитель «укаинофильского» течения в межвоенной историографии. Оно активно переиздает брошюры указанного времени об истории и деятелях своего направления, а также книги и календари соответствующей ориентации.

В рамках официального направления вышел ряд интересных исторических трудов, на основе архивных материалов, исследующих «белые пятна» в истории края. Таковыми долгое время были периоды вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии и период венгерской оккупации. В 2000 г. по материалам конференции в Прешове 1998 г., в которой активно участвовали и ужгородские ученые, был издан сборник статей «Закарпатская Украина в составе Чехословакии (1919–1939)»⁷. Сборник носил комплексный характер, рассматривая разные аспекты исторического, политического, религиозного и культурного развития края в указанный период. Несмотря на стремление издателей представить объективную картину подкарпатских реалий, что выразилось в привлечении специалистов разной этнонациональной

ориентации, в сборнике зримо просматривается преобладание проукраинского взгляда на процессы, происходившие в Подкарпатской Руси в межвоенный период, о чем красноречиво свидетельствует даже название сборника – «Закарпатская Украина», хотя под таким названием никакого административного образования в межвоенной Чехословакии не существовало (Карпатская Украина на законных основаниях существовала только один день, точнее 29 часов, 15 марта 1939 г., и до этого полгода неофициально).

То же самое заметно в монографии выпускника Ужгородского университета Романа Официнского «Политическое развитие Закарпатья в составе Венгрии»⁸. Опираясь на солидную базу ранее неизвестных архивных источников, автор впервые рассмотрел деятельность в этот непростой период различных политических течений в крае – украинофильского, провенгерского, чехофильского, коммунистического. Русинское и русофильское направления рассматривались как исключительно коллаборационистские. Этой же теме был посвящен сборник статей «Закарпатье под властью Венгрии. 1938–1944 гг.»⁹, изданный при поддержке украинской диаспоры в США. Несмотря на то, что многие статьи сборника основывались на новых архивных материалах и содержали оригинальные трактовки и оценки, в нем еще более наглядно проявлялась проукраинская направленность, о чем свидетельствовало и между прочим посвящение этого издания «отцу народа», «президенту» Карпатской Украины о. Августину Волошину, активно сотрудничавшему с фашистами.

Проукраинская ориентация четко прослеживается и в большинстве докладов на происходивших в последнее время в Ужгороде конференциях, посвященных 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика (март 2001 г.), 200-летию со дня рождения Ю.И. Венелина (май 2002 г.) и 200-летию со дня рождения А.В. Духновича (апрель 2003 г.). (Альтернативные конференции проводили и представители русинского направления, например, 23 мая 2002 г. в Сваляве прошла конференция, посвященная юбилею Ю.И. Венелина)¹⁰. Докладчики стремились рассматривать указанных деятелей в контексте Центральной Европы, Украины и Закарпатья, почти совсем игнорируя их контакты и ориентацию на Россию. К чести организаторов надо признать, что на конференции приглашались и российские ученые, а в «Научном вестнике Ужгородского университета» 2002 и 2003 гг. по результатам конференций были напечатаны доклады представителей не только проукраинской ориентации.

Существенным вкладом в развитие историографии региона стала фундаментальная монография профессора Ужгородского университета Дмитрия Данилюка «Историческая наука в Закарпатье» (Ужгород,

1999)¹¹, в которой впервые в обобщенном виде были представлены процесс зарождения и основные этапы развития исторической науки в регионе с конца XVIII до середины XIX в. Автор проанализировал наследие практически всех закарпатских ученых, сыгравших заметную роль в изучении прошлого не только своего края, попытавшись рассмотреть их творчество в контексте центральноевропейского региона, в тесной связи с культурными процессами на Украине. Автор стремился к объективному анализу историографии региона, потому не обошел вопроса о связях закарпатских будителей с Россией, хотя эти связи неизменно оставались как бы на заднем плане. Только в изложении конкретных судеб будителей связи с Россией представлены наиболее рельефно. Что же касается освещения вклада русских эмигрантов в изучение края, то автор крайне негативно оценивал их стремление представить Закарпатье одной из частей Руси.

Русинское направление в историографии Закарпатья не может похвастаться многочисленными профессиональными кадрами историков и солидной образовательной и издательской базой. Его поддерживают Союз русинских писателей, Общество Кирилла и Мефодия, русинский клуб «Рутения», Общество карпатских русинов, Сойм подкарпатских русинов и издательства: «Издательство В. Падяка», «ПоліПринт», «Сольво», «Карпатская вежа (башня)» и др. В газетах «Подкарпатская Русь», «Христианская семья», «Карпатский евромоств», в альманахе «Руснацкий мир», в литературно-исторических календарях печатаются статьи представителей местной интеллигенции, с русинских позиций освещающих историю края. А кредо нынешнего русинского движения выразил его лидер – кандидат богословия, протоиерей, настоятель Храма Христа Спасителя в Ужгороде о. Димитрий Сидор. Выступая на VI Всемирном Русском Народном Соборе в Москве в 2001 г., он сказал: «Мы, русины, чувствуем себя частью русского народа, но мы не великороссы, не украинцы, мы не белорусы. Мы чувствуем в себе древнюю неразделенную русскость»¹². На VIII Всемирном Русском Народном Соборе «Россия и православный мир» (4 февраля 2004 г.) о. Д. Сидор подчеркнул еще и православную составляющую общерусского единства: «Русины в этническом плане – отдельный народ, а в плане духовном – часть русского православного народа, сохранившего дух неразделенной русскости»¹³. Для обеспечения культурного общения и просвещения русинского народа в декабре 2002 г. на международной научной конференции в Ужгороде была одобрена и признана кодификация русинского языка, представленная в «Грамматике русинского языка для подкарпатских русинов» (Ужгород, 1996–2005), разработанной Д. Сидором (однако, процесс уточнений этой кодификации еще продолжается). Этой же цели служат не-

сколько выпущенных в последние годы словарей русинского языка, календарей и книг «для народа».

Открыла и придала международный вес русинскому направлению книга канадского историка, авторитетного деятеля современного русинского движения Павла Роберта Магочи «Формирование национального самосознания. Подкарпатская Русь (1848–1948)» (Ужгород, 1994), опубликованная на английском и украинском языках. Даже противник русинской идентичности киевский профессор, замдиректора Института национальных отношений и политологии НАН Украины Май Панчук признает, что события и процессы русинского движения «рассматриваются в ней на широком историческом и этнологическом фоне», но, естественно, обвиняет автора в «предвзятости» и «смещении акцентов»¹⁴. Следует отметить, что Магочи в числе первых начал отстаивать концепцию изначальной самобытности русинов и невхождения ее в состав Киевской Руси.

Наиболее значительным трудом русинского направления является «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (Ужгород, 2001; 2-е изд. 2006) известного историка, бывшего сотрудника Института славяноведения РАН И.И. Попа. В этой уникальной книге представлены статьи по истории, географии, экономике края, о значимых событиях и всех сколько-нибудь известных деятелях Карпатского региона от древности до современности. Автор поставил своей благородной задачей «восстановление исторической памяти подкарпатских русинов». Он выступает ревностным (порой даже слишком) сторонником самобытности русинского народа, прослеживая ее со времен раннего средневековья от племен Белых Хорватов (поддерживая положение П.Р. Магочи, что этот регион никогда не входил в сферу влияния Киевской Руси), через период национального Возрождения и вхождения в межвоенную Чехословакию к современным реалиям. И.И. Поп решительно отрицает мнения об изначальной «украинскости» данной территории, в то же время подвергает уничтожающей критике политику Коминтерна и Сталина в отношении региона, последующую украинизацию края и «этноцид» со стороны современных властей Украины.

Выход в свет «Энциклопедии» И. Попа вызвал неоднозначную и критическую реакцию, как в России, так и на Украине. В России некоторые специалисты (В.В. Марьина и др.) упрекали автора за резкий «антисоветский» и антикоммунистический дух, отрицание чего-либо положительного в развитии края в период его вхождения в состав УССР. Однако в рецензии на книгу, помещенной в журнале «Славяноведение»¹⁵, позиция автора энциклопедии нашла полную поддержку и понимание. Отмечалось, что заинтересованный читатель «получил прекрасную настольную книгу, которая поможет ориентироваться в самых слож-

ных аспектах проблематики. В ней представлен цельный, а главное – **объективный** материал справочного и аналитического характера по всем проблемам, касающимся подкарпатских русин»¹⁶.

«Энциклопедия» И. Попа произвела на Украине эффект разорвавшейся бомбы. Интеллектуальный еженедельник Украины «Дзеркало тижня» (Киев, 6 апреля 2002 г.) прямо назвал это издание «исторической бомбой, которая взорвалась в Ужгороде». Разгромную рецензию на эту книгу от лица официальной украинской науки написал ныне покойный литературовед, член-корреспондент НАН Алексей Мишанич. Она была прочитана в виде доклада на V Международном конгрессе украинистов в Черновцах (26–29 августа 2002 г.)¹⁷ и впервые опубликована в материалах съезда, потом отдельной брошюрой и пр. Еще ранее А. Мишанич выступил против «закарпатского политического сепаратизма»¹⁸. По его необоснованному утверждению, «имперские силы, которые усиленно "интернационализировали", а фактически русифицировали Закарпатье, стремясь и здесь создать "единый советский народ", решили использовать этот край в своих имперских интересах. Когда стало очевидно, что СССР распадется и возникнет независимая Украина, они спровоцировали здесь так называемое "русинское движение", целью которого является отделение Закарпаття от Украины, "возрождение" или создание здесь нового "русинского народа", который бы тяготел к Венгрии, Чехии и даже России»¹⁹. Рецензия «Энциклопедия Подкарпатской Руси», что за нею?» – во многом повторяет положения вышеназванной статьи, крайне политически ангажирована, содержит массу претензий к автору, касающихся происхождения русинов, их самоидентификации, языка, ключевых моментов истории и культуры. По утверждению А. Мишанича, в энциклопедии «аккумулирована мифология закарпатского политического сепаратизма, который открыто не признает независимой Украины»²⁰. Таким образом, в рецензии ясно выражены опасения академической элиты за целостность унитарного устройства современной Украины. Поэтому суть всех обвинений в фальсификации истории Закарпаття сводится к линии на разоблачение «закарпатских политических сепаратистов», которые «вынашивают идею отрыва Закарпаття от Украины и введения ее в состав соседних держав на уровне первой половины XX ст.»²¹.

На обвинения А. Мишанича последовал основательный ответ русинской стороны, представленный И. Попом, М. Шаргой и В. Кушником в брошюре «И мы в Европе! Ответ оппонентам» (Ужгород, 2002). Авторы, в особенности И.И. Поп, аргументированно, на основе малоизвестных и архивных документов, резко полемически, порой не стесняясь в выражениях, защищают свою позицию в интерпретации судьбоносных моментов истории закарпатских русинов, категорически от-

вергая всякие обвинения в «политическом сепаратизме», но твердо выступая за национально-культурную автономию. (Следует отметить, однако, что в ответе и материалах «Энциклопедии» И. Попа чувствуется некоторая ностальгия по реалиям Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии, признанным «вершиной», самым благоприятным периодом в истории многострадального русинского народа. Не выдерживает критики также утверждение историка об «аннексии» Красной Армией Закарпатья у Чехословакии в 1944 г., ибо эта территория была включена в состав СССР (УССР) в результате сложных дипломатических переговоров и официальных двусторонних договоров, что документально обосновано в монографии В.В. Марьиной.)²² . Заканчивалась отповедь И. Попа примечательными словами: «Беда, когда представители интеллектуальной элиты страны, еще переживающей великие неурядицы, и в те же 10 лет, золотых, мирных лет, ищут их причины в какой-то мифической злой воле Москвы, Праги, Будапешта или подкидывают своим покровителям надуманное "политическое русинство". Посмотрите лучше критически на самих себя и своих домашних "героев" дня. Истерика еще никому не помогала, как и поиски "внешних врагов"»²³.

В последнее время вышли на русинском языке две особо значимые для культуры края книги: «История Подкарпатской Руси» Д.И. Попа (2005) и «Народ ниоткуда. Иллюстрированная история карпаторусинов» П.Р. Магочи (2007), которые имели широкий общественный резонанс. В них корректно аккумулирована русинская интерпретация истории Закарпатья и других мест проживания русинов.

Таким образом, современное состояние историографии Закарпатья сложно и противоречиво. При существующем противостоянии и противоборстве общеукраинского и русинского направлений, несмотря на достигнутые, несомненно, положительные результаты, трудно рассчитывать на создание объективной картины исторического развития края. При всем этом нельзя не оценить постепенное формирование русинской интерпретации отечественной истории, чрезвычайно важное для становления национального самосознания русинов Закарпатья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Магочій П.Р.* Народ нивыдкы. Ілюстрована історія карпаторусинов. Ужгород, 2007. С. 101 і др.
2. Планы-мероприяття по решению русинской проблемы. 8 июля 2005 // http://karpatorusins.org/more.php?id=168_0_1_0_C30
3. *Амелина Я.* Русский остров в центре Европы // Континент. М., 2003. № 37 (661). Сентябрь.

4. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // *Славяноведение*. М., 1997. № 6. С. 67–72; *Шевченко К.В.* Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период // *Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв.* М., 2004. Т. 1. С. 276–302; *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006 и др.
5. См.: *Дуличенко А.Д.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // *Славяноведение*. М., 2005. С. 20–22 и др.
6. *Майборода О.М.* Проблемма формування нової ідентичності української нації // *Стратегія національної консолідації в Україні: пошук моделей міжнародної інтеграції*. Ужгород, 2000. С. 19.
7. *Zakarpatska Ukraïna v ramci Ceskoslovenska (1919–1939)*. Presov, 2000.
8. *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття в складі Угорщини (1939–1944). Київ, 1997.
9. *Закарпаття під Угорщиною. 1938–1944 рр.* Нью-Йорк-Чикаго-Ужгород, 1999.
10. Програма наукової конференції, присвячено 200-річчю з дня народження Ю.І. Венелна-Гуци (Свалява, 23 квітня 2002 року) // *Руснацкий світ. Науково-популярний збірник*. Ужгород, 2003. Т. 3. С. 88.
11. *Данилюк Д.* Історична наука на Закарпатті. Ужгород, 1999.
12. *Славяно-русский календарь на 2004 год*. М., 2004. С. 80.
13. *Сидор Д.* Духовно-историческая миссия карпаторусинов. Доклад на VIII Русском Народном Соборе в Москве 4 февраля 2004 г.
14. *Панчук М.* Политическое русинство в Украине // <http://litorys.org.ua/rizne/panchukm.htm> См. также: *Политическая мысль*. 1995. № 2-3 (6). С. 117–124.
15. *Желицьки Б.И.* Рец. на кн.: И. Поп. *Энциклопедия Подкарпатской Руси*. Ужгород, 2002. 431 с. // *Славяноведение*. 2003. № 1. С. 107–109.
16. Там же. С. 109.
17. *Мишианич О.* «Энциклопедия Подкарпатской Руси» і що за нею?: Доповідь на V міжнародному конгресі українців (м. Чернівці, 26–29 серпня 2002 р.) Київ, 2002. 36 с.
18. *Мишианич О.* Закарпатський політичний сепаратизм: міфи і дійсність // *На переломі. Літературознавчі статті й дослідження*. Київ, 2002. С. 302–325.
19. Там же. С. 304.
20. *Мишианич О.* «Энциклопедия Подкарпатской Руси» і що за нею?... С. 357.
21. Цит. по: *Передне слово // І ми в Європі! Книга перша. Відповідь опонентам*. Ужгород, 2002. С. 4.
22. Подробнее см.: *Марына В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945. М., 2003.
23. *Пон І.* Відповідь засліпленому ненавистю до русинів // *І ми в Європі! Книга перша. Відповідь опонентам*. Ужгород, 2002. С. 30.

Павел КУПРИЯНОВ

**РУСИНЫ ВЕНГРИИ И ГАЛИЦИИ
ГЛАЗАМИ РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА НАЧАЛА XIX в.
Опыт исследования этнических представлений**

Конец XVIII и особенно начало XIX в. в культурной истории России по праву может именоваться «эпохой путешествий»: расцвет соответствующего литературного жанра, представленного многочисленными сочинениями как иностранных, так и российских авторов, имел вполне реальные основания: в России на это время приходится заметный рост числа заграничных поездок, предпринимавшихся с самыми разными целями. В первые же годы нового столетия, после смерти Павла I и отмены запрета на выезд русских подданных за границу, за пределами отечества оказалось довольно много россиян, среди которых были и праздные молодые люди, отправлявшиеся в Европу для ознакомления с природой и искусствами, и дипломаты, и морские офицеры, оказавшиеся за границей по долгу службы, и студенты Московского университета, намеревавшиеся продолжить образование в Германии. Таким образом, фигура «русского путешественника начала XIX в.» многолика и разнообразна. Однако в данной статье имеется в виду вполне конкретный человек.

* * *

Речь идет о Владимире Богдановиче Броневском (1784/1786 – 1835), российском морском офицере и одновременно известном в свое время литераторе. В 1805-1810 гг. он в качестве мичмана фрегата «Венус» принимал участие во Второй Архипелагской экспедиции, в ходе которой российская эскадра под руководством вице-адмирала Д.Н. Сенявина вела боевые действия в Адриатическом и Эгейском морях сначала против французов, а затем против турок, довольно успешно отстаивая интересы России в Средиземноморье. В ходе этой кампании В.Б. Броневский не раз отличился, был ранен в руку и за сражение при о. Тенедосе награжден орденом Владимира IV степени с бантом¹. Однако служба занимала не все время молодого офицера – значительное время он уделял своему дневнику, который затем лег в основу «Записок морского офицера...»², принесших автору известность на литературном поприще. Это объемное и содержательное сочинение было высоко оценено современниками³; очевидно, потому, что помимо под-

робного описания военных действий оно включало также обширные сведения исторического, географического и этнографического характера.

За долгие годы морских странствий российским морякам довелось побывать в самых разных городах и странах – от Дании до Турции, познакомиться с нравами и обычаями самых разных народов – от англичан и испанцев до черногорцев и албанцев. Как справедливо писал сам В.Б. Броневский, «морское путешествие при многих неприятностях доставляет одно удовольствие; так сказать, мгновенно переноситься из страны в страну и в короткое время ознакомиться с народами, живущими на противоположных концах земного шара, и в сем переходе мученики любопытства, если смею назвать так всякого путешественника, находят новую пищу для своих наблюдений»⁴.

Однако при всей непредсказуемости морской стихии вряд ли кто-то из офицеров накануне отплытия из Кронштадта мог помыслить, что в ходе этой морской кампании ему доведется оказаться не на каком-то отдаленном острове, а в самом центре Европы, за много километров от моря, посреди венгерских равнин и в Карпатских горах. А между тем произошло именно это: после подписания в 1807 г. Тильзитского мира и заключения перемирия с Турцией россияне оказались в затруднительном положении: в связи с присоединением России к континентальной блокаде Англии возвращение через Атлантику для русских кораблей становилось практически невозможным. В сложившейся ситуации было решено отправить экипажи некоторых кораблей в Россию сухим путем через недавно образованные Иллирийские провинции, Штирию, Венгрию и Галицию⁵. В составе этой колонны оказался и В.Б. Броневский, который, верный своей привычке, продолжал вести довольно подробный дневник, найдя и здесь «новую пищу для наблюдений». Результатом этих наблюдений стало двухтомное «Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г.»⁶, изданное в традиционной форме писем к другу. Это сочинение и является предметом нашего исследования.

«Путешествие...» В.Б. Броневского вышло в свет значительно позже описываемых в нем событий, и здесь больше, чем, например, в «Записках...», заметны следы поздней правки текста, выражающиеся как в отдельных фразах (например, когда автор предвещает дальнейшее развитие событий), так и в довольно больших фрагментах, по видимому, добавленных в основной текст «путешествия» перед публикацией (таковы, скажем, историко-статистические очерки о Венгрии и Галиции, почерпнутые в значительной степени из других источников, не связанные стилистически с предыдущим и последующим повествованием и явно выбивающиеся из общего строя текста). По

классификации Т. Роболи ⁷, «Путешествие» В.Б. Броневского можно отнести к «смешанному» типу, сочетающему в себе присущее сентиментальному путешествию описание переживаний героя с бытовыми сюжетами и историко-этнографическими зарисовками. Здесь можно найти рассказ о ночлеге в крестьянском доме и об изготовлении знаменитого токайского вина, выразительные пассажи о красотах природы и о боеспособности австрийской армии, восхищения красотой «любезной хозяйки» и сохранностью народных обычаев, замечания о широте городских улиц и особенностях государственного управления, оценку стратегического положения крепостей и просвещенности местных жителей, подробное описание свадебных обычаев и традиционной одежды. Повествование разворачивается по мере передвижения российской колонны – от одного населенного пункта к другому. Упоминание о переезде через границу государств или областей, как правило, сопровождается более или менее пространной характеристикой только что оставленной области, включающей историко-статистические и этнографические сведения. Вообще текст «Путешествия» изобилует этнографическим материалом разного рода. Любопытный читатель может обнаружить здесь довольно подробную информацию о материальной и духовной культуре полиэтничного населения Центральной Европы.

Русины – один из народов, упоминающихся путешественником. Сведения о них встречаются в той части «Путешествия», где описываются предгорные районы северо-восточной Венгрии и Галиции, на участке от Мишкольца до Перемышля⁸. Этот путь В.Б. Броневский преодолел примерно за три недели (со 2 по 25 мая), следуя по маршруту Мишколец – Кошице – Прешов – Бардеев – Дукла – Перемышль и иногда останавливаясь на несколько дней то в одном, то в другом городе. Таким образом, на протяжении более чем двадцати дней путешественник имел возможность непосредственного наблюдения и общения с русинами, проезжая через их селения и вступая в личный контакт. Этот опыт нашел отражение в тексте «Путешествия». Несмотря на то, что здесь нет цельной этнографической характеристики русинов и сведения о них довольно разрозненны и распределены по «венгерской» и «галицийской» части сочинения, тем не менее, на основе этих небольших, но выразительных фрагментов можно реконструировать некоторые представления путешественника об этом народе.

Здесь, однако, следует сделать одну важную оговорку. Она касается терминологических соответствий между актуальным научным тезаурусом и словарем путешественника. Ведь для того, чтобы реконструировать представления кого-либо о том или ином народе, надо быть уверенным, что под «этим народом» он понимает то же самое,

что и мы. Между тем, в случае с путешественниками начала XIX в. у нас нет твердых оснований для такого утверждения, поскольку речь идет о людях, живших в иную эпоху и уже хотя бы поэтому являющихся носителями иных культурных установок и стереотипов мышления. Хорошо известно, что в разное время одно и то же слово может иметь разные значения (и наоборот, для обозначения одного и того же явления или предмета могут быть использованы разные термины). В связи с этим следует отметить, что В.Б. Броневский нигде не использует термина «русин» – чаще всего он говорит о «руснаках», которых также иногда называет «рускими». Но даже если признать, что термин «руснаки», будучи самоназванием восточнославянского населения Угорской Руси, является аналогом термина «русины», вопрос о соотношении значений, вкладываемых в эти термины самими руснаками, описывающим их путешественником и изучающими его представления учеными, остается открытым. Известно, что связь между народом и его названием вовсе не так устойчива, как кажется на первый взгляд: один и тот же этноним в разное время может обозначать разные общности⁹. Нельзя исключать такой возможности и в данной ситуации. Какую общность обозначал В.Б. Броневский термином «руснаки» – этническую, языковую, конфессиональную?¹⁰ А может быть, локальную? Возможно, анализ соответствующих фрагментов «Путешествия» позволит приблизиться к ответу на этот вопрос.

* * *

Опыт исследования путешествия как историко-культурного феномена показывает, что рассказы о странствиях (принимая самый разный вид – от художественной заметки до экспедиционного отчета) являются довольно сложным источником, требующим тщательного анализа¹¹. В то же время, приходится констатировать, что эта сложность далеко не всегда учитывается и замечается исследователями, активно использующими материалы путешествий для изучения описываемой путешественником страны или межкультурных связей и представлений. В частности, одной из проблем, возникающих при анализе данной разновидности источников, является проблема их *достоверности*. Правда, как правило, эта проблема сводится к установлению степени достоверности того или иного путешествия. В таких случаях отмечается, что один автор более «правдив», чем другой. Чаще же всего исследователи исходят из допущения, что сознание путешественника в принципе адекватно отражает реальность. Процесс восприятия наблюдаемой действительности, ее фиксации и последующей презентации в том или ином тексте проблематизируется крайне редко. В результате текст «путешествия» становится не источником, но лишь носителем информации, вместилищем более или менее ценных фактов¹². Подобный «утилитарный» подход, игнорирующий собствен-

но **представления** путешественника, существенно упрощает существующее положение вещей.

Примером может служить оценка «Путешествия» В.Б. Броневского в очерке Б. Струминского¹³. Опираясь на мнение М. Грушевского и сопоставляя слова В.Б. Броневского с данными других источников, автор высказывает обоснованные сомнения в достоверности сведений путешественника об ареале расселения руснаков. Эти сведения, таким образом, квалифицируются как ложная информация, появление которой объясняется ангажированностью автора. Однако такой вывод кажется достаточным только в том случае, если в фокусе внимания исследователя находится описываемая путешественником действительность, но не его **представления** по поводу этой действительности. «Перенастройка» исследовательского фокуса на самого путешественника позволяет взглянуть на эту ситуацию иначе и поставить вопрос не о том, «правдив» ли автор, а о том, что делает возможным именно такую интерпретацию им наблюдаемой реальности.

Изучение полевых методов традиционной этнографии (прямой nasledницы просвещенного путешествия) показывает, что описание действительности детерминируется целым рядом факторов и отнюдь не является ее фотографическим отображением; что ее восприятие искажается многочисленными «помехами и шумами»; что в этом процессе существенную роль играют механизмы сортировки и отбора информации, которые, по словам С.В. Соколовского, порождают определенную точку зрения и ракурс наблюдения: «Еще до всякого наблюдения, а также в его процессе и фиксации... вступает в действие целый набор фильтров, отсеивающих "заслуживающие внимания" феномены от "незаслуживающих"»¹⁴.

Критерии для этого отбора, как правило, путешественнику были даны заранее - или в прямом смысле слова (как, например, инструкции для участников научной экспедиции), или как нерелексированные установки - посредством традиции и господствующего дискурса. Ведь рассказывая о своих странствиях, автор «путешествия» создавал литературный текст. Вступив тем самым на поприще словесности, он вольно или невольно должен был следовать соответствующему литературному канону, сформировавшемуся в России на рубеже XVIII–XIX вв. и определявшему не только стиль и жанр (то есть форму) сочинения, но и его содержание, в частности, предмет повествования. Таким образом, взгляд наблюдателя, фиксирующийся на тех или иных фрагментах реальности, в значительной степени направлялся существовавшей традицией. Материалы В.Б. Броневского в этом смысле не являются исключением. Образ руснаков в его сочинении формируется под влиянием определенных культурных установок, выявление и анализ кото-

рых возможен лишь в более широком контексте прочих сочинений самого В.Б. Броневского, а также других авторов.

* * *

Так, выше уже говорилось о том, что в «Путешествии» большое место занимают описания разных народов. Причем данная черта вовсе не является исключительной особенностью именно этого текста, напротив, она свойственна практически всем «путешествиям» рассматриваемого периода. *Этнографическая тематика* оказывается необычайно актуальной, и для этого существуют известные основания. Прежде всего, нельзя забывать, что начало XIX в. – особый период в истории российского национального самосознания, отмеченный активными поисками этнической идентичности, попытками определить специфику российской истории, государства, национального характера. В это время, накануне Отечественной войны 1812 г., центральное место в общественной мысли занимает проблема национальной самобытности. И в этом контексте путешествие приобретает особое значение, так как оно предусматривает непосредственную встречу с Другим и тем самым способствует активной самоидентификации¹⁵.

Актуальность проблемы идентификации подпитывала интерес образованной публики к описаниям иных народов. На рубеже XVIII–XIX вв. в России активно публикуется литература о разных странах и регионах мира, где помимо традиционных сведений о территории, хозяйстве, политике, войнах и правителях рассказывается об истории страны, языке, вере и обычаях местного населения. Заметим, что такой интерес к иным странам и народам был органичным элементом в интеллектуальной атмосфере эпохи, так как в нем непосредственно проявлялся глобальный просветительский проект, нацеленный на всестороннее познание окружающего мира. Разумеется, очевидная потребность просвещенной публики в этнографической информации не могла не отразиться и на литературе путешествий: к ней теперь предъявляется требование этнографического (точнее – антропологического) ракурса в описании Иного¹⁶, в результате чего этнографические сюжеты становятся если не центральным, то одним из существенных компонентов в сочинениях путешественников.

Еще одним фактором, направлявшим взгляд путешественника, было признание *просвещения* одной из главных целей всякой поездки. В век Просвещения путешествие воспринималось прежде всего как способ рационального познания мира. Практика путешествия с XVIII в. была пронизана просветительским пафосом. Просветительский «посыл» настолько явно воплощался в путешествии, что в сознании современников оно стало универсальной метафорой познавательной де-

ятельности¹⁷. Просветительская сущность путешествия заключалась в разоблачении предрассудков и заблуждений и в распространении нового – истинного – знания. Объем этого нового знания и его истинность определяли, в конечном счете, абсолютную ценность любого путешествия.

В связи с этим разные авторы особое внимание уделяют *новизне* сообщаемой информации. Например, В.Б. Броневский одним из главных достоинств своего сочинения, которое и позволяет надеяться на его успех, считает описание Венгрии, «наипаче потому, что до сего времени мы не имеем на русском языке почти никаких описаний о Венгрии, столь близкой и столь мало еще нам известной стране» (Предисловие). Культивируемая в рамках просветительской идеологии ценность нового знания и открытия неизведанного формировала у авторов установку на сенсацию, стремление удивить публику неожиданными фактами, что, в свою очередь, могло спровоцировать появление некоторых преувеличений и выдумок. По мнению Б. Струминского, это было свойственно и В.Б. Броневскому в его описании русинов Угорщины¹⁸.

Отбирая в наблюдаемой действительности все, «достойное любопытства», путешественники проявляют особенный интерес к всевозможным курьезам, в том числе к необычным природным явлениям: «Окрестности города Кашау представляют путешественнику много любопытного. Влево от дороги, при деревне Зилитце, есть пещера, наполненная льдом; далее лежат округи Шемниц, Кремниц и Нейзоль, богатые золотом, серебром и другими металлами. Вправо, не далее, как на день пути, находятся при деревне Черновице копи драгоценных опалов, а при деревне Актелег славная пещера, наполненная окаменевшею водою» (I:158-159). Однако «добросовестный» путешественник не может довольствоваться слухами - важным требованием просвещенного путешествия является его достоверность, залогом которой служит личный опыт автора, поэтому В.Б. Броневский стремится увидеть хотя бы некоторые из перечисленных диковин. Не найдя опалов в Черновице (и разоблачив тем самым «ложную молву»), он осматривает пещеру в Актелеге и после подробного описания этого природного феномена приводит его естественно-научное объяснение, контрастом к которому служит рассказ о местных преданиях, связанных с данной пещерой, интерпретируемых не иначе, как суеверие необразованного народа.

Распространенность подобных описаний-объяснений вместе с разоблачениями и сравнениями в текстах путешествий начала XIX в. обусловлена, по-видимому, тем, что такое «приручение курьезов» органично сочеталось с идеей изучения Другого как основного смысла

путешествия. И то, и другое было, в сущности, способом освоения иных миров и одним из проявлений просветительского колониационного проекта¹⁹.

Как видим, усвоение роли просвещенного путешественника требовало от ее исполнителя определенных действий, направленных на решение той или иной глобальной просветительской задачи. Одной из таких умозрительных, но при этом вполне практических задач было составление всеобщей карты цивилизации, устанавливавшей уровень развития человечества в разных уголках Земного шара. Просветительский проект предусматривал создание некоей универсальной шкалы, на которой каждая человеческая общность получила бы свое место между полюсами «дикости» и «просвещенности». В связи с этим описание той или иной страны подразумевало определение уровня ее цивилизованности, производившееся по ряду критериев. Среди них: количество каменных домов в городах, ширина и чистота улиц, развитие торговли, состоятельность, просвещенность и нравственность жителей, развитие изящных искусств и наук и т. д.

В «Путешествии» В.Б. Броневского информация по этим «пунктам» сообщается довольно регулярно в связи с каждым новым городом или областью. По всем этим параметрам Венгрия получает весьма невысокую «оценку»: «... земледелие вообще находится в Венгрии в младенчестве, равно как и просвещение, и художества... Венгры не ведают никаких удобностей жизни и между ними не приметно ни следа просвещения...» (I:132-135). На страницах «Путешествия», посвященных Венгрии, возникает узнаваемый образ *цивилизованного европейца в варварской стране*²⁰. Он страдает от бытовых неудобств, варварского вкуса, несъедобной пищи и грубости нравов. Наиболее очевидным признаком отсталости являются необработанные поля, свидетельствующие в сознании просвещенного наблюдателя о ленивости местных жителей. В.Б. Броневский не жалеет красок для описания дикой венгерской природы, сетуя на бесконечные болота и однообразные пейзажи с заброшенными полями и непроезжими дорогами.

Интересно, что русины в данном контексте возникают как некоторая противоположность венгров; о них заходит речь тогда, когда путешественник говорит о границе Венгрии. Впервые это происходит еще на подъезде к Мишкольцу, в деревне Емед: «Наконец здесь кончится печальная и мокрая равнина, и отсюда начинаются холмистые возвышенности, служащие основанием Карпатским горам...» И здесь же, через предложение: «В трех с половиною верстах отсюда деревня населена рускими, или, как здесь их называют, *руснаками*; они, несмотря на несносную погоду, приходили со своим священником побеседовать с нами и досыта наговориться по-русски» (I: 136-137). Получает-

ся, что руснаки в сознании путешественника связываются с прекращением неприятностей и надеждой на что-то лучшее. Это могло бы быть совпадением и выглядеть как натяжка, если бы сходная ситуация не повторилась ниже.

Дело в том, что надежды путешественника не оправдались – уже через пять дней у деревни Сцикло он попал в болото, где просидел всю ночь. После этого приключения казалось, что теперь-то все позади и на этом Венгрия кончится: «Наконец мы проехали печальную равнину, продолжавшуюся от самого Чикатурна: Форро, первая деревня, которая имеет приятный вид, расположена на небольшом возвышении, откуда в одну сторону голая и ничем не украшенная долина теряется из вида, подобно необозримому Океану, а в другую простирается цепь невысоких гор, украшенных лесом и красивыми селами. Здесь граница Венгрии, населенной природными жителями, и здесь конец всем неприятностям и неудобствам, которые должны претерпевать путешественники...» И вновь появляются руснаки, приходящие *на смену* венграм: «...Теперь вместо быков дают под наши повозки лошадей, вместо угрюмых венгров проворных, веселых *единоземцев* наших, которых называют здесь руснаками, и вместо болот, крику лягушек удивленный взор на каждом шагу встречает новые красоты, которыми природа украсила места отсюда до Карпатских гор» (I: 148-149).

Но и на этот раз В.Б. Броневский ошибся; впереди его ждала третья – и на этот раз последняя - граница Венгрии, у Дукли, описываемая по уже известному шаблону: «Лишь только переступишь границу Венгрии, как каждый шаг доказывает устройство и тщательное попечение благонамеренного правительства. При вступлении в Галицию меня все радовало; сходство жителей с нашими малороссиянами поразительно: их свитки и шапки точно такие, какие носят у нас в Украине, говорят же так внятно, что я, не будучи малороссиянином, все мог разуместь без затруднения; и сама природа казалась мне прелестнее и обильнее, чем видел я ее вчера» (II:1-2).

На основе приведенных отрывков можно сделать следующие заключения. Во-первых, как уже отмечалось, описанию природы сопутствует упоминание народа. Причем, за каждым народом как будто «закрепляется» определенный природный ландшафт: если венгры ассоциируются с болотистыми равнинами, то руснаки, напротив, становятся «элементом» предгорного ландшафта. Причем, это различие имеет оценочный характер, один ландшафт противопоставляется другому: если пройденные равнины характеризуются не иначе, как «печальные», «голые и ничем не украшенные», то «холмистые возвышенности», наполненные «новыми красотами», оказываются «прелестнее и обильнее». Одновременно аналогичным образом противопоставля-

ются друг другу и упомянутые народы: одни угрюмы и медлительны, тогда как другие – веселы и проворны. Постоянные сетования путешественника на медленную езду на протяжении всей поездки не оставляют сомнений, что в данной ситуации его симпатии на стороне руснаков. Однако, прежде чем подробнее остановиться на отношении В.Б. Броневского к руснакам, рассмотрим еще одну деталь.

Приведенные фрагменты показывают, что изменение природного ландшафта как будто бы предполагает изменение ландшафта этнического. По одну сторону границы – унылые равнины, населенные угрюмыми венграми, по другую – красивые холмы с проворными руснаками. Данная схема строится на идее о строгом соответствии определенного типа ландшафта – одной конкретной общности, когда ландшафтная зона совпадает с территорией расселения народа. В этом случае под народом понимается локальная общность, то есть, прежде всего, жители той или иной области. Такая «концепция этноса» была довольно широко распространена в рассматриваемый период, и В.Б. Броневский, несомненно, был с ней знаком. Однако в данном случае она явно не подходила для описания наблюдаемой путешественником реальности. Так, выясняется, что этнический ландшафт как на венгерских равнинах, так и в Карпатских горах не отличается гомогенностью. Напротив, по словам самого же В.Б. Броневского, Венгрия представляет собой «смешение языков, подобное бывшему при Вавилонском столпотворении: здесь есть угры, команы, гунны, татары, язиги и пр. и пр., и это потому, что все варварские народы от севера и востока шли через Венгрию к югу и западу...» (I:160-161).

Нельзя не отметить, что, помимо констатации «полиэтничности» венгерского населения, данное замечание в контексте просветительской идеологии несет в себе еще один смысл. Дело в том, что, согласно просветительской концепции общественно-исторического прогресса, всеобщее распространение *просвещения* ведет к постепенному исчезновению «*тьмы*» народных обычаев (воспринимавшихся не иначе как порождения невежества), вместе с которыми исчезают и границы, разделяющие народы. В первую очередь это, конечно, касается Европы: слова о том, что «везде одни люди и везде одни страсти», восходящие к известным высказываниям Д. Юма²¹, то и дело встречаются в текстах россиян, путешествующих по Европе. Таким образом, культурное единообразие той или иной страны становится показателем высокого уровня просвещенности. И наоборот: «отстающие», недостаточно цивилизованные страны отличаются весьма пестрым «этническим составом». Это касалось, в первую очередь, Востока и других неевропейских регионов. В самой же Европе к таким «малоцивилизованным» регионам относились Балканы, а также Восточная и отчасти

Центральная Европа²². В этом контексте упоминание о «смешении языков» в Венгрии вряд ли было нейтральным сообщением – оно косвенно свидетельствовало о невысоком уровне цивилизованности этой страны²³. Однако такое критическое восприятие описываемых стран (в полной мере это относится и к Галиции²⁴) и снисходительное отношение к местному населению, еще не до конца избавившемуся от «варварских обыкновений», отнюдь не исчерпывало этнических представлений путешественника.

Возвращаясь к теме отношения В.Б. Броневского к местным жителям, отметим, что приведенные выше фрагменты о пересечении венгерской границы свидетельствуют, что образ руснаков в сознании путешественника окрашен позитивно, причем степень позитивности возрастает по мере развития повествования (то есть по мере продвижения вглубь Карпатского массива): если в районе Мишкольца с руснаками лишь связываются некоторые неопределенные надежды на позитивные перемены, то у Дукли они однозначно *радуют* путешественника. Следовательно, можно говорить о формировании позитивной установки по отношению к данной общности, связанном, возможно, с учащением личных контактов и возможностью непосредственного взаимодействия.

Руснаки вызывают явную симпатию автора в отличие от венгров или евреев («жидов» в его терминологии²⁵). Они более трудолюбивы (по крайней мере, с ними связывается вид обработанных полей²⁶ – I:150) и более просвещенны (В.Б. Броневский рассказывает о том, что иконы русского живописца – лучшие в Мишкольце – I:138). Основой такого положительного отношения к этому народу является представление о культурной *близости* между руснаками и той общностью, к которой принадлежит сам путешественник. Причем эта близость проявляется в разных сферах: представители обоих народов говорят на одном языке (что само по себе существенно облегчает взаимопонимание), имеют общие черты как в народном костюме, так и в характере, и, наконец, они являются «единоземцами». Судя по всему, под этим подразумевается, что у местных «русских» и у русских-россиян общая историческая родина. Иначе говоря, они воспринимаются путешественником как *свои*. Впервые на страницах «Путешествия» они появляются как русские, которых лишь *«здесь называют руснаками»*. Ниже степень близости уточняется: говорится, что руснаки и русские имеют общих предков: «До самой Черновицы... все места носили русские названия... Я забыл, что, приближаясь к Карпатским горам, приближаюсь к родине славян. Вспомнив, что эти руснаки составляют воинственное поколение тех славян, кои при всеобщем переселении народов поселились по южную сторону Карпатов, мне весьма

приятно было заметить, что они сохранили все древние качества наших прародителей, несмотря на то, что окружены разноплеменными народами» (I: 160).

Последняя фраза оказывается весьма существенной для реконструкции представления автора о русинах. В сущности, она обнажает сугубо этническое представление о руснаках-русинах как о народе. В соответствии с этим представлением (которое, судя по другим сочинениям этого автора, было для него весьма характерно), под народом понимаются не просто жители той или иной страны / области, а этническая общность, обладающая набором определенных отличительных свойств. Совокупность этих свойств передается от предков потомкам, и в разных случаях эти качества сохраняются в большей или меньшей степени. При этом (как следует и из приведенной цитаты) иноэтничное окружение препятствует сохранению обычаев предков²⁷, контакты с иными народами ведут к исчезновению наследственных качеств - древних «обыкновений» и «размыванию культурного генофонда» народа, что в рамках данной концепции, рассматривающей эти качества как несомненную ценность, не может не получить негативную окраску. Генетическая метафора в данном случае представляется вполне уместной, поскольку наиболее адекватно передает сущность описываемой «концепции этноса».

Такая интерпретация актуализирует дискурс родства, в рамках которого становится возможным реконструировать родственные связи между разными народами. К самым близким «родственникам» русских путешественник относит другие славянские народы. По словам В.Б. Броневского, все славяне – «братья по крови»²⁸. Их родство проявляется в самых разных сферах – в обычаях, музыке, языке (I:28, 53). Руснаки же – одно из «поколений» славян, населяющих Венгрию, наряду с хорватами, русскими, поляками, богемцами и др. . Именно общность происхождения объясняет их культурную и языковую близость с русскими. И именно родственная связь определяет их взаимные симпатии³⁰. В этой связи показателен рассказ о поездке по окрестностям Кошице: «Утром пустился по дороге во весь дух, по-русски. Действительно по-русски, ибо не знаю, какую волшебную силою, только в самом деле я очутился в России. Извозчик мой, Гаврила, назвал себя руснаком, чисто говорит по-русски и исповедует *греческую веру*» (I:159). Русский извозчик привозит офицера в русскую деревню, где он получает исключительно теплый прием: «Вся деревня взбегалась; меня привели к священнику, мало с радостию, а с восторгом меня принявшему. Не знаю, что сказал ему Гаврила, только я видел, что с всех сторон несли готовое кушанье. В минуту уставили большой стол всем, чем кто был богат. Дочь священника спешила изготовить кофе, и кре-

стьяне, женщины и дети, один за одним входили в горницу, безмолвно кланялись и почтительно выходили» (I:163). Описывая этот прием, В.Б. Броневский объясняет его ничем иным, как родственными отношениями: «Радушное гостеприимство потомков славных наших пра-родителей меня очаровало».

Отмечая этническую интерпретацию путешественником наблюдаемой реальности, нельзя не оговориться, что такая трактовка выглядит естественной и как бы само собой разумеющейся лишь для современного читателя, который с трудом допускает возможность безэтнического существования и для которого этническая принадлежность является врожденным и неотъемлемым качеством человека. Между тем, в начале XIX в. ситуация была совсем иной: для общественного сознания того времени гораздо важнее были иные характеристики – такие, например, как подданство или конфессия. Этничность же только-только рождалась в сознании просвещенных современников, и ее "открытие" (или конструирование) вызывало большой энтузиазм.

Так и В.Б. Броневский был необыкновенно воодушевлен осознанием далекого родства, этнического единства и культурной близости географически разделенных народов. Поэтому его неизменно радуют, очаровывают и восхищают всякие свидетельства общности и сходства русских с другими славянами. На этом фоне даже религиозные отличия кажутся незначительными: «В церкви те же украшения, только алтарь не отделяется иконостасом, а походит на католический жертвенник. Служба отправляется на славянском языке, и я не заметил никакого отличия от нашего священнодействия, кроме того, что на эктении упоминают Папу. Священники, которых здесь называют ксендзами, ходят без бороды, с обстриженными волосами, и в таком же платье, как католические ксёны. Церковное же облачение униатских попов точно такое, как у наших» (II:7).

Принадлежность руснаков к «славянскому племени» было для В.Б. Броневского наиболее важной этнической характеристикой, то есть «славянскость» становилась главной составляющей «русинства». Такой взгляд создавал условия для расширительного трактования термина «руснак», а учитывая невысокий уровень языковой и этнографической компетенции путешественника, к руснакам им могли быть отнесены и другие славянские народы. Не исключено, что именно этот фактор послужил основанием для отмеченных Б. Струминским преувеличений и искажений ареала расселения руснаков в книге В.Б. Броневского.

* * *

Подводя итоги, можно заметить, что образ русинов в сочинении В.Б. Броневского сформировался под воздействием той традиции ли-

тературного путешествия, которая сложилась в России в конце XVIII – начале XIX в. При этом решающее воздействие на складывающееся представление оказали два фактора: восприятие путешествия как просветительской практики и этнографический ракурс описания. Снисходительный взгляд *просвещенного* путешественника разглядел в описываемой действительности целый ряд признаков, подтверждающих невысокий уровень цивилизованности местного населения. В то же время внимание к этнографии позволило увидеть массу качеств, сближающих руснаков с россиянами, что стало основой для выработки устойчивого позитивного отношения к описываемому народу.

На основе анализа текста «Путешествия» можно утверждать, что его автору было присуще этническое представление о руснаках-русинах как о народе. В его глазах это был один из славянских народов, обладающий набором отличительных свойств, передаваемых от предков потомкам. Следует подчеркнуть, что конкретное значение термина «руснак» во многом зависело от контекста и в разных ситуациях могло обозначать несколько разные вещи. В этом заключается особенность «путешествия» как этнографического текста и его отличие от современных научных описаний. В отличие от ученого-этнографа, путешественник не оперирует формальными понятиями, за которыми закреплено одно единственное значение, поэтому используемые им «термины» нередко требуют расшифровки. Это, конечно, заметно усложняет анализ текста, но является единственным путем для реконструкции интересующей нас реальности – реальности сознания путешественника.

ЛИТЕРАТУРА

1. О В.Б. Броневском см.: Русский Инвалид. 1835. № 91. С. 364, №118. С. 471-472; *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: от Радищева до декабристов. М., 1980.
2. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 гг. Ч. I - IV. СПб., 1818-1819.
3. См., например: Сын Отечества. 1819. № 21. С. 49; 1820. № 48. С. 51.
4. *Броневский В.Б.* Записки... Ч. III. СПб., 1818. С. 229.
5. Сами корабли остались в итальянских портах и позже были проданы. Судьба же оставшейся части эскадры была решена благодаря умелым дипломатическим действиям Д.Н. Сенявина: по договоренности с английской стороной российские корабли были проведены сначала на портсмутский рейд и затем в Кронштадт.
6. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г. Т. I - II. СПб., 1828. Далее сноски на это сочинение даются в тексте с указанием римскими цифрами - тома и арабскими - страниц.

7. *Роботи Т.* Литература "Путешествий" // Русская проза, Л., 1926. С. 48.
8. То есть территория т.н. Угорщины и Пряшевщины.
9. *Соколовский С.В.* Этничность как память: парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994. С. 13-14.
10. О разных «концепциях этноса» в материалах путешествий см.: Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 21 – 37.
11. См., например: Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. СПб., 2003.
12. *Куприянов П.С.* Материалы путешествий в этнографическом исследовании: традиционные источники в новом ракурсе // Этнографический источник. Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004. С. 97-102.
13. *Струмінський Б.* Територія. Историчний нарис поглядів // Лемківщина. Земля – люди – історія – культура. Т. 1. Нью-Йорк – Париж – Сидней - Торонто. 1998. С. 46.
14. *Соколовский С.В.* Этнография как жанр и как власть / Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. М., 1995. С.138; *Рокитянский В.Р.* Чего ждать от постмодернистской этнографии? / Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994. С. 84.
15. По меткому наблюдению В.Л. Каганского, «путешествие обостряет идентичность путешественника именно в силу мощной и разнообразной жизни с границами и в границах» - *Каганский В.Л.* Путешествия и границы / Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. СПб., 2003. С. 9.
16. Еще в середине XVIII в. Ж.-Ж. Руссо призывал к изучению «не камней и растений, а людей и нравов» – *Руссо Ж.-Ж.* О природе неравенства. СПб., 1901. С. 139. О том, что этот призыв был актуален на протяжении долгого времени, говорит повторение его В.Г. Белинским почти через девяносто лет в рецензии на книгу П.М. Строева о Париже: «Стены ничего не значат: важны только люди...» – *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. VI. М., 1955. С. 58.
17. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 229. Ср. слова В.А. Жуковского, сказанные в связи с рассуждением об образовании: «Теория, повторяю, есть карта необходимая для путешественника, практика есть само путешествие, которое только с картой будет верно» – цит. по: Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия XVII – первой трети XIX в. М. 2002. С. 281.
18. *Струмінський Б.* Указ. соч. С. 46.
19. *Соколовский С.В.* Вещность и власть в обыденном сознании (автоэтнографические этюды) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 7. М., 2001. С. 97.
20. Описание основных топосов, связанных с данной ситуацией см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в эпоху Просвещения. М., 2004.
21. О взглядах Д. Юма см.: *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С.310.

22. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 76 и далее.

23. Вероятно, ту же функцию выполняют и «удивительные», по мнению Б. Струминского, слова путешественника о том, что после деревни Черновице ему «начали встречаться имена (*топонимы – П.К.*) манджурские, китайские, немецкие, так что иные и не выговоришь...» (I:160). См. *Струминський Б.* Указ. соч. С. 46.

24. Ср., например, такой пассаж: «Проходя Галицию, путешественник немного найдет предметов, достойных почему-либо особенного замечания, ибо, по мере удаления от классической Италии, памятники древностей, зодчества, живописи и других изящных искусств, означающих образованность народов, постепенно исчезают. Здесь и следов их не видно: все представляется, как было при сотворении мира, то есть одна природа, и даже человеки в первобытном состоянии, с малым исключением для небольшого числа духовенства и еще меньшим для дворянства» (II:81).

25. В «Путешествии» (в том числе в «Карпатской» части) евреи упоминаются, пожалуй, чаще, чем какой-либо другой народ, и их описание строится на распространенных антисемитских топосах исключительно в негативном тоне.

26. «По мере удаления от Венгрии поля казались лучше обработанными, и самые селения, несмотря на жидовскую неопрятность, лучше построены и расположены» - II:4.

27. Например, «черногорцы, удержав вольность свою и имея мало сообщения с иноземцами, сохранили в полной чистоте коренной славянский язык. Выговор их мягче и приятнее, нежели сербов, кроатов и далматов, ибо первые мешают славянские слова с турецкими, вторые с немецкими, а последние с итальянскими» - Броневский В.Б. Записки... Ч. I. СПб., 1818. С. 249-250. «Порчу» языка В.Б. Броневский отмечает и у руснаков: «Язык, употребляемый крестьянами, хотя местами и много испорчен, но мы понимали его так, как бы были в России» (I:192).

28. *Броневский В.Б.* Записки... Ч. I. СПб., 1818. С. 290.

29. «Различные поколения славян, как то кроаты, иллирийцы, хорваты, русские, поляки, богемцы составляют большую часть народонаселения Венгрии» (I:336).

30. По словам самого В.Б. Броневского, интерес к славянским народам для русского человека естественен именно в силу общеславянского единства: «Я постараюсь собрать для тебя, любезный друг, разные полезные... сведения и в общей картине изображу нравы и обычаи жителей, по сродству с нами заслуживающих особенное внимание», - замечает путешественник, предваряя свой рассказ о жителях Крайны (I: 24).

Богдан ГОРБАЛЬ

ГАЛИЦЬКІ СТАРОРУСИНИ І РУСОФІЛИ І ОДНОШЫНЯ ДО НИХ ГАБСБУРСКОЇ І ЦАРСКОЇ МОНАРХІЙ ДО 1914 РОКУ*

Історіографія

В векшости історичных праць приймає ся, што в другій половині ХІХ-того віку в Галичині існували дві національні орієнтації серед Русинів¹ - українська і русофільська. Часто підкрисляє ся што так русофільська як і українська ідеї были імпортувані до Галичини з Росії². Українці підкреслили етнічний зв'язок з людьми в Росії званіми Малоросіянами. Русофілі тіж ся до того зв'язку признавали, але не виділи они великої різниці меже Малоросіянами і галицькими Русинами а Росіянами і постерігали вшытких східных славян як част нероздільной руской нації. Хоц до часу революції 1848 року, в здомінуваній през польску культуру Галичини, векшы впливы мал мати протонаціональний рух в якого центрі стала Руска Трійця³, од років 1850-х до 1870-х перевагу здобули русофілі, котры одначе в 1880-х роках цілковито заламали ся і руску Галичину на добре здомінувал рух українській.

Галицьке русофільство описувано уж од давна, але в векшости праць представляно чорно-білий його портрет – негативний або позитивний. Радянська історіографія, ідучи за негативними оцінками русофільського руху в працях Владимира Леніна, представляла галицьких русофілів як деморалізованих реакціонерів на утримані царской імперії. Українська (з перед 1939 року в Галичині і еміграційна) історіографія, смотрячы ся з перспективи українського руху, представляла їх як національних ренегатів. Хоц обі тоты історіографії мали свої принципи різниці, сходили ся они на тым, што русофільство было штучним твором – результатом російських інтриг в Галичині.

В радянській і (так давнійшій як і теперішній) українській історичній

---

* Цілю того допису є подати загальний вступ до теми операючи ся на найновшій історичній літературі. Перегляд значучой части той літературы зробил Мар'ян Мудрий, "Галицьке русофільство в сучасній історіографії: стан і перспективи дослідження", *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність* 9 (2001): 254-280.

літературі часто спостерігат ся внутрішні поділы в русофільськым руху, але трактує ся іх маргінальні. Прикладово на поділы тоты звертал уж увагу Микола Андрусяк в його часто цитуваній праці **Гене́за й характер галицького русофільства XIX-XX ст.** (1941). При описувані неомало каждой праці згаданой в перегляді літературы про русофільство Марян Мудрій подає што історикы спостерігают внутрішні в ним поділы⁴, котры далі опишу як ріжници медже старорусинами і русофіліями. Хоц тоты ріжници сут спостеріганы, старорусинство трактуване є як початкова версія русофільства, а новокурсництво як його кінцева версія домінуюча од перелому XIX і XX віку. Як бы так фактичні мало быти то як вытлумачити існуваня староруського руху до часу Першой Сьвітової Війны і в зорганізуваній формі по 1918 року в одродженій польській державі?⁵

Часто в українських і польських працях трактувало і трактує ся русофілів барз ворожо⁶ і до гнеска часто називат ся іх рух москвофільськым, або москвофільськым хоц назвы тоты впроваджены были през українських народовців як форма політичної маніпуляції⁷. Підкрислити одначе треба, што протягом остатнього десятиліття українська історіографія зробила поступ на поли наукового вивченія генезы і розвитку галицького русофільства трактуючы його як органічну частину українського руху, певний перехідний етап в його розвитку⁸. Крім української і польської історіографії русофільством цікавлят ся тіж історикы з інчых держав, особливо німцецкы і російскы.

Згідні з інчым схематом еволюції національних поглядів галицькых Русинів в другій половині XIX віку в Галичынї існували три орієнтації – староруська, українська і русофільська (новокурсники)⁹. Згідні з тым схематом перед 1870-ми роками серед галицької інтелігенції існували (з деякыма вынятками) лем старорусины з котрых при кінці 60-х і протягом 70-х років одлучыли ся українскы народовці, а пізнійше русофілі (новокурсники).

Старорусины

Староруську орієнтацію мож бы назвати Русь-офільством, бо модельом для старорусинів была **Slavia orthodoxia**, культурна нація Руси, яка покликувала ся на спільну спадщину Київського князівства. Вытворіня ся той орієнтації повязане было з льокальным суспільном і сьвітоглядном сытуаціом¹⁰. Домінували в тым руху руськы провідники, вихованы на системі вартости австро-німецькой і польськой высокої культуры, котры розуміли старорусинство як проект протівставляючий ся польській шляхецькій культурі в Галичынї. Часто лекше ім было повісти ким они не сут, але не все добрі знали повісти ким они

сут¹¹. Были они льокальнымя патріотамы, вірнымя підданымя Габсбургской Монархіі котрых патріотизм не сягал за границу, хоц декотры з них позерали на Росію з надійом на національне спасіня і евентуальні выхали на схід¹².

Чом староруска ідея стала ся так атракційном для галицкых Русинів? Зато што мали в себе дома тівко проблемів. На сам перед пришло невыполненя през державу національных жадань 1848 року і десяат літ абсолютизму, пізнійше проект латинізації кирилиці (1859)¹³, і репресії против руху за реформу ритуалу початку 1860 років¹⁴. З поділом державы в 1867 року, попереана през Відень польска економічна і політична домінація в Галичынї ішы барже зміцнила ся і сытуація Русинів стала ся ішы тяжшом. В своїх контактах з Відньом Полякы прібували выступувати в імени єдиной, єднорідной «галицкой» (польской) нації. Очевидным є, што такы пробы выкликали протест серед місцевых рускых патріотів, котры зьєдналися з цілю обороны свого обряду і культурных прав. Колиси ворожы традиційны одгалузіня галицкого руского руху зас зишли ся: деякы протопопулістскы активісты руского одроджыня зьєднували ся в 1850-х роках з консерватывнымя церковнымя функціонерамы; романтичне словянофільство і просвьітницькій активізм змішувал ся з клерикальним консерватывизмом¹⁵. Штобы забезпечыти права до власной ідентычности, жадали они адміністратывного поділу Галичыны на західню (польску) і східню (руску) частыны, з правом адмініструвати в остатній взамін за льоаяльніст до Відня. Польській табір, зо свого боку роблячы вшытко, штобы скомпромітувати іх в очах центральной влады, старал ся представити рускых патріотів як російскых агентів, котры нобы то плекали російску ірреденту в Габсбургській імперії.

Заінтересуваня Росії

Не было того оскаржыня тяжко пропагувати бо подібні як старорусины, до спадщыны Київской Руси признавала ся тіж Росія і не спосіб было деякым кругам російского суспільства не зацекавити ся рухом покликуючым ся на приналежніст до шыроко понятой Руси. Першы контакты Русинів з Росіяныма мали місце ішы за часів наполеонскых війн, коли російска армія два раз перешла през Карпаты (1799, 1806). Не барз дуже знаме про отзвук тамтых давнійшых переходів. В 1835 і пізнійше в 1839-1840 роках во Львові перебувал основник російского панславизму Міхаіл Погодін (1800-1878). Навязал він там деякы контакты, влучуючы тоты з чы не з його головным одномумцьом в Галичынї, істориком Денисом Зубрицкым (1777-1862)¹⁶. В 1849 року головна армія князя Івана Паскевича (1782-1856) вошла на Угры через Га-

личину і Подкарпатску Русь. Русины были здивлены як свободні і легко можут добесідувати ся з Росиянами, а царскы воякы підкрисляли што Русины принимали їх з довірём.

Пробы Росії впливати на настрої Русинів часом спроваджали ся до роспроваджаня царской пропаганды, а часом до посыланя ім грошової або культурной (головні книжки і періодыка) помочы. Так прикладово в 1872 року розишла ся серед Русинів здумана вістка, што Франц Йосеф погнівал ся на Поляків і оддал Галичыну царю, котрий одраз буде посилати там військо, котре буде роздавало хліб і рублі¹⁷. Пошырюване переконаня о добродійности царя мало барз добру рецепцію серед економічні страждаючых галицкых селян¹⁸.

Як што ходит о поміч фінасову то в 1866 якісу суму на підтримку «галицкых русских» выложыл Міхаіл Погодін, а в роках 1868-1870 што-річну субвенцію діставала львівска газета **Слово** (одповіднію 500, 250 і 300 рублі). В 1868 року за 500 рублів мож было купити в Варшаві (Росия) шіст тон пшениці¹⁹. В перерахуваню на австрийскы грошы 500 рублів вартало деси 810 гульденів, за котры во Львові мож было купити менше веце таку саму кількіст пшениці як в Варшаві. Для порівняня додам, што на початку 2005 року в Польщы мож было купити тону пшениці за деси 440 злотых, а в Злученых Державах за деси 128 дулярів.

Од років шістдесятых періодычну поміч старорусинам посилали словянскы добродійны комітеты. Московскій і санктпетербускій комітеты робили тото як част їх помочы австро-угорскым словянам, а київскій комітет властиві занимал ся лем Галичыном. Зо взгляду на тото што комітеты тоты фінансуваны были через Міністерство Народной Просьвіты поміч тота была посередньо фінансувана через російскій уряд. Московскій комітет в 1863 року на посылку книжок австрийскым славянам выдал 120 рублів, в 1864 *незначительние суммы*, в 1865 року 55 рублів, а в роках 1866 і 1867 уж нич²⁰. В 1863 року за 120 рублі мож было купити в Варшаві деси дві тony пшениці. В тым самым часі кваліфікуваний робітник зараблял в Росії пересічні 15-20 рублі місячні, а професор університету 250²¹. Ціла тота акция помочы австрийскым словянам не набрала в Росії загального розміру, а лем ограничена была до консервативно-словянофільской части російского суспільства²².

Ци не найвекшу ролю в шістдесятых роках Росия одограла як держава взглядом котрой каждый з національных рухів серед галицкых Русинів мал спрецызуване, позытывне ци негатывне, наставліня і вколо нього будувал свій політичний програм²³. В роках 1876-1879 Росия не зас признали **Слову** субвенції (згідні з пунктом 5-м Емского Указу), але грошы (1 000 рублі каждого року) николи до Львова не доіха-

ли²⁴. Новий начальник поліції, Александер Романовіч Дрентельн (1820-1888) не лем перевел доходжыня што ся стало з грошами, але тіж розознал ся ліпше в політиці старорусинів дознаючы ся што полной згоды медже цілями старорусинів і російського уряду *далеко не суще-ствуєт*. Згідні з тым, перше запропонувано зменшыти субвенцію до 500 рублів, але остаточні в 1880 здецыдувано цілковито ей знести. Політыка Росії взгядом Русинів была в тым періоди барз неконсеквентна і пасывна²⁵.

Розвиток Старорусинства

З російськыма субвенцыяма ци без них **Слово**, друкуване два раз на тыжден, розходило ся в шістдесятых роках в 1 500 примірниках (українська Мета, для порівняня, продукувалася в 400-500 примірниках і з powodu фінансової кризи перестала виходити в 1865 року)²⁶. До основаня Слова в 1861 приложыл ся галицкий метрополит Григорій Яхимович (1792-1863), але найвеце грошы выложыл галицкий філянтроп Михайло Качковский (1802-1872). Одначе уж по трьох місяцях існуваня **Слово** продавало ся так добрі, што дальша фінансова поміч Качковського не была потрібна²⁷. Пропагуваны през газету ідеї звернули на себе увагу державных цензорів. По тым як сконфіскувано но. 56 в 1863 поступили дальшы інтервенції цензуры так што редакция змушена была печатати деякы номеры од нова, без оцenzурованых дописів²⁸. Медже 1867 а 1881 роком цензура цілковито сконфіскувала 33 номеры **Слова**²⁹, котре печатало ся до 1887 року (од 1873 рока три раз в тыжден). Выдавали ся тіж інчы періодикы: **Страхопуд** 1863-1868, 1872, 1880-1882, **Учитель** 1869-1874, **Ластовка** 1869-1881, **Друг** 1874-1877, **Весна** 1878-1880 і **Господар і промышленник** 1879-1886. Серед передовых діятели староруского руху были: Яков Головацкій (1814-1888), Іван Наумович (1826-1891), Богдан Дідицкій (1827-1908), Николай Устьянович (1811-1885), Антон Петрушевич (1821-1913), Ізидор Шараневич (1829-1901). Од 1851 рока існувал во Львові Рускій Народний Дім, а активну діяльність провадил тіж Ставропигійській Інститут³⁰, котрий печатал **Временник**. В 1861, по численних прошынях затверджыня през власти ей статуту, по штирнадцетьох роках одновила діяльність Галицко-Руска Матица, котра од 1865 зачала выдавати **Науковий сборник**, пізнійше переіменуваний на **Литературный сборник**³¹.

Старорусины были тіж активны в політиці, систематичні впроваджаючы послів до галицкого сойму. Найвекший sukces рускы послы однесли в першых выборах здобиваючы 52 місця. Пізнійшы польскы маніпуляції не позволили на подібний sukces³², так што кількіст рускых послів поступово зменшала ся з каждым наступном каденцией і

так в роках 1867-1860 было іх 36-тіох, в 1870-1876 зас 36-тіох (32-ох старорусинів), а в 1877-1882 18-тіох (14-тіох старорусинів)³³.

Єдним зо староруских послів (в 1861 року до галицкого сойму, а в 1872 до рейхсрату) был Иван Наумович. Звернул він на себе увагу австрійской адміністрації славным дописом «Поглядь в будучность», в номері 59 (1866) **Слова** в котрым підкріслял звязок Галицкой Руси з інчыма частями Руси знаходячыма ся за східным кордоном. Допис тот часто ся пізнійше цитувало през істориків, а спеціальні тоту його част в котрій Наумович пише што **мы настоящіи русскіи**. Тото, в українській історічній літературі переводило ся на **справжні росіяни**, блудні переносячы гнешні національны реалія до девятнатцетвічної Галичыны. Як підкрісляют Аркуша і Мудрий³⁴, Наумович не выділ ріжницї медже Русинами а Росіянами а простором його національного думаня была Русь, котру не мож порівняти з гнешньом Російом.

В 1871 року Наумович зачал выдавати в Коломиї місячнык **Науку** і два раз в місяц політичну газету **Русская Рада**. Тота остатня была органом політичної організації о тій самій назві основаной в 1870 року³⁵ як континуація розвязаной в 1853 року Головной Руской Рады. **Наука** дішла до шырокого чытача за справом своїх 1 500 примірників. Оба виданя пережыли іх основника³⁶.

Для дальшого зміцнення староруского руху Наумович основал в 1874 року за грошы згаданого уж Качковского просьвітну організацію, Общество ім. Михайла Качковского. Організація тота не діставала ниякой помочы од державы і аж до 1910 року утримувала ся зо складок членів, жертв³⁷ і грошы заробленых з продажы видавництв. До часу Першой Сьвітової Війны половина ей каждорічного бюджету ішла на редакторску і видавничу діяльніст так што напечатано веце як 400 позицій в цілковитым тиражу правдоподобно деси 2,5 міліяона примірників. До початку двадцетого віку, Общество ім. Михайла Качковского было найвекшом культурном організаціом в Галичыні, през котру в роках 1874-1912 перешло 25 000 люди і на котрой зьїзды приїжджало до 5 000 осіб³⁸. В 1900 року доходы общества виносили 42 854 короны (рівновартіст деси 275 тон пшениці), його дім во Львові вартал 200 тисячы корон і посідало оно два будинки в Бродях і землю в пару місцевостях³⁹.

Процес Ольгы Грабар і його наступства

Хоц старорусины тішили ся векшым впливом на галицке суспільство од того яке мали народовці і здецидувані домінували до початку років 1880-тых єден політичний процес і ряд звязаных з ним здарінь потряс нима і неомало цілковито іх знищыл. За тым добрі розвиваючым

ся рухом уж вчаснійше слідили власти. В 1867 звільнено з праці на Львівськым університеті Якова Головацкогo і перепроваджено ревізію в нього дома глядаючы доводів на звязкы з Російом. Тимчасом Головацкій поїхал до Москвы де мала місце Всеросійска Етнографічна Выстава, на котрій за справом професора Московского університету Ніля Попова (1833-1891) зорганізувано словянскій одділ. Хоц нич нелегального властям не повело ся найти в Головацкогo, не дозволено йому вернути на університет і приділено му так малу пенсію, што не міг він выжывити родини і зато в 1868 року переселил ся він до Росії⁴⁰.

В 1882 року мешканці села Гниличкы постановили спровадити до себе православного священника а листа в тій справі написал на їх прошене Іван Наумович. В наступстві того одраз доведено до великого політичного процесу о не што інче як зраду головну (зраду державы). Процес, популярні званий процесом Ольгы Грабар⁴¹, мал місце во Львові од 12-го червця до 28-го липця 1882 року (41 засідань). Судило ся там єденатцет осіб влучаючы Івана Наумовича з двома сьнами і председателя Общества ім. Михайла Качковского Віктора Площанского (1834-1902). На спеціальне жычыня угорского премера до оскаржених долучено русинского діяча з південной страны Карпат Адольфа Добрянского (1817-1901)⁴², котрого дівком была Ольга Грабар.

Хоц властям не повело ся довести головной зрады пару осіб, в тым Наумовича, засуджено на пару місяци вязниці за діяльність, котра могла довести до публічного безпорядку. Само лем оскаржыня о головну зраду (окрісляючых самых себе вірными громадянами Австро-Угорской державы) старосукых діячів потрясло їх рухом. На десятый зьїзд Общества ім. Михайла Качковского, котрий розпочал ся во Львові недолго по закінчынню процесу, приїхало лем 160 делегатів⁴³. Наступства процесу были дуже векшы. Добрянского примусили власти лишыти Галичыню і рещту жытя перевел він во Відні і головні в Інсбруку, де гмер. Пторягом наступных пару років ряд старорускых діячів выїхал до Росії значучо ослабляючий староруский рух і дальше выставляючы його на крыткы за російскы контакты. Без взгляду на апеляцію Наумович змушений был одсідити свою кару і недолго тіж выїхал до Росії⁴⁴, вчаснійше приймаючы Православіє. Тото дало оказию до екскоммуїкуваня його през Католицку Церков, а цілю того, як ся здає было тіж дальше знищеня його імена як лідера. Іщы в 1882 року церковны власти обурены православном інтригом в Гниличках одкликали метрополита Йосифа Сембратовича (1821-1900) до Ватикану де перевел він рещту жытя⁴⁵. Його місце во Львові занял Сильвестер кардинал Сембратович (1836-1898). Хоц Свято-юрска церков лишыла ся під управом человека з той самой родини наступила там велика зміна. Коли Архієпископ Йосиф был старорусином, його братанок кардинал Сильвестер был прихильником українской идеології і таких собі добе-

рал спілпрацівників. Єзуїтам оддано процес зреформування галицкых монастерів а в семінариях зачато провадити про-українську політыку, што довело до высвячєня чыслєнных священників, котры пізнійше ставали в рядах української національної діяльности в їх парохіях. Львівській собор 1891 року здєцидувал впровадити фонетичний запис до церковных документів⁴⁶. Зачынаючы од зверхників Греко-Католицка Церков зачала набєрати штотаз барже українського характеру хоц, як будеме выдїти далї, тот процес был барз долгий.

Старорусины потерпіли тіж в выборах 1883 року впроваджаючы до сойму лем 4 послів (народовці мали пятьох)⁴⁷. Хоц негативне постєріганя політичного процесу муєло мати значєня в часї выборов (в жадных інчых выборах до галицкого сойму не выбрано менше рускых послів) польскы манїпуляції выборчы здає ся мали не менший вплив. Інтересуючым є подати, што так в выборах 1883 як і в наступных (1889) народовці виступили в єдным бльоку выборчым зо старорусинами хоц перед обома кампаніями мали пляны зорвати з їх традиційном коалїційом і добєсїдувати ся з польскыма демократами⁴⁸. Одначе традиційна меджепартыйна выборча солїдарність і консолїдація галицкых «твердых» (старорусины) і «мягкых» (народовці) Русинів была під конец років 1880-тых спостєрігана як близкий до сакрального ідеал, а страх перед єй розривом был неомало панїчным⁴⁹. Очывидно брало гору переконаня, што польскы впливы сут так міцны же Русины муєят быти сконсолїдуваныма.

Поборюючы старорусинів власти не затримали ся на процесї. Піддано контролі їх інституції і спеціальны газеты. В 1882 року **Слово** конфїскувано 16 разы, в 1883 - 17, а в 1885 19 разы⁵¹. Хоц заострено тіж контролю над переходом люди і літературы зза схїдньої границї російскы субвенції далї до Галичыны доходили. Іщы в 1881 року Росияне одновили субвенцію для **Слова** (6 000 гульдєнів). В тым року за таку суму мож было купити во Львовї веце як 56 тон пшениці. В 1882 року **Слову** придїлили они 4 000 гульдєнів, а інчїй газетї, **Новий Пролом**, 2 000 гульдєнів. В 1884 і 1885 року **Слово** дістало 3 500 гульдєнів, а **Новий Пролом** 2 500. В 1886 року цілковита субвенція піднесена была до 12 000 гульдєнів⁵¹, за котре во Львовї мож было купити дєси 140 тон пшениці. Пізнійше, незнаной высокости російську помїч діставали тіж інчы газеты **Червоная Русь** в роках 1888-1891, **Русское слово** (1890-1893) і **Галичанин** (1893-1894)⁵².

Зміна укладу сил в Галичыні

Гвалтовне гпадїня староруского руху і моментальний ріст українского руху в половинї 1880-тых років (в 1885 року українскы народовці створили свою Народну Раду) повязати треба так з внутрішныма про-

блемами і переслідуваньом того першого през австрійскы власти як і з внутрішньом мобілізаційом того другого. Котре з тых здарінь мало векше значыня як што ходит о зміну укладу сил в Галичыні? В векшости літературы (спеціальні українскій) підкрислят ся натуральніст, соціальну прогресивніст і політичну ліберальніст українского руху як тоты чынники, котры дали йому кінцеву побіду. Спеціальну ролю привязуе ся до языковой політыкы українскых популістів. Хоц признати треба, што фонетичний правопис ближший был шыроким масам Русинів не без значыня лишат ся децызия галицкого сойму з 1892 року о выцофаню зо шкіл традиційні уживаного през старорусинів языча на корист українского фонетичного запису⁵³. Через веце як рік Руска Рада присвячала барз дуже увагы поборюваню фонетичного запису, котрий критикувано тіж в часі засідань сойму, але нич то не змінило⁵⁴.

Тота побіда українскых популістів была можлива завдяки польско-українской угоді з 1890 року. Та, так звана політыка Новой Еры, довела до розбитя в вересни 1892 Руского Клубу в галицкым соймі⁵⁵. Народовці мали тепер свій осібний парламентарний клуб (осмеро членів) а старорусины свій (тіж осмеро членів). Старорусины далі тримали ся правила, што **рускій посол в Галичыні не повинен смотрити ся ни на Москву, ни на Кийів, ци на Краків, ци на Рим, ци Царгород, але ма заступати і боронити інтересы галицко-русского населенія**⁵⁶.

Хоц уж в 1894 року і пізнійше мали місце бесіды про зеднання обох клубів, поділ тот стал ся перманентным так што в выборах 1895 року медже галицкыма Русинами не діял уж еден выборчий комітет так як то было попередньо перед каждыма выборами⁵⁷. В 1898 року народовці і старорусины спільні святкували річницю революції 1848 року але одновліня їх кооперації мало штучний характер. Підкрислити треба, што так як колиси народовці глядали порозумліня зо старорусинами штобы ліпше вказати ся на політичній сцені – тепер трачучы попере-тя старорусины глядали коаліції з народовцями. **Діло** розвивало теорію про можливіст порозумліня зо «старыма» якбы не їх **постійне баламучення моськофільською фракцією**⁵⁸.

Русофілі

Том «моськофільском» фракційом были про-російскы Русофілі, званы тіж новокурсниками⁵⁹. Выступили они на політичну сцену під конец ХІХ віку. Хоц ниякий рух не творит ся **ad hoc**, за початок руху новокурсників приймуе ся рік 1899, коли вошли они до Русско-Народной Партії. Серед головных діячів новокурсників были Пилип Свустун (1844-1916), Іларіон Свенціцкій (1876-1956), Дмитрій Вергун (1871-1951), Юліян Яворскій (1873-1937) і Маріян Глушкевич (1878-1935). Ставляли они

собі за ціль культурний розвиток галицко-руського населення в чым помічний мал быти російській язык і російска культура. Спеціальну увагу присвячано поборованю соціалізму і очывидно українского руху. Новокурсники не ошаджали тіж старорусинів і їх зненавидженой льяольности взглядом австрійской держави. Перебрали они вчаснійше контролюваны през старорусинів організації як Ставропігійській Інститут і його **Временник**, Галицко-руську Матіцу і ей **Сборник**, і тіж Народний Дім і його **Вестник**. Започаткували тіж пару новых періодыків, як **Живое слово** (1899); **Живая мысль** (1902-1905); **Голос народа** (1909-1914) і **Прикарпацкая Русь** (1909-1915). В 1908 року українска газета **Діло** назвала Общество імені Качковського агентом Москвы⁶¹. Фактичні під проводом єдного з лідерів новокурсників, Владимира Дудыкевича общество стає ся штотраз барже русофільке⁶².

Політичны лідеры новокурсників, такы як Димитрій Марков (1864-1938), Владимир Дудыкевич (1861-1922) і Микола Глібовицкій (1876-1918) отверто бесідували про русофільскы принципи во львівськым і віденськым парламенти, а Марков пішол так далеко, же давал промовы по російски. На порядку денным в новокурсників были деклярації о тяжкым положыню Підяремой Руси (рускы території в границях Австро-Угрів) і ліпшій долі Державной Руси (Росіі).

Діяльніст русофілів аж до часу Першой Сьвітової Війны лишала ся маргінальном в жыттю Галичыны, хоц на провінції мали они ішы дост велике попертя (спеціальні на прикордонній території і на Лемковині). В 1910 року деси половина священників Перемиской Єпархії і третя част священників Львівской Єпархії была русофільскых поглядів⁶³. Зато українска **Нива** оповідала ся за тым штобы не приймувати русофільскых кандыдатів до семінарів. Так і зарядил в вересни того року перемискі єпископ Константин Чехович (1847-1915)⁶⁴.

З часом тіж політична сытуація⁶⁵ стваряла русофілям можливіст шыршого заіснуваня. Прикладово заламаня ся політыкы Новой Еры і ріст українского руху привел польскых консервативных політыків (влучаючы намістника Галичыны Анджея Потоцкого) до попертя русофілів. Одначе навет з тым попертьом русофілі дали раду заняти лем пят місц в австрійськым парламенти в выборах 1907 року (народовці заняли двадцет два місця). В выборах 1913 року повело ім ся ішы гірше бо заняли лем єдно місце (народовці заняли тридцет єден місц)⁶⁶.

Перелом 1908 року

Ряд здарін маючых місце в 1908 року мал першорядне значыня для розвитку етно-національной і політичной сытуації в Галичині. В квітні, українській студент Мирослав Січинскій (1887-1979) застрілил намістника Галичыны Анджея Потоцкого (1861-1908). Новым намістником

Відень назначыл Міхала Бобжинського (1849-1935) з барже ліберальной партії Станчыків, котра характеризувала ся приязнійшым од Подоляків до українских народовців. Початком жовтня Австро-Угры анексували Босьню і Герцеговіну, што барз негативні вплинуло на їх одношыня з Російом. В тій заостреній медженародній сытуації, лем пару дни пізнійше, в галицкым соймі старорусины здецыдувані одтяли ся од новокурсників. Початком 1909 року, за справом неправильні запрошених делегатів на зъїзд Русско-Народной Партії, новокурсники переняли контролю Народного Совіта (по тым як старорусины протестаційні вышли зо сали) і преняли тіж контролю над Руском Радом⁶⁷. Здає ся, што власне тото выкрысталізуваня ся про-російской силы політичной «очыщеной» од старорускых впливів і заострена медженародня сытуація привела Росиян до векшого заінтересуваня ся дольом галицкых «Росиян».

Ішы в 1903 року основано в Росії Галицко-російске Благодійне Товариство. Згідні з його оригінальним статутом мало оно помагати лем тым рускым Галичанам, котры тымчасово або на стале мешкали в Санкт Петербургу. Цілю його было тіж повідомляти російске суспільство про історію і теперішню сытуацію Прикарпацкой Руси (Галичыны). Товариство мало серед своїх членів ряд впливовых люди, влучаючы найвижших зверхників церквіных, членів уряду і думы, редакторів головных газет, аристокрацію, високих офіцерів російской армії і представителів словянских організацій. Куратором організації стала дівка царя Миколая II – Татьяна. В комітеті котрого цілю было zorganizуваня помочы голодуючым в Галичыні нашло ся 69 осіб з найвижших кругів царской монархії⁶⁸.

В червці 1909 року Міністерство Внутрішних Справ затвердило новий статут організаційі, котрий розшырял ей крух діяльности ставляючи ей за заданя сприяня культурному зъєднаню рускых галичах, буковинців і угрорусів з російскым народом. Головом організації назначено грабійого Владимира Бобрінского (1868-1927)⁶⁹. Организация зачала классти великий натиск на пропагуваня Православія в Австро-Уграх і медже рускыма емігрантами в Америці, розуміючы што медже Русинами нерозорвальні получене оно є з Російом.

Поворот Православія до Галичыны і на Подкарпацку Русь

Поодинокы переходи на Православіє або оголошаня такого заміру мали місце в Галичыні уж вчаснійше (Сорока, повіт Слакат 1900; Залуче, повіт Снятин 1903-1904, 1909, 1911; Садки, повіт Заліщыкы 1909)⁷⁰. Причыны тых здарінь были зложены. В деяких місцях было то незадоволенія з льокального греко-католицкохо священника. Незадоволенія,

котре могло виходити з причин релігійных, національных, економічних, суспільных або їх комбінації. Латинізація греко-католицького обряду не была Русинам обоятна, што видно было уж в 1850-тых роках. В ріжних місцях селяне скаржили ся на высокы оплаты за релігійны послугы.

Велике значыня мали тіж повороти з Америки тых Русинів, котры там перешли на Православіє. Уж в 1909 року перемиский єпископ звертал своїм священникам увагу на **російську схізматицку агітацію** з Америки⁷¹. Згадаючы тоты вшыткы причыны, історикы часто забувають додати персональны пошуківаня самых Русинів, спеціалні тых котры вертали з Америки. То власне в Америці вказали ся великы проблеми якы греко-католики мали з римо-католицьком єрархієм. Тоты внутрішні проблеми, а не зовнішня агітація, привели деякых з них до глубшого призріння ся своїй релігійній сытуації і - як то они звали – до повороту до Православія. Тот процес особливо добрі видно на прикладі Карпатских Русинів, з котрых дуже в Америці перешло так релігійну як і національну трансформацію⁷². Зміна релігії в припадку традиційных (на Лемковині супер-традиційных гірских) суспільств не наступує легко. Зато до поданых внутрішных і зовнішних причын додати тіж треба існуючу симпатію до Православія і доглубне студюваня власной релігії през декотрых Русинів. Підкрислити одначе тіж треба што повязаня Православія з Російом і заінтересуваня справом царской монархії уполітичило цілу справу⁷³.

Власне з цілю спомаганя розвитку Православія і русофільской орентациі в Галичыні зобрала ся група російских і галицкых діячів в Почаєві в серпни 1911 року і в вересни 1912 року в Холмі. Заряджено товды посилати до Галичыны рускых питомців, котры вчыли ся в Жытомірській Семінарії. Теоретичні были бы они під зверхництвом патріярхы в Константинополю, але фактичні під московским патріярхом. Священники тоты мали быти спомаганы 600 рублями на три місяці⁷⁴. В 1912 року робітник зараблял в Росії од 13 до 33 рублів на місяц, а професор університету 375 рублів⁷⁵. 600 рублів выміняло ся товды на деси 1590 корон, за котры мож было купити во Львові в 1912 року деси 7 тон пшениці.

Єдным з таких молодых священників вивчених в Жытомірській Семінарії был Максим Сандович (1888-1914)⁷⁶. Реагуючы на прошыня Лемків зо села Граб, по рукоположыню в 1911 року, Сандович вернул на Лемковину і 2-го грудня одправил першу службу божу. Одраз зачали переслідувати го льокальны власти. Вісем дни тримано його в гарешті, наложено на нього кару в високости 400 корон і опечатано його дім і тимчасову церков. Піняжны кары наложено тіж на його парохіян. По наступным гарештуваню пересідил Сандович сім тижні во

в'язниці в Яслі. Третий раз гарештувано його на весну 1912 року, коли зо женом одвіждал Ігнатого Гудиму (1882-19??), православного пароха села Залуч, повіт Снятин. Оскаржено їх о міряня мосту на Черомошу і шпегуваня на річ Росі. Обвиненых перевезено до Льова, де долучено до них журналісту Семана Бендасюка (1877-1965) і студента Василя Колдру (1886-19??), але того останнього випущено за заставом в высокости 8 000 корон. Сандович, Гудима і Бендасюк пересідили во в'язниці два роки, аж до часу процесу, котрий розпочато 9-ого марця 1914 року. Вшыткых четверо оскаржено о то:

...ze w czasie od roku 1909 do marca 1912 we Lwowie i w innych miejscowosciach tajnie we wzajemnym porozumieniu, czescia jako przywodcy lub podzegacze, czescia jako bezposrednio wspoldzialajacy przedsiabrali przez podzeganie, a pierwsi trzej takze i przez szpiegowanie, takich czynnosc, ktore zmierzaly do oderwania Galicji lub jej czesci od jednolitego zwiazku panstwa lub objetosci krajow cesarstwa austryjackiego nadto oskarza Maksyma Sandowicza, ze w pierwszej polowie grudnia 1911 r. w Grabiu, istniejacej w panstwie religji katolickiej publicznie mowa wzgarde okazywal. Prokuratorja oskarza wiec wszystkich czterech podsadnych o zbrodnie zdrady glownej, z § 58 c.u.l., a Maksyma Sandowicza ponadto o zbrodnie obrazy religji z § 122 b.u.k. ...⁷⁷

По 66-тиох засіданнях суду, выступлінях оскаржених, свідків, прокураторів і оборонців, рада присяжних (девятьох Поляків і трьох Євреїв) зо взгляду на брак доводів вини, освободила оскаржених.

Інакше кінчыли ся подібны процеси в угорській части монархії, де Мадяре жыли в патологічным страху перед російськыма впливами і не позвалали на нияку російську акцію. Перебільшували они тіж значыня переходів на православіє і завзяті їх поборювали⁷⁸. Зато уж в роках 1904-1906 мали місце на Уграх три процеси (Сигет, Дебречын і Будапешт) де судило ся Русинів за перехід на Православіє⁷⁹. Найвекшым з тых політичных процесів был так званий Марамарош-Сигецкій процес, котрий мал місце од 29-го грудня 1913 до 3-го марця 1914 року. Судило ся товды 94-ріох Русинів за зраду державы бо перешли они на православіє. Серед оскаржених были священники Григорий Грицак, Николай Сабов і Алексей Кабалуок (1877-1947)⁸⁰. Остаточні сказано 33 особы. Найвекшу кару дістал Кабалуок (4,5 рока в'язниці і тисяч корон кары). Сабов дістал три роки в'язниці, а інчы од 2,5 рока до 6 місяци в'язненя. Наложено тіж на них кары піняжны, разом в высокости 6 800 корон. Процес одбил ся ехом в цілий державі і за границьом. Слідил його на місци грабія Бобрінській, а цар Миколай II по оголошіню выроку подарувал Кабалуокови золотий хрест за його заслугы для Православія.

Весном 1914 року австрійскы власти оціняли што в їх державі было деси 400 сел в котрых 5-10 родин перешло на так зване православіє.

Вшыткы тоты села были в перемискій і львѡвскій епархїях. Дальше двѡста сел могло перейти на Православїе коли бы заїснувала прихильна для того сытуаця. Оцїняно тїж што десѡ 12-20 новых мїсіонарѡв зачало свою працю⁸¹.

Лїтом 1914 року розпочала ся Перша Сьвїтова Вїйна, котра хвилѡво перервала дуже заходячых вчаснїше процесѡв жебы лем додати до них веце анїмозїї і контрѡверсїї. Векшїст історикѡв не лучыт причын вїйны з внутрїшньѡм сытуацїѡм в Галїчынї⁸², хоц в декотрых украинскых середовїсках вїрїло ся што головном причыном вїйны был росїйскїй замїр знищыня галїцкоґо украинства (адже тым самым замїр спертя льѡкального русофїлізму). Тому перечат принципїя полїтыкы Росїян в окупуванїй Галїчынї (1914-1915), де замїром росїйскых центральных власти – згїднї з оцїном Бахтурїны⁸³ - ани не была русифїкаця, ани насилний розвиток Православїя (хоц нижша, шѡвїністична адмїністраця і деякы церкївны зверхникы до того часто змїряли)

Конклюдїї

Помїч Росїї для старорусинѡв не была велика і не была систематична, може за то што не были они выстарчаючо про-росїйскы. Хоц деякы з них або мали, або перешли на здецѡдуванї про-росїйске становїско, векшїст старорусинѡв лишала ся льѡкальными патрїѡтами і льѡяльными пїдданыма австрїйской державы. Можливе, што то тверджыня за далеко їдуче, але смотрячы ся на дїяльнїст старорусинѡв выдае ся, што часом ближше їм было до украинскых народовцѡв як до новокурникѡв. Тѡта близкїст і заґорѡза зо стороны Полякѡв стваряли сытуацїю в котрїй народовцї і старорусины спївпрацовали, як то было в часї выбѡрчых кампанїї, або штонайменше прїбували дїйти до порозумлїня.

Хоц старорусины были переслїдуваны през державу в котрїй мешкали цѡ не векше значыня для їх гпадїня мала їх власна полїтыка. Павло Роберт Маґочїй їде так далеко, што твердїт же як хтѡси хоче зрозумїти чѡм украинска орендаця выграла, то мусїт знати чѡм старорусины і новокурникы проґрали⁸⁴. Згїднї з їґѡ переконаньѡм, старорусины проґрали бо не розвинули своей їдеолоґїї, котра оперта была властивї лем на неґацїї⁸⁵. Аркуша і Мудрий пїдкрїсляют, што свого часу старорусинство вїдїграло свою «вїдпорну» роль, децо стрїмавши полонїзацїйны процеси⁸⁶. На їх думку, пїд конец 19-ѡго вїку їдейнї і організацїйнї вычерпало ся оно, збереґаючы лем неґатывны моменты, на яких не могла вырости здорова полїтычна сила. Важном справѡм было тїж то, што хоц старорусины користали в своїх выданых з льѡкальной, народной бесїды, то не лем все додавали до нѡй церкївно-словянскы і росїйскы слова, але тїж для потреб выжшой культуры

властиві воліли російську мову. Єдним з великих проблемів староруського руху було то што николи не зміг він створити вижшу культуру, котра мала бы свій інтелектуальний центр в Галичині⁸⁷.

Таку культуру, оперту на російських взорах заміряли створити початком двадцетого віку русофілі. Не дивним зато было што українскы осередкы розвинули агресивну анти-русофільську пропаганду, не перебераючи в словах і знярядах. Діло, прикладово, пишучы о переходах на православіє, згадувало темных Лемків. В лютым 1912 року 205 українських питомців Львівской семінарії звернуло ся до ректора з жадањом вышмарити еденадцетьох русофільських студентів а штобы добити ся свойого оголосили они голодовий страйк. В наслідстві того семінарію заперто⁸⁸. В 1914 року українска Нива, всяды видячи православну і російську пропаганду, подавала што в самій лем Львівській єпархії 400 греко-католицьких священників хилило ся до переходу на православіє⁸⁹.

Як што ходит о Галицко-російске Благодійне Товариство то в 1913 року мало оно до диспозиції 8 742 рублів (рівновартіст деси 117 тон пшениці). З той сумы найвєце выділено на «просьвіту і інчы цілі» (3 363 рублі) і на поміч голодуючым (3 095 рублі)⁹⁰. Грошы Perezначены на поміч голодуючым (3095 рублів) вартали товды в Австро-Уграх деси 8.5 тысяча корон. Во Львові за таку суму мож было товды купити 41.6 тony пшениці. Інтересуючым є підкрислити, што товариство легальні діяло в Галичині де власти не могли найти нич што могло бы позволити на поліційну пацифікацію російской пропагандової акції докладні замаскуваної допомоговом діяльністю⁹¹. Заострено одначе граничну конролю і переслідувано тых Галичан котры переходили границу з цілю одвидин Почаєвской Лаври так што в роках 1910-1914 кілкіст подорожуючых там гпала⁹².

Підкрислити треба, што так як в часі твореня ся староруських симпатій в Галичині в половині 19-го віку важна была для їх вытворіня ся передо вшыткым льокальна сытуація - так і на початку 20-го віку існувала в Галичині⁹³ сытуація, котра стваряла добры підставы для русофільской і православної пропаганды приходячої так од льокальных русофілів як і закордонных православных місіонерів. Пропаганда тога зміцняла існуючы симпатії, а не творила їх. Згідні з оціном сучасных нам істориків (Вендлєнд, Хімка) російській уряд был лем маргінальні заінтересувануй розвитком релігійной сытуації в Галичині. Так направду справу експансії православія (и русофілізму) пхали до переду лем три значучы фігуры в Росії: граф Бобрінській, єпископ холмській Евлогій и єпископ волинській Антоній. Російске суспільство, генералні лишало ся обоятне на тоты справы. Без взгляду на тото польскы і українскы медія розголашали про неправдоподобны сумы рублів пли-

нучых для русофілів і православных в Галичыні. З того што повело мі ся найти выходит, што російска поміч была спорадычна і мала лем ролю помічничу. То што льокальна сытуация мала найвекше значыня для розвитку православія і русофілізму выдно тіж добрі під конец роков двадцетых, коли зас вернуло православіе до Галичыны⁹⁴, а стало ся то товды, коли про російску піняжну поміч нияк не мож бесідувати. Як ся здає векше значыня од російской помочы для дальшого розвитку сытуациі мали переслідуваня православных через австро-угорскы власти. Переслідуваня тоты ставляли православных в ролі мучеників. Іх мартирологія стала ся важном частю процесу підтримуваня і розвияня православія. Таку ролю одограл на Лемковині Сандович, котрого культ пошырил ся неомало одраз по його мученничой смерти і є підтримуваний до гнеска. В 1994 проголошено його святым. Подібну ролю одограл Кабалюк, котрого проголошено святим в 2001 року.

Табеля 1

Вартіст єдного рубля

	Австрийскій фльорен/гульден од 1898 корона	Бритийскій фунт	Американскій дуляр
1852	1,60	0,15	?
1870	?	0,16	?
1876	1,62	0,15	0,73
1879	[1,56]*	?	0,74
1894	[1,60]*	?	0,77
1904	[2,55]*	?	0,51
1913	[2,.60-2,75]*	0,11	0,52

* приблизний курс обрахуваний през выміну рубель-дуляр-фльорен, або рубель-фунт-фльорен

1 фльорен = \$ 0,48 дуляря (1879)

1 фльорен = 0,48 дуляря (1894)

1 корона = 0,10 фунта, 0,50 дуляря (1897)

1 корона = 0,20 дуляря (1904)

1 корона = 0,04 фунта, 0,20 дуляря (1913)

Джерело:

James Laurie. Universal Exchange Tables: Showing the Value of the Coins of Every Country Interchanged with Each Other at All Rates of Exchange. London, 1852): xxxii

William D. Diggs. Money of All Nations Equalized and Currency Rates of Sterling Exchange (New York, 1876): 8, 13.

Foreign Monies: Exhibiting the Value in United States Coin, of the Pure Gold or Silver, Representing Respectively the Monetary Units and Standard Coins of Foreign Countries, According to Act of Congress, March 3rd, 1873 (New York, 1879): остраниця таблиця: Current Monies of All Nations.

Clarke Frank. Wigglesworth. Weights, Measures, and Money, of All Nations. New York, 1894: 13, 65.

Carl Hering, Ready Reference Tables. Volume I. Conversion Factors of Every Unit or Measure in Use ... Based on the Accurate Legal Standard Values of the United States (New York, 1904): 164-165.

R. L. Bidwell. Currency Conversion Tables: A Hundred Years of Changeo. London, 1970: 4 (Austria), 43 (Russia).

Табеля 2

Ціны в Варшаві (Росія)

	Пшениця	Ярец	Овес
1863	9,08	4,44	3,21
1865	9,59	4,58	3,29
1868	13,57	7,69	5,49
1869	11,75	6,9	5,31
1870	11,44	5,56	4,62
1876	11,79	6.84	5,16
1877	14,67	7,09	5,04
1878	13,73	7,02	5,08
1879	14,35	7.38	5,49
1913	12,1	8,33	6,14

Джерело:

Stanislaw Siegel. Ceny w Warszawie w latach 1816-1914 (Poznan, 1949), тіж на Інтернеті

<http://www.sfu.ca/~djacks/data/prices/Poland/Warsaw,%20Grains,%201816-1914,%20monthly.xls>

Ціны в рублях за четверть (=5.95 бушеля/bushel).

1 бушель пшениці важыт 27.215 кильограма

1 бушель ярцу важыт 21.772 кильограма

1 бушель вівса важыт 14.515 кильограма

Табеля 3

Ціны во Львові

	Пшениця	Ярец	Овес
1868	6,08	2,71	1,65
1869	3,56	2,07	1,62
1870	3,94	2,01	1,74
1876	6,72	4,32	3,77
1877	7,09	3,55	2,65
1878	7,20	3,36	2,47
1879	5,26	2,69	1,90
1881	7,92	4,03	2,61
1882	9,87	6,07	5,85
1884	7,06	3,79	2,76
1885	5,47	3,48	2,82
1886	6,40	2,76	2,49
1900	10,59	5,04	5,15
1912	23,24	17,00	17,60
1913	20,40	16,80	19,40

Джерело:

Stanislaw Hoszowski. Ceny we Lwowie w Latach 1701-1914 (Lwow, 1934),

тіж на Інтернеті

<http://www.sfu.ca/~djacks/data/prices/Poland/Lwow,%20Grains,%201800-1914,%20monthly.xls>

Ціны (зо січня кожного року)

1860-1875 в гульденах (1 гульден=100 крайцарів) за міежицу (=61,5 літра = 1,75 бушеля)

1876-1896 в гульденах за 100 літрів (=2,75 бушеля)

1897 в коронах за 100 кільограмів

1898-1909 в коронах за 100 літрів (=2,75 бушеля)

1910-1914 в коронах за 100 кільограмів

1 бушель пшениці важыт 27,215 кільограма

1 бушель ярцу важыт 21,772 кільограма

1 бушель вівса важыт 14,515 кільограма

ЛИТЕРАТУРА

1. Русинами називат ся в тым дописі вшыткых східньословянських мешканців Габсбурской Монархії, в теперішніх часах поділених на Українців і Карпацкых Русинів. Головну увагу одначе присвячат ся галицкым Русинам.

2. Посмотр прикладово на *John Paul Himka. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions*, в R.G. Suny, M.D., Kennedy, ред., *Intellectuals and the Articulation of the Nation* (Ann Arbor, MI, 1999): 124-127.

3. Гімка підкрислять, што хоц діяльніст Руской Трійці была выразом льокального патріотизму (пізнійше званого українськым) деякы рускы діяче не одшмаряли можливости получыня ся з Росіянами з цілю побороги Поляків.

4. *Мар'ян Мудрий. Галицьке русофільство...*, посмотр прикладово на с. 258 (Олег Турій, Олена Аркуша), 259 (Степан Макарчук), і с. 260 (Остап Середа) і тіж на не згаданы през Мудрого праці *Олег Турій «Галицькі Русини між москофільством і українством (до питання про так зване "старорусинство")»*, в III Міжнародний конгрес українців. Доповіді і повідомлення Історія (Харків, 1996): 106-112; *Олександр Салтовський. Концепції української державності в історії вітчизняної політичної думки (від витоків до початку XX сторіччя)* (Київ, 2002), розділ «Початки національного відродження (перша половина XIX ст.)», тіж на Інтернеті: <http://litopys.org.ua/salto/salto09.htm>

5. *Jaroslav Moklak. Koncepcje staroruskie i prorosyjskie w ukraińskiej myśli politycznej. Ruska Agrarna Organizacja (RAO) i Ruska Wloscianska Organizacja (RSO)»*, в M. Pulawski, ред., *Ukraińska myśl polityczna w XX wieku, Zeszyty Naukowe UJ, Prace historyczne 103* (Cracow, 1993): 149-154.

6. *Анна Вероніка Вендлянд. Русофільство: ще один український проект? Зауваги про невілене прагнення // Незалежний культурологічний часопис «І»,* no. 18 (2000): 120, тіж на Інтернеті <http://www.ji.lviv.ua/pdf/18.pdf>. Посмотр ся тіж на ей компрегенсивну працю «Die Russophilen in Galizien: Ukrainische Konservative Zwischen Osterreich und Russland, 1848-1915», *Studien zur Geschichte der Osterreichisch-Ungarischen Monarchie 27* (Wien, 2001).

7. Посмотр на *Jaroslav Moklak. Moskwofilstwo (moskalofilstwo) i rusofilstwo. Uwagi o terminologii w związku z artykułem Andrzeja A. Zieby // Studia Historyczne 43, no. 4* (Krakow, 2000): 701-712, і критику в *Bogdan Horbal, «Rusofilstwo czy moskalofilstwo lub moskwofilstwo. Przyczynek do dyskusji nad niescislościami terminologicznymi»*, в *Antoni Podraza, Andrzej Zieba, Helena Duc-Fajfer*, ред., *Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU 9* (Krakow, 2004): 191-194.

8. Посмотр прикладово на *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий. Русофільство в Галичині в середині XIX – початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична* нр. 34 (1999): 231-268; О.В. Труханенко укладач, Акценти. Русофільство в австрійськой Галичині: сучасні історичні дослідження і уроки (Львів, 2002).

9. *Paul Robert Magosci. Old Ruthenianism and Russophilism: A New Conceptual Framework for Analyzing National Ideologies in Late 19th Century Eastern Galicia*, в: Paul Debreczeny, ред., *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*, (Kiev 1983) том 2 Literature, Poetics, History (Columbus, 1983): 310-317. Олена Аркуша і Мар'ян Мудрий в конклюдзі своей праці (Русофільство в Гали-

чині ... , с. 267) приймуть барз подібний поділ, хоч не хотят до кінця розділити старорусинів од русофілів, так як зробил то Магочій. Старорусинами (дост енігматичні) називають они певну генерацію галицкых політиків, а «русофільством» їх панруську орієнтацію. Аркуша і Мудрий підкрисляють, што термін «москофільство» («москальофільство») слід визнати невдалим (в шыроком понятю, в яким ся його до тепер часто ужывало в історіографії) а застосувати його треба лем до описаня – на їх думку – невеликой групи діячы староруского кола, котры приняли про-російську ідеологію.

10. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині ..., с. 232; *Анна Вероніка Вендлянд*. Русофільство ... С. 120. Вендьянд пише генеральні о русофілях, не розрізняючи старорусинів од новокурсників, але міцно підкрислят льокальне походжыня їх ідеології.

11. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині ... С. 237, при-пус 13.

12. Пізнійше буде згадувало ся Головацкого і Наумовича. Порівняй тіж долю і національну орієнтацію Владимира Терлецкого, єдного з головных політичных діячів Галичыны років 1860-тых, котрий выїхал до Росії в 1872 року. *Остан Сєреда*. Aenigma ambulans: о. Володимир (Іполит) Терлецький і «русська народна ідея» в Галичині // Україна модерна 4-5 (2000): 81-104, тіж на Інтернеті <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um4-5/Statti/3-SEREDA%20Ostap.htm>

13. *В.Е. Мойсеєнко*. Об одной попытке латинизации украинской письменности // Studia Slavica Savariensia нр. 2 (1994): 99-106, тіж по українски в Незалежний культурологічний часопис «І», но. 9 (1997): 140-147.

14. *Анна Вероніка Вендлянд*. Русофільство ....., с. 117. Про обрядовий рух докладнійше посмотр: *О. Турій*. Конфесійно-обрядовий чинник у національній самоідентифікації українців Галичини в середині XIX століття // Записки НТШ 233 (1997): 69-99.

15. *Анна Вероніка Вендлянд*. Русофільство ....., С. 117.

16. Варто підкрислити, што Погодін не мал впливу на оформліня національн-ой орієнтації Зубрицкого, котрий уж дуже вчаснійше вказувал велике зацекавлія Російом і славянством. *Ірина Орлевич*. Денис Зубрицький: штрихи до портрета // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність 9 (Львів, 2001): 286.

17. *Алексей Миллер*. Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) (СПб., 2000): 198. Тіж на Інтернеті <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller.htm> і в англійськом перекладі Olga Poato перекладач, The Ukrainian Question: the Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century (Budapest, 2003).

18. *John Paul Himka*. Hope in the Tsar: Displaced Naive Monarchism among the Ukrainian Peasants of the Hapsburg Empire // Russian History 7, нр. 1-2 (1980): 125-138.

19. Посмотр на дві табелі з цінами зерна в Варшаві (Росія) і Львові, долучены на кінци того допису.

20. *Нина М. Пашаєва*. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. (М., 2001): 74, тіж на Інтернеті http://www.ukrstor.com/ukrstor/paszaeva_oczerk-x.html

21. *Андрей Васильевич Шипилов*. Заплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем», ALMA MATER. Вестник высшей школы нр. 4 (2003): 5 (37), тіж на Інтернеті: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/06/30/0000214844/shipilov_AlmaMater.pdf

22. *Алексей Миллер*. Украинский вопрос ... С. 198-199.

23. *Остан Серета*. Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860-67 роках (за матеріалами преси), в: А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря, ред. Россия – Украина: история взаимоотношений (Москва, 1997): 166, тіж на Інтернеті <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/sereda-1.htm>

24. В 1878 року мож было за тисяч рублів купити в Варшаві неомало 12 тон пшениці. Тисяч рублів виміняло ся товди на деси 1 560 гульденів, за котры мож было купити во Львові деси 16 тон пшениці.

25. *Алексей Миллер*. Украинский вопрос.... С. 202.

26. *Остан Серета*. Місце Росії.... С. 158, 163-164.

27. *Нина М. Пашаева*. Очерки истории русского движения... С. 58.

28. *Нина М. Пашаева*. Очерки истории русского движения... С. 60.

29. *Нина М. Пашаева*. Очерки истории русского движения... С. 80.

30. Веце про ролу Ставропігійского Інституту: *Олександра Киричук*. Ставропігійський інститут у політичних змаганнях русофілів і народовців 70–90-х років XIX ст. в: Україна модерна, ч. 4-5 (Львів, 2000): 124-148, тіж на Інтернеті <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um4-5/Statti/5-KYRYCHUK%20Oleksandra.htm> і його Ідеологія діячів Ставропігійського інституту у Львові 1848-1869, Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність 9 (Львів, 2001): 300-319.

31. *Ф.И. Стеблый, М. М. Криль*. Галицкая Матица во Львове в Славянские матицы XIX века (Москва, 1996): 207, 213.

32. *Гор Чорново*. Українська фракція галицького крайового сейму 1861-1901 рр. (Львів, 2002): 108.

33. *Гор Чорново*. Українська фракція... С. 107-108, 135-136, 163; *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині .... С. 241.

34. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині .... С. 258.

35. Хоц до організації початково вошли тіж українскы народовці, іщы в 1870 року были они з ньой вышмарены. В 1879 народовці прібували масово вступити до рады з ідейом ей – як то повідали – оживленя, але ім ся тога акція не повела. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині .... С. 241-242.

36. *Нина М. Пашаева*. И.Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века // Исторический вестник . № 1 (12), 2001. http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2001/1_12/12_10.htm

37. В тым тых од кредитовых організацій, таких як Лемківскій Банк в Новым Санчы, Руска Пожычкова Каса в Криниці, Лемківска Каса в Горлицях і Товариство «Бескид» в Саноку. *Олексій Сухий*. Товариство імені Михайла Качковського: Організаційні засади та напрями діяльності // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність 9 (Львів, 2001): 395. Посмотр тіж на: *Jaroslav Moklak*. Mychajło Kaczkowskyj i czytelnie jego imienia na Lemkowszczyznie», Magury '87 (1987): 53-65.

38. *Paul Robert Magocsi*. The Kachkovs'kyi Society and the National Revival in Nineteenth-Century Galicia», *Harvard Ukrainian Studies* 15, no. 1/2 (1991): 58, 60, 65.
39. *Олексій Сухий*. Товариство імені Михайла Качковського ... С. 396.
40. *Нина М. Пашаєва*. Очерки истории русского движения .... С. 74-77.
41. Друком wydano іщы того самого року Стенографический отчетъ из сидовой розправки по делу Ольги Грабар и товаришей (Львов, 1882), тіж на Інтернеті <http://mnib.malorus.org/kniga/55>
42. *Paul Robert Magocsi*. The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus', 1848 1948 (Cambridge, 1978). С. 57. Добрянскій вчаснійше провадил активну діяльіст культурну і політичну серед Русинів. Был він три раз выбраний до угорского парламенту, але аж за третім разом дозволеному йому там засісти (1865). Одначе за своїй контакты з Словаками (спостеріганы през Мадзярів як панславізм) Добрянскому одобрано мандат (1869). Съїдждений през власти Добрянскій емігрувал до Російі в 1875, одкале вернув в 1881 року і оселил ся во Львові.
43. *Paul Robert Magocsi*. The Kachkovs'kyi Society.... С. 68.
44. *Нина М. Пашаєва*. И.Г. Наумович ...
45. *Іван Павло Химка*. Апологія "Михайла Малиновського: до історії кризи у греко-католицькій церкві 1882 року і характеристики поглядів святоюрців" // *Записки НТШ* 225 (1993): 365-375; *John Paul Himka*. Religion and Nationality in Western Ukraine. The Greek Catholic Church and The Rutenian National Movement in Galicia, 1867-1900 (Montreal, 1999): 73-98.
46. *Нина М. Пашаєва*. Очерки истории русского движения .... С. 107.
47. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині .... С. 237, припис 13.
48. *Ігор Чорновол*. Українська фракція ... С. 168, 195.
49. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині ... С. 243.
50. *Нина М. Пашаєва*. Очерки истории русского движения ... С. 103.
51. *John Paul Himka*. The Construction of Nationality in Galician Rus'.... С. 160, припис но. 63. В 1884 року згоріл во Львові банк, котрого головным капіталом были фонды епархіального духовенства з котрых выплачано пенсії священничым вдовам і сиротам. Наумович два раз іздил до Російі в тій справі і згідні з Пашаєвом (Очерки истории русского движения..., с. 115) мало му ся повести достати величезны сумы на обновліня тых фондів (600 000 марок в 1884 року і 650 000 рублів в 1885 року). Ци Росіяне фактичні выдали такы великы сумы на обновліня фондів, ци може купили/одбудували банк і в тот спосіб оновили фонды?
52. *Paul Robert Magocsi*. The Shaping... С. 68.
53. *Jaroslaw Moklak*. W walce o tozsamosc Ukraincow: zagadnienie jezyka wykladowego w szkolach ludowych i srednich w pracach galicyjskiego Sejmu Krajowego, 1866-1892 (Krakow, 2004): 213.
54. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині ... С. 247.
55. *Ігор Чорновол*. Українська фракція ... С. 207-211.
56. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині .... С. 247.
57. В 1895 року існували штыры выборчы комітеты (русский, руско-народний, старорусский і радикальний). *Ігор Чорновол*. Українська фракція. ... С. 213.

58. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині... С. 250.
59. *Paul Robert Magocsi*. Old Ruthenianism and Russophilism... С. 318-319;
Ніна М. Пашаєва. Очерки истории русского движения... С. 118-119.
60. *Олександра Киричук*. Ідеологія діячів Ставропігійського інституту... С. 302.
61. *Paul Robert Magocsi*. The Kachkovs'kyi Society... С. 70.
62. *Олексій Сухий*. Товариство імені Михайла Качковського... С. 397.
63. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy in Galicia on the Eve of World War // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність 9 (Львів, 2001): 483.
64. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy... С. 491.
65. Про шыршу політичну ситуацію в Галичині в тьм окресі посмотр на *Czeslaw Partacz*. Od Badeniego do Potockiego: stosunki polsko-ukrainskie w Galicji w latach 1888-1908 (Torun, 1996); *І. Я. Красівський*. Галичина у першій чверті ХХ ст.: проблеми польсько-українських стосунків (Львів, 2000); *Ю. В. Михальський*. Польські політичні партії та українське питання в Галичині на початку ХХ століття: (1902-1914) (Львів, 2002).
66. *Keith P. Dyrud*. The Quest for the Rusyn Soul: the Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890-World War I (Philadelphia, 1992): 37.
67. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галичині ... С. 253.
68. *Keith P. Dyrud*. The Quest for the Rusyn Soul... С. 49-54; *О. Сухий*. "Галицько-росийське" благодійне товариство та головні напрями його діяльності // Наукові зошити Історичного Факультету Львівського державного університету 2(1999): 105.
69. *О. Сухий*. Галицько-росийське» благодійне товариство... С. 106.
70. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy in Galicia... С. 484-485.
71. *Bernadetta Wojtowicz*. The Role of Religion in the Development of National Consciousness among the Lemkos // Paul Best i Jaroslaw Moklak, ред., The Lemkos of Poland (Cracow-New Haven, 2000): 210.
72. *Paul Robert Magocsi* Made or Re-made in America? Nationality and Identity Formation Among Carpatho-Rusyn Immigrants and Their Descendants, Coexistence: A Review of East-West and Development Issues – Special issues. The Emigre Experience 28 (Dordrecht, Netherlands, 1991): 335-348, Полске тлумачыня «Stworzeni czy przekształceni w Ameryce? Narodowosci procesy swiadomosciowe wsrod emigrantow karpacko-rusynskich i ich potomkow w USA», Przegląd Polonijny 18, no. 3 (Wroclaw, 1992): 5-17.
73. *Klaus Bachmann*. Plo polityczne ekspansji prawoslawia na terenie Galicji przed wybuchem I wojny swiatowej», Biuletyn Ukrainoznawczy nr. 3 (1997): 81-91; *Ярослав Мокляк*. Російське Православля на Лемківщині в 1911-15 роках: Політичні аспекти його розвитку, Лемківщина 19, nr. 1 (1998): 3-8.
74. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy in Galicia... С. 485-486.
75. *Андрей Васильевич Шупилов*. Заплата російського професора... С. 7 (39).
76. *Marian Bendza*. Ks. Maksym Sandowicz – zycie i dzialalnosc, Wiadomosci Autokefalicznego Kosciola Prawoslawnego w Polsce no. 3/4 (Warszawa, 1978): 106-118; *Isaac Lambertsen*. Holy New Hieromartyr Maximus Sandovich: Protomartyr of

the Lemko People (Liberty, Tenn., 1999); *Петро Трохановскій*. Священномучениче Отче Максиме моли Бога о нас: до 90- лїття мученичої смерті та 10-лїття причислення до лику святих (Sanok, 2004).

77. Детальні про сам суд пише в долгій серії дописів *Michal Boltryk*. Sad nad swietym Maksymem, Przegląd Prawoslawny починаючи од нр. 6 (228) (2004) до нр. 7 (253) (2006), тїж на Інтернеті: <http://www.pporthodoxia.com.pl/archiwum.php>

78. *Кирилл Фролов*. Суд над Валерием Кауровым и политические процессы над карпаторусскими русофилами в начале двадцатого века, http://www.otechestvo.org.ua/analitika/2004_12/an_31_01.htm.

79. *Paul Robert Magocsi*. The Shaping... С. 68.

80. *Roman Dubec*. Schiarchmandryta Aleksy Kabaliuk - Apostol Zakarpacia, *Cerkiewny Wiestnik* нр. 1 (2000): 53-70; *Кирилл Фролов, Валерий Разулов*. Апостол Карпатской Руси: Житие священномученика Алексия (Кабалука)» (Ужгород, 2001), тїж на Інтернеті: <http://www.moskvam.ru/2002/08/frolov.htm>; *Кирилл Фролов*. Духовный триумф карпатороссов, <http://www.pravoslavie.ru/put/sv/archimalexijkabalyuk.htm>

81. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy in Galicia... С. 492.

82. Про місце Галичыны в міжнародній політиці медже Австро-Уграми а Росийом посмотр ся на *Klaus Bachman* «Piata kolumna Moskwy? Ruch rusofilski w Galicji a austriacka polityka zagraniczna przed pierwsza wojna swiatowa», *Biuletyn Ukrainoznawczy* no. 5 (Przemysl, 1999): 7-15 і його векшу працю «Ein Herd der Feindschaft gegen Russland: Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Russland (1907-1914)» (Wien, 2001) і на рецензію той праці: Hugo Lane, HABSBUURG, H-Net Reviews, January, 2002. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.cgi?path=17441012583114>. Лейн вірит, што ситуація в Галичыні мала першорядне значыня на дещыю розпочатя Першой Сьвітової Війны і підкрислят, што Бахман дал дост на то доводів, але якіси не вытягнул очевидных внесків (?-Б.Г.).

83. *Александра Юрьевна Бахтурина*. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

84. *Paul Robert Magocsi*. The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont (Toronto, 2002) : 101.

85. *Paul Robert Magocsi*. The Roots of Ukrainian Nationalism... С. 106.

86. *Олена Аркуша, Мар'ян Мудрий*. Русофільство в Галиччині... С. 250.

87. *Paul Robert Magocsi*. The Roots of Ukrainian Nationalism... С. 146.

88. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy in Galicia... С. 488, 492.

89. *Кирилл Фролов*. Галицкая Русь в борьбе за веру и народность // *В.Р. Ваврик*. Терезин и Талергоф (Москва, 2001): 43.

90. *Keith P. Dyrud*. The Quest for the Rusyn Soul... С. 53.

91. *Keith P. Dyrud*. The Quest for the Rusyn Soul... С. 56-57.

92. *John Paul Himka*. The Propagation of Orthodoxy in Galicia... С. 484.

93. *Jaroslav Moklak*. The Phenomenon of the Expansion of Orthodoxy in the Greek Catholic Eparchy of Przemysl: Missionary Activities of the Orthodox Church, 1918-1939 // Paul Best і Jaroslav Moklak, ред., The Lemkos of Poland (Cracow-New Haven, 2000): 107-118.

Роман ШАПКА

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ «ТВЕРДЫХ»* РУСИНОВ В КАНАДЕ

8 сентября 1891 г. к восточному берегу Канады, к городу Монреаль, приплыл корабль «Otegon», на борту которого было двое галицких селян, Иван Пилипов и Василь Елиняк, оба родом из села Небылова¹ Калужского района близ Станислава (нынешнего Ивано-Франковска), который тогда находился в составе Австро-Венгрии.

Их записали просто как «рутенские рабочие»². Они считаются первыми русинами в Канаде. Инициатором выезда в Канаду был Пилипов. Узнав от своих сограждан-немцев о возможности при переезде в Канаду иметь свою землю, стать владельцем и «вольным человеком», Иван Пилипов стал думать об отъезде в Канаду. Его планы осуществились в августе 1891 г. Оба крестьянина уехали из родной стороны без своих семей, пустившись в неизвестный далекий путь через океан. Этот шаг был смелым, и после него из Прикарпатья началась массовая эмиграция в Канаду. После прибытия и ознакомления с новой землей и открывшимися там для простого крестьянина возможностями Иван Пилипов вернулся домой забрать свою семью и семью Василя Елиняка.

Когда Пилипов прибыл домой и рассказал своим землякам о «вольных землях» в Канаде, это вызвало негативную реакцию со стороны местных австрийских чиновников, жандармерии и помещиков. Его обвинили в распространении идеи об эмиграции и в нарушении общественного порядка. Дело дошло до судебного процесса, в результате которого Иван провел в заключении месяц. Об этом он сам рассказывал в интервью профессору Ивану Боберскому³.

В 1893 г. Пилипов со своей семьей и с другими односельчанами переселился в Канаду. Именно так началась эмиграция на «вольные земли» Канады, сначала из Небылова, а вскоре после этого из других мест Галичины и Буковины (буковинские крестьяне, в отличие от галичан, были православными).

В 1895 г. профессор Львовского университета доктор Осип Олесков посетил в Канаде галицкие колонии с намерением познакомиться с обстановкой, условиями жизни переселенцев-русинов. Свое путеше-

---

* «Твердыми» автор называет русинов, которые до конца своей жизни сохранили идеалы Святой Руси

стве по Америке и Канаде Олесков описал в двух брошюрах «О эмиграции»⁴ и «Про вольни земли»⁵. Изданная доктором Олесковым литература еще больше усилила идею эмиграции, и после выхода этих изданий началось массовое переселение. Хотя многие крестьяне мало или вообще ничего не знали о Канаде и переживали, готовясь выехать в незнакомое место, большинство считало: «Шо буде, то буде, а гирше як в Австрии не буде!» Я лично это высказывание не раз слышал от старых людей, когда они рассказывали, почему покинули свою родину. Они не зря так говорили. Многие из них следили за событиями в Австро-Венгрии и знали о действиях австрийского правительства по подавлению русинского движения. Процессы против Ольги Грабарь и священника Иоанна Наумовича не оставили безучастными многих русинов, особенно «твердых». Их предчувствие оправдалось, когда начался второй Львовский процесс, когда был расстрелян священник Максим Сандович⁶, и когда многие их земляки прошли в годы первой мировой войны через австрийские концлагеря Галергоф и Терезин.

В 1896 г. переселение усилилось: галицкие и буковинские поселения возникали в канадских прериях, в современных провинциях Манитоба, Саскачеван и Альберта около городов Виннипег, Реджайна и Эдмонтон. Первое и самое большое русинское поселение было основано в провинции Манитоба на юге от города Виннипег и первоначально назвалась Русь⁷, а в провинции Альберта на северо-востоке от города Эдмонтон поселение было названо Восток⁸. «Приятная новость, что местность и колония, называвшаяся Limestone Lake, в которой галицкие русины впервые в Канаде приняли православие, согласно их же ходатайству перед правительством переименована в Восток в знак того, что они теперь опять стали истинными и православными чадами Востока», - писал «Американский православный вестник» в 1899 г.⁹

В 1897 г., когда количество русинов в Канаде сильно возросло, переселенцы стали размышлять о церкви, о своих духовных потребностях и начали собираться в общины. Канадская Русь просто не могла жить без родной церкви, без родной духовности, без родных церковных и культурных обрядов. Искали выход из положения и нашли его. Из дебрей Западной Канады русины направили прошение к русскому православному епископу в Сан -Франциско¹⁰. Они просили прислать им священника, чтобы удовлетворились их духовные чаяния и потребности. Русская православная церковь откликнулась, и в Востоке стали нести службу миссионеры - священник Димитрий Камнев и псаломщик Владимир Александров. Постоянного священника назначили только в 1901 г.

Здесь, на канадской земле, под открытым небом 18 июля 1897 г. была отслужена первая православная литургия благодаря стараниям

и желаниям галицких русинов. На месте сего исторического действия сооружен трехраменный крест, на котором Феодор Немирский вытесал надпись: «В память возвращения галицких русинов к вере своих предков»¹¹.

После посещения поселения Восток российские миссионеры побывали в другом русинском поселении на юге от города Эдмонтон, в местности, где «твердый» русин Феодор Фур с 99 другими галицкими русинами присоединились к православной церкви¹². В этой местности построены были две церкви, униатская¹³ в 1900 г., а православная - в 1902 г. Впоследствии (в 1910 г.) на радость галицких переселенцев обе соединились в один русский православный приход¹⁴. Там до сего дня стоит трехраменный придорожный крест, возведенный в 1900 г. заботами «твердого» русина Ивана Борыса в благодарность Богу за удачный переезд в новый край и за религиозную свободу. Перед тем, как он переселился в Канаду, он поставил такой же крест в своем родном селе Ветлин¹⁵ близ города Ярослав (в нынешней Польской Галиции).

В 1897 г. поселение Русь в южной Манитобе посетил священник Иоанн Маляревский, настоятель Свято-Покровской церкви города Миннеаполис в Америке. В том же году по приглашению римско-католического бискупа из Америки посетил Канаду греко-католический священник Нестор Дмитров. Он описал свое путешествие по русинских колониях в брошюре «Канадийска Русь»¹⁶.

Крещение русинских детей в 1898 г. на ферме Федора Немирского в поселении Восток.

С 1898 г. начали строить первые русинские церкви в Канаде – впоследствии во всех местностях русинского поселения красовалась традиционная архитектура Карпато-Днестровских земель. Пейзаж канадских прерий обогатился церквями, «мазанками» – избушками прикарпатских поселенцев. Выходцы из Небылова построили одну из первых церквей в поселении Стар недалеко от Востока в Альберте. В 1901 г. между переселенцами-небыловцами возник спор о принадлежности их новопостроенной церкви – к Русской православной или к униатской. Иван Пилипов, поборник русского православия, сын Святой Руси с другими «твердыми» русинами отстоял церковь¹⁷. Второй в его жизни судебный процесс Иван Пилипов выиграл и вместе со своими единомышленниками этим процессом доказал: кем они были, теми они и оставались до конца жизни – «твердыми» русинами. Когда Иван Пилипов в 1936 г. скончался, его похоронили возле той самой русской православной церкви в местности Стар. Интересно, что в конце XIX в. галицкие русины продолжали массово присоединяться к Русской православной церкви, как свидетельствует «Американский православный вестник»¹⁸.

В 1899 г. первым русинским почтарем в Канаде стал Феодор Немирский. Родом из Бильча Золотого (нынешней Тернопольской области), он играл значительную роль среди русинов в Канаде. На его ферме отслужили первую православную литургию в Канаде, он поддерживал своих земляков в организации общин, имел в своей библиотеке много русских книг, и сам был образцом «твердого» русина. В каждой

На этом месте в поселении Восток 18 июля 1897 г. заботами галицких русинов была совершена первая православная литургия на канадской земле.

Русское духовенство совершало путь в 1500 км из Сан-Франциско (Калифорния) до поселения Восток (Западная Канада).

Буковинцы - переселенцы
из Русского Банилова.

строчке его дневника чувствует-ся искренняя любовь к Святой Руси и к ее идеалам. Помню, его сын Фома Феодорович рассказывал мне в 80-х годах прошлого столетия, что «мама и тато заплакали коли они ся довидали шо русского царя стратыли». В 1900 г. в рапорте о миссионерской поездке в Северо-Западную Канаду священника Владимира Александрова мы читаем имена тех галичан, которые пользовались большим авторитетом среди поселенцев, – Якова Лопушинского, Иоанна Сакмана, Феодора Фура и Феодора Немирского¹⁹.

После прибытия в Альберту весной 1899 г. двадцати восьми человек из села Русский Банилов (ав-

стрийская часть Буковины, нынешний Выжницкий р-н Черновицкой обл. Украины) открывается новая страница в истории русинских переселенцев²⁰. Поселение буковинцев основывается в 120 км на северо-востоке от города Эдмонтон и получает название Шандры по фамилии трех братьев и их родственников. С первых дней прибытия выбирают место для церкви, и она впоследствии станет одним из центров духовной и культурной жизни «твердых» русинов в Канаде.

Для Канадской Руси год 1901 был ключевым. В этот год епископ Алеутский и Североамериканский Тихон, впоследствии патриарх Московский, впервые посетил Канаду. Было совершено освящение первых православных храмов в Востоке, в селении Буковина и основано Свято-Тихоновское братство. Пребывание русского архиерея сплотило «твердых» русинов. Личность святителя Тихона не могла не влиять положительно на русинов, которые неожиданно на далекой чужбине встретились с лучшим представителем Святой Руси. Русины принимали его как своего человека - смиренного, благочестивого - с полным уважением и доверием²¹. Впоследствии о нем как патриархе написали: «Из глубины веков на нас как будто выглянула Святая Русь»²². Так Канадская Русь воспринимала святителя Тихона еще в бытность епископом. Святитель Тихон был устройтелем Русской церкви в Канаде. Он освятил первую православную церковь в Востоке и Успенский храм в Шандрах. Им же были учреждены другие приходы и освя-

щены в 1904 г. Свято-Троицкий храм в Виннипеге (впоследствии собор), Свято-Варваринский храм в Эдмонтоне (впоследствии тоже собор), а в 1905 г. - храм в п. Киселев в Альберте. Благодаря святителю Тихону «твердые» русины укрепились в своих идеалах. В двадцатом номере «Американского православного вестника» за 1901 г. читаем, что «в Канаде теперь до 5000 душ православных»²³.

В провинции Манитоба священник Константин Попов посещал колонию Русь. Он в то время был настоятелем исторической Свято-Покровской церкви в городе Миннеаполис в Америке, где в 1891 г. присоединилась к Русской православной церкви первая униатская община со своим настоятелем о. Алексием Товтом, «Батьком Американской Руси», впоследствии канонизированным Православной церковью Америки.

В последующие годы росло количество поселений и общин, строились церкви, основывались братства и в некоторых местностях - читальни и школы. В Шандрах возникла читальня имени о. Иоанна Наумовича. С каждым годом количество галицких поселенцев увеличивалось²⁴.

В 1910 г. Канаду посетил униатский митрополит Андрей Шептицкий. Возвратившись во Львов, он написал брошюру под заглавием «Канадийским русинам» (издана в Жовкве в 1911 г.). В ней употребляется слово **русин(ы)** не меньше 42 раз, а слово **руский(и)** не меньше 31

Свято-Успенский храм в Шандрах в 1920 г.

Архимандрит Адам
(Филипповский).

раза. Для «твердых» русинов-галичан призыв брошюры держаться римской церкви не совпадал с их убеждениями. Пятнадцать лет спустя, в 1926 г., Феодор Немирский писал, что «в рок за тым (1898) мы взялись будовати церкву во имя Пресвятыя Троицы в Востоце. Се була перша Православна Церква в сем краю, а тепер уже матерею 123 церквей в Канаде»²⁵.

В 1913 г. в городе Эдмонтон была основана газета «Русский голос», а в 1914 г. в городе Виннипег - газета «Русский народ». Эти еженедельные газеты соответствовали желанию «твердых» русинов иметь свой печатный орган. Просматривая выпущенные номера газет и изданные редакциями календари, можно увидеть темы, актуальные для «твердых» русинов. Об этом говорят даже заголовки: «Первый русский конгресс в Канаде»²⁶, «По русско-канадским колониям»²⁷ и «О новооснованной бурсе имени Максима Сандовича в Эдмонтоне»²⁸.

В 1919 г. администратором Русской православной церкви в Канаде был назначен архимандрит Адам Филипповский. Он был родом из Галичины, из с. Руда Жидачовского района на Львовщине, сын Святой Руси, чьи идеалы всю жизнь отстаивал. «Не отступил я от той идеи, якую передали нам, русским сынам, умученным за ту же русскую национальную идею наши отцы, матери и братья»²⁹. Как администратор Канадской епархии он занимал ключевую позицию в борьбе за идеалы Святой Руси и стал духовным лидером «твердых» русинов. Еще в 1916 г. управляющий Североамериканской епархией Русской православной церкви архиепископ Евдоким откликнулся на труды архимандрита Адама следующими словами: «Радуюсь, что вы полюбили Канадийскую Русь и желаете потрудиться для нея»³⁰. В 1922 г. его хиротонисовали в епископа Стефан (Дзюбай), епископ Карпато-Русский, и Горазд (Павлик), епископ Чешско-Моравский³¹. В 1935 г. в своем докладе Епархиальному съезду «Русская православная церковь до и после революции» архиепископ Виталий (Максименко) так отозвался о «твердых» русинах с архиепископом Адамом во главе: «Это представители Подъяремной (Прикарпатской) Руси. Они прошли долгую и тяжелую школу. Они сильны числом и сплоченностью. Здоровому и жизненному их стремлению нужно давать дорогу»³².

Жизнь шла своим ходом. Русины жили своей лично-семейной и общественно-церковной жизнью, развивали общины. Некоторые изменили своим идеалам, другие ассимилировались, значительная же часть держалась за свои убеждения, помнила о своем тысячелетнем происхождении. В поэме «Английска культура» словами «наш руський дух, мы Святой Руси сыны»³³ выражалось чувство тех, кто еще жил именно такими идеалами, находясь далеко за пределами родины. В календаре «Русский народ» на 1918 г. видно, о чем люди размышляли, о чем хотели узнать, чем интересовались. Статьи назывались: «Где обман, на Востоце чи в иезуитском Западе», «Христианство на Руси», «Козаки», «Иерусалим и Святая Земля», «Причины и значение нынешней всемирной войны», «Обзор русской жизни в Канаде в 1917» и «Адресар Канадской православной русской миссии», в котором есть список более 100 церквей и монастырей. Вместе с тем стихотворения опять рассказывают об идеалах Святой Руси – «Подъяремная Русь Земля Владимира Святого» и «Свята вера православна, тот восточный цвет, Русь будет в ней вечна славна, она узрит Божий свет».

В 20-е гг. в поселении Сочава возник спор между прихожанами - русинами и молдаванами и теми, кто хотел присоединиться к нововозникшему украинскому братству. Сочава находится в 10 км от поселения Восток. Местность была заселена русинами и молдаванами из австрийской части Буковины в начале XX столетия и названа в честь первой столицы Молдавского православного княжества - Сочавы. В конце концов храм на Сочаве остался под юрисдикцией Русской православной церкви.

Назначение епископа Арсения (Чаговцева)³⁴ управляющим Канадской епархией РПЦ в 1926 г. поддерживало всех православных, включая «твердых» русинов. Им был основан Вознесенский монастырь в поселении Сифтон в Манитобе, и при нем начали действовать богословские курсы. О нем, «Канадском Златоусте», впоследствии вспоминали: «Народ сотнями привлекался к его богослужениям и загорался его вдохновенными проповедями»³⁵. О «твердых» русинах святитель Арсений сам пишет: «Помогала мне компактная сила выходцев из Буковины ... среди братьев галичан были ревнители православия»³⁶.

В основном культурная жизнь русинов базировалась около церковных общин. Люди не только «жили-были», но и творили, создавали. Организовались церковные хоры, которые украшали богослужения и церковные обряды. Народное искусство - писанки, вышивание, ткачество и кулинария - передавалось из поколения в поколение. Во многих местностях народные оркестры играли прикарпатскую народную музыку на семейных и народных праздниках, где люди пели народные песни и плясали народные танцы. В 50-х гг., когда я был ребенком,

еще исполнялись народные песни и колядки. Одна из любимых народных песен звучала так: «Дай же Боже добрый час... где Днестер, где Сян и Прут русски риченьки плывут... всюда честный русский рид... хоть пийдешь за Бескид... всюда мова та една, всюда писня та сама, русска мова русский край, русска писня и звычай». Колядка: «Ой дивна дивна русска родына... русским звычайем колядувати, Радуйся радуй Божая Мати» тоже была одной из любимых.

В 1931 г. епископ Иоасаф (Скородумов) назначен был управляющим Канадской епархией. Он, как и его предшественники, был носителем русской духовности, русского православия и идеалов Святой Руси. Хотя он прожил только 20 лет в Канаде, его подвиг был знаменателен, и добрая память о нем как об истинном пастыре еще жива среди потомков его паствы. В моей семье часто вспоминается «наш бладыка»³⁷. Приводится пример, когда мой дядя подал владыке доллар, а он, уходя, дал моим двоюродным сестрам по 50 центов. Деяние вроде бы незначительное, но для простых рабочих такие простые поступки имели значение и показывали, насколько «бладыка» понимал тяжелое положение людей, среди коих он подвизался. Его доброта, понимание, искренность, как и его поучения, убеждения и верность Святой церкви и Руси, остались после него на многие года.

Владыка Пантелеимон (Рудык) в бытность епископом Львовским (1941 г.).

После архиепископа Иоасафа в Канаду назначен был архиепископ Пантелеимон (Рудык). Владыка Пантелеимон родом был из Галичины – он родился в 1899 г. в Липовцах Перемышлянского района на Львовщине. Мальчиком он перешел австрийско-российскую границу и отправился в Почаевскую лавру, где учился и принял монашество³⁸. Впоследствии он был наместником Почаевской лавры, в 1941 г. стал епископом Львовским, а в 1941-1943 гг. - архиепископом Киевским. Его подвиг и старания в Почаеве, в родной Галичине, в Киеве и за рубежом были успешными. В 1959 г. он стал управлять патриаршими приходами в Канаде, где находился среди своих русинов и их потомков. Его келейник, впоследствии архимандрит Димитрий (Щур), малоросс из Подольской губернии,

много рассказывал нам, своим духовным чадам, о жизни и подвиге владыки Пантелеимона. На наш вопрос: «Кем был владыка?» - о. Димитрий ответил: «Владыка был человеком старой галицкой школы». Владыка всю свою жизнь служил Святой церкви и своему народу.

После кончины владыки Пантелеимона в 1968 г. начался конец эпохи. С каждым годом уходили в вечность последние переселенцы-русины, выходцы из старой Австро-Угорской Руси. Их потомки родились в Канаде, и здесь шел естественный процесс ассимиляции. Реальность такова, что потомки русинов рождаются канадцами, ходят в канадские школы, живут в многонациональной англоязычной среде далеко от Карпато-Днестровской родины.

Несмотря на это, многие традиции живы. Сегодня церковь Святой Троицы в Востоке входит в благотворительную ассоциацию 13-ти приходов «Orthodox V» Русской православной церкви под духовным руководством патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Нам, родившимся в Канаде потомкам русинов, многое передавалось, но самыми ценными, кроме Святого православия, были увлекательные рассказы о славе и величии Святой Руси; о белокаменной Москве, в которой находилось сорок сороков; о колыбели Святой Руси - древнем Киеве и его святынях; о Святой горе Почаевской с ее чудотворной иконой и стопочкой; о бывшем Спасском монастыре в Бойковских Карпатах; о славном Манявском ските на Покутье; о наших земляках - великом сыне Галича первом митрополите Московском святом Петре; преподобном Иове Почаевском, святом Петре Могиле, великомученике Иоанне Сочавском и Штефане Великом, господа-ре Молдавской Руси. Популярны были легенды о народных героях Иване Подкове и Олексе Довбуше, защитнике русского селянства.

Мы, потомки «твердых» русинов, теперь смотрим на деяния своих дедов и прадедов как на подвиг – они действительно держали то, что имели³⁹ в условиях тяжелых, почти невыносимых. Их идеалы, идеалы Святой Руси, спасали и сопровождали их в вечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Село Небылов находится 20 км от исторического Манявского скита, последней на Галицкой Земле крепости православия, которая в 1785 г. была закрыта австрийским правительством. Слава о Великом ските в Маняве для многих галичан не угасла – в 1904 г. в нем был сооружен и освящен крест стараньями и заботами галицких крестьян. (См. *Марков О.* Православный русский монастырь Великий Манявский скит. Львов, 1906).

2. Edmonton Journal. September 8. 1966 (ежедневная газета города Эдмонтон в провинции Альберта в Западной Канаде).

3. Календарь Канадийского фермера. Виннипег, 1937.

4. Издания Общества им. Михаила Качковского. Львов, 1896.

5. Издания Просвиты. Львов, 1895.
6. Священномученик канонизирован православной церковью в Польше и Русской православной церковью за границей в 1994 г.
7. *Panchuk John*. Bukovinian Settlements in Southern Manitoba. Michigan, 1971. P. 4.
8. Канадский православный миссионер. № 8/9. Виннипег, 1926.
9. Американский православный вестник. Сан-Франциско, 15 августа 1899. С. 439.
10. Прошение канадских русинов // Свет. Нью-Йорк, 3 июня 1901.
11. Доклад архиепископа Марка (Петровций) «К юбилею столетия первой православной литургии в Канаде». 27 июля 1997. Восток, Альберта.
12. Американский православный вестник. Сан-Франциско, 1 сент. 1897. С. 29.
13. Протокол написан 26 марта 1900 г. в присутствии членов общины новой церкви // *Echoes of Faith*. Leduc, 1985. P. 5-7.
14. *Historical Sketch of St. Mary's Russian Orthodox Church* // *Echoes of Faith*. Leduc, 1985. P. 1-4.
15. Там же. С. 111.
16. *Дмитров Н.* Канадская Русь. Маунт Кармел. 1897.
17. *Appeal Case in the Supreme Court of the Northwest Territories between Plaintiffs: Trustees of the Greek Catholic Church of Star and Defendants: Rev. J. Korchinski, M. Polushe, I. Pylypow, M. Melnyk*. Edmonton, 1904.
18. Американский православный вестник. Сан-Франциско, 25 июня 1898.
19. Американский православный вестник. № 18. Сан-Франциско, 1900.
20. *Shandro Church* // *Alberta History*. Calgary. Autumn 1982.
21. Американский православный вестник. № 17/18. Сан-Франциско, 1901.
22. *Трубецкой Г.* Памяти свят. патриарха Тихона // Седмица. Ру 12/30/2007. С. 24. <http://www.sedmitza.ru/index.html>
23. Американский православный Вестник. Сан-Франциско, 15/28 окт. 1901.
24. Американский православный вестник. № 8/9. Сан-Франциско, 1902.
25. Канадский православный миссионер. № 8/9. Виннипег, 1926.
26. Русский народ. № 22. Виннипег, 1917.
27. Русский народ. № 29. Виннипег, 1917.
28. Русский народ. № 1. Виннипег, 1918.
29. *Филипповский Адам*. Не могу молчать. Виннипег, 1919. С. 5.
30. Там же. С. 53.
31. Впоследствии священномученик канонизирован Чехословацкой православной церковью.
32. *Максименко Виталий*. Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955. С. 33.
33. *Новины*. Эдмонтон, 21 марта 1914.
34. Канонизирован православной церковью Америки в 1996 г.
35. Юбилейный сборник в память 150-летия РПЦ в Северной Америке. Т. 2. Нью-Йорк, 1945. С. 80.
36. Там же. С. 78.
37. На буковинском диалекте среди простых людей слово «владыка» произносится не на «в», а на «б».
38. Журнал Московской патриархии. № 12. Москва, 1969.
39. Откровение Святого Иоанна Богослова 2, 25.

Юрий ДАНИЛЕЦ

АРХИМАНДРИТ ИОВ (КУНДРЯ): ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ТРУДЫ ПОДВИЖНИКА

История православной церкви в Закарпатье богата жертвенными примерами благочестия. После принятия унии в XVII в. за православную веру страдали о. Михаил Андрелла (Оросвиговский), епископ Досифей (Федорович), о. Иоанн Раковский и другие. В начале XX в. на Закарпатье началось широкое крестьянское движение за возвращение к вере предков – православию. Главным очагом православного движения стали села Иза возле Хуста и Великие Лучки возле Мукачева. Село Иза в XX в. дало матери- церкви большое количество праведников и подвижников. Среди них наиболее известны игуменья Параскева (Прокоп, в схи-

ме Нина), архимандрит Матфей (Вакаров), архимандрит Амфилохий (Кеминь), архимандрит Викентий (Орос). В последнее время в научной и богословской среде идет полемика о канонизации другого праведника-изянина - архимандрита Иова (Кундря).

Деятельность архимандрита Иова интересовала журналистов и ученых еще с советских времен. Однако не всегда они писали об о. Иове правду, в основном это были небольшие статьи критического и фальсификационного характера. Более объективно писали о нем церковные издания: ЖМП и «Православный вестник». После развала СССР в периодике и Интернет-изданиях появилось несколько научных попыток изучить жизненный путь старца. Коротко рассмотрим некоторые статьи и заметки, посвященные деятельности архимандрита Иова (Кундря).

Во второй половине 1950-х гг. на Закарпатье стартовала новая кампания против монашества и монастырей. О. Иов категорически выс-

тупил против ликвидации скитов и монастырей, поэтому на него началась травля в периодике. В марте 1959 г. газета «Советское Закарпатье» опубликовала серию статей под заглавием «Черная паутина», автор «большое внимание» уделил деятельности Городиловского Свято-Троицкого скита, где настоятелем был о. Иов¹. Например, 12 марта 1959 г. газета писала о том, что в монастырь по почте приходит большое количество денежных переводов, посылок с продуктами и вещами и т.д. В вину о. Иову также ставилось распространение фоторепродукций с видами Городиловского скита и принятие на ночлег паломников. Безусловно, главным заданием статьи было опорочить доброе имя о. Иова и подговорить общественность к закрытию святыни.

После смерти о. Иова о. Ефрем (Молнар) в ЖМП опубликовал некролог, где впервые комплексно но кратко рассматривалась биография подвижника². В 1993 г. Борис Споров в этом же издании на девяти страницах разместил статью об о. Иове. К сожалению, Б. Споров использовал для написания статьи только воспоминания людей, которые знали старца, и не соизволил их проверить³. Поэтому в публикации встречаются неточности и грубые ошибки. Эти проблемы характерны и для публикации Дмитрия Трибушного в журнале «Живой родник» (2003, № 9)⁴. Во-первых, он утверждает что о. Иов принял монашество в 12 лет, что не отвечает действительности. Во-вторых, автор не знает истории Закарпатья, иначе он не утверждал бы, что «до 1919 г. Закарпатская Русь находилась в составе Австро-Венгрии. Православные христиане в ней были лишены всех прав, монастыри разорялись, священников истребляли. Известны случаи, когда монахов и монахинь закапывали живыми в землю». Здесь сразу несколько неточностей: так, Австро-Венгрия прекратила свое существование в 1918 г.; православные монастыри не могли разоряться, так как их не было с XVIII в.; безусловно, православное движение в 1901-1918 гг. преследовалось венгерскими властями, но в документах не зафиксировано истребление духовенства.

Несколько слов надо сказать и о публикациях в Интернете. Например, на сайте «Колымские мученики» Нина Соболева пишет о том, что Городиловский скит был сожжен немцами до основания и восстановлен в 1945 г.⁵ На другом сайте, «Духовный Собеседник», в 2005 г. Галина Пыльнева также повторяет эту версию, но датирует 1946 г.⁶ Следует отметить, что братский корпус Городиловского скита действительно сгорел в 1945 г., но в это время Закарпатье было давно освобождено Красной армией. Кроме того, немецкие части не проводили на Закарпатье какие-то серьезные военные действия, здесь господствовала в 1939-1944 гг. венгерская администрация. В 2005 г. в 20-ю годовщину смерти о. Иова на страницах закарпатских газет по-

явилось сразу несколько статей разных авторов⁷. В 2007 г. появились статья «Архимандрит Иов (Кундря)»⁸ Олександра Монича, которая является плагиатом с работ Г. Пыльневой и Н. Соболевой. Об этом неприятном факте мы писали в статье от 9 июня 2007 г.⁹

Праведник благочестия Иван Кундря родился 18 мая 1902 г. в селе Иза в многодетной семье Георгия Кундри и Анны Мадяр¹⁰. В детстве Иван с братом Георгием активно следили за православным движением в родном селе, стремились помочь взрослым в борьбе за веру предков, так как венгерская власть преследовала православных. В с. Иза Иван окончил 8 классов народной школы, а в 1920 г. и хозяйственные курсы. В 1924–1925 гг. он служил в чехословацкой армии в Михайловцах (Словакия)¹¹.

В 1920-х гг. в Свято-Пантелеймоновском русском монастыре на Афоне подвизалось значительное количество закарпатцев. Именно туда и решил отправиться после военной службы Иван Кундря. Но в поступлении в монастырь им, закарпатцам, отказали. Главной причиной этого стала политика греческих властей, направленная на эллинизацию Афона. 10 сентября 1926 г. правительство Греции приняло закон, согласно которому все монахи, независимо от их национальности, считались греческими подданными. Этим законом в афонские монастыри запрещалось принимать лиц, которые не имели греческого гражданства, что давало возможность отказывать в оформлении виз и паспортов¹².

После этого случая Иван Кундря еще один раз сделал попытку попасть на Афон, но и она закончилась неудачей. В это время в с. Иза уже действовал Свято-Николаевский мужской монастырь, где Иван окончил в 1928 г. пастырско-богословские курсы. После письма настоятеля Свято-Пантелеймоновского монастыря архимандрита Мисаила Иван Кундря с несколькими друзьями решили построить монастырь у себя на родине – недалеко от с. Иза, в Городилове. В 1930 г. Иван Кундря, Василий Орос, иеромонах Пантелеймон (Кундря) и другие взамен своих земельных участков в Изе выкупили небольшой участок в Городилове. Первым настоятелем созданного в честь Святой Троицы скита стал архимандрит Алексей (Кабалюк, канонизованный УПЦ в 2001 г.), после него эту миссию исполнял архимандрит Амфилохий (Кеминь). 22 декабря 1938 г. архимандрит Алексей рукоположил Ивана Кундюра в монахи с именем Иов.

С оккупацией Закарпатья венграми в 1939 г. о. Иов решил эмигрировать в СССР. В 1940 г. он осуществил свою идею, но на советской границе был арестован и осужден как шпион на 25 лет лагерей. Старца переводили из лагеря в лагерь, некоторое время он отсидел в Воркуте, потом на Колыме и в Норильске.

В 1942 г. о. Иова как гражданина Чехословацкой республики забрала на фронт в корпус Людовика Свободы. На войне о. Иов служил в артиллерии, подносил снаряды. После войны некоторое время охранял чехословацкое посольство в Москве. В 1945 г. о. Иов вернулся в родную обитель. В письме от 14 ноября 1945 г. к епископу Мукачево-Ужгородскому Нестору (Сидоруку) архимандрит Алексей (Кабалюк) писал: «Прошу рукоположить в иеродьяконы монаха о. Иова (Кундюря), который есть моим заместителем в ските Городилово»¹³. Епископ исполнил просьбу архимандрита 16 ноября 1945 г. 10 декабря 1945 г. братия Городиловского скита просила епископа рукоположить о. Иова уже в сан иеромонаха¹⁴. Рукоположение состоялось 7 мая 1946 г.¹⁵. На монастырском собрании братия избрала его настоятелем.

Во время руководства о. Иова обитель стала расширяться и богатеть. Монахи построили трапезную, братский корпус, кухню. За заслуги перед церковью о. Иов получил в 1947 г. сан игумена. Архимандрит Ефрем (Молнар), который хорошо знал о. Иова, так описывал его деятельность: «Возглавляя скит в 1946-1958 гг., он был для монахов и простых мирян примером. О. Иов почти никогда не использовал административные приказы. Каждый день служил в церкви сам. По окончании литургии и трапезы сообщал братии о послушании и сам присоединялся к работе. В свободное от работы время братия собиралась в трапезной, где один из монахов читал монашеский устав, а о. Иов давал соответствующие разъяснения, как нужно использовать монашеские правила в повседневной жизни. Иногда он рассказывал о тех событиях, современником которых ему приходилось быть. Его человеческими качествами были трудолюбие, простота во взаимоотношениях, милосердие, смиренность...».

Архимандрит Матфей (Вакаров) как благочинный монастырей и скитов в 1951 г. так характеризовал о. Иова: «Человек весьма скромный и братиею любимый...»¹⁶. Епископ Мукачево-Ужгородский Илларион (Кочергин) в 1955 г. писал: «Игумен Иов (в миру Кундюря Иван Георгиевич) отличается монашеским смирением и послушанием, молитвенностью и трудолюбием. Ввиду этих своих духовных качеств он снискал себе уважение среди монашества, духовенства и верующих. Как настоятель скита он неутомимо заботится о всех нуждах скита и его насельников»¹⁷.

В 1950 г. архиепископ Львовский, Тернопольский и Мукачево-Ужгородский Макарий (Оксиюк) обяывает старца быть духовником не только для Городиловского скита, но и для Мукачевского монастыря, который незадолго перед этим вернули православным. В 1951 г. новый епископ Мукачево-Ужгородский Илларион (Кочергин) снимает о. Иова

с этой должности и поручает ему обслуживать Свято-Ильинскую церковь села Велятино Хустского района и благочиния Закарпатья, при обязанности регистрации у уполномоченного по делам религий Русской православной церкви.

Во время правления епископа Варлаама (Борисевича) в Мукачевско-Ужгородской епархии начинается планомерное наступление на права монастырей и скитов. О. Иов выступил против этой политики, даже подписался под коллективным письмом к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I – жалобе на епископа Варлаама с прошением сместить его. После этого случая епархиальное начальство сместило его с должности настоятеля, а скит был закрыт.

В 1958-1959 гг. он находился в Свято-Николаевском монастыре в с. Иза-Карпутлаш Хустского района. 17 марта 1959 г. о. Иов обратился с прошением к епископу Варлааму, в котором просил перевести его в другую епархию. Но епископ отказал подвижнику в просьбе¹⁸.

В 1959-1960 гг. о. Иов находился в Спасо-Преображенском монастыре в с. Тербля Тячевского района, где некоторое время исполнял послушание настоятеля¹⁹. В 1960-1961 гг. он - настоятель храма в с. Угля Тячевского района, а в 1961-1962 гг. служит в с. Монастырец Хустского района. В 1962-1985 гг. был священником храма Святого Дмитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

Старец был бескорыстным человеком, это мы видим из многих документов его собственного архива, которые старательно хранит в храме с. Малая Уголька о. Иоанн Коньовший. В одном из заявлений на имя архиепископа Григория (Закаляка) от 22 июля 1966 г. читаем: «Узнал что Вы хотите рукоположить меня в архимандриты, прошу оставить меня в сане игумена, потому что считаю себя не достойным такого большого сана»²⁰.

О. Иова как благочестивого пастыря верующие многих сел области приглашали для освящения престолов, иконостасов, церквей. С такими миссиями он побывал: в Хустском районе - в селах Стеблівка, Бороняво, Сокирниця; в Вел. Кривом, Диброве, Билине на Тячевщине, в Среднем Водяном, Квасах на Рахивщине, в Межгорье и т.д. Кроме того он часто посещал Чумалевский и Мукачевский монастыри.

За пять лет до своей смерти, 25 февраля 1980 г. о. Иов составил завещание, в котором писал: «Я, нижеподписавшийся архимандрит Иов, 20 лет прожил в Малой Уголке при храме Святого Дмитрия, моя жизнь подходит к концу, скоро мне исполнится 80 лет. Незвестный день моей смерти. Много священников завещают похоронить их в монастыре или в родных селах, а я запрещаю куда-нибудь увозить мое грешное тело. Завещаю отпеть монашеским чином и похоронить возле креста на середине кладбища»²¹.

О. Иов за свои заслуги перед Богом получил прекрасный дар – прозорливость и умение исцелять больных. Воспоминания об исцелении тяжело больных и бесноватых публиковались на страницах разных изданий в Украине и России.

28 июля 1985 г. архимандрит Иов умер. В день своей смерти, в воскресенье, отслужил литургию, произнес длительную речь и выполнил все необходимые требы для верующих. В тот же день, около 10 часов вечера, ему стало плохо, и с молитвой на устах он закончил свой земной путь. Похороны состоялись 31 июля. Службу возглавил архимандрит Ефрем (Молнар). С речами выступали протоиерей Г. Келемен, архимандрит Евфимий (Шутак). Молитвы пели монахини Чумалевского и Мукачевского монастырей и многие миряне, что пришли провести в последний путь своего наставника.

Таким образом, жизнь старца Иова была тяжелой и поучительной. Он всегда пытался исповедовать слово Божье и помогать людям. Считаем, что замысел канонизации архимандрита Иова является вполне правильным и заслуживает воплощения в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Билинец С.* Черная паутина // Советское Закарпатье. – 1959. 12, 17 марта.
2. Архимандрит Иов (Кундря) // ЖМП. 1986. № 3. С. 29.
3. *Споров Б.* Уголька, или Отец Иов // ЖМП. 1993. № 5. С. 75-83.
4. *Трибушний Д.* Архимандрит Иов (Кундря) – старец из Малой Угольки // Живой родник. 2003. № 9. С. 32-35.
5. *Соболева Н.* Архимандрит Иов (Кундря) // Собор Колымских святых // Интернет.
6. *Пыльнева Г.* Оазис молитвы // Духовный Собеседник. 2005. № 2 // Интернет.
7. *Химинец Т.* Живет в сердцах память о святом человеке // Дружба. 2005. 23 июля; *Стан Т.* Добросовестный, богословский труд творца человеческого счастья, духовного спасителя архимандрита Иова // Тячев. – 2005. 23 июля; *Данилец Ю.* Архимандрит Иов (Кундря): жизнь отдана служению Богу и людям // Старый Замок Паланок. 2005. 1-7 сентября.
8. *Монич О.* Архимандрит Иов (Кундря) // Срибна Земля. 2007. 19 апреля.
9. *Данилец Ю.* Архимандрит Иов (Кундря): мифы и реалии // Трибуна. 2007. 9 июня; Архимандрит Иов (Кундря): мифы и реалии // Православие в Украине // <http://orthodoxy.org.ua/uk/node/8316>
10. Иов (Кундря). Жизнеописание от 15.11.1935 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.
11. *Данилец Ю.* Православные монастыри Хустского района. (XX век): Издание второе / Предисловие проф. Данилюка Д. Ужгород: Гражда, 2005. С. 105.
12. *Данилец Ю.* Закарпатцы и Афон // Карпатская Украина. Красне Поле. 2006. 29 июля. С. 5.

13. *Алексий (Кабалюк), архимандрит.* Прощение к епископу Нестору (Сидорук) от 14.11.1945 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

14. Прощение братии Городиловского скита к епископу Нестору (Сидорук) от 10.12.1945 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

15. *Нестор (Сидорук), епископ.* Грамота иеромонаху Иову (Кундря) от 24.04.1946 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

16. *Матфей (Вакаров), архимандрит.* Характеристика игумена Иова (Кундря) от 26.01.1951 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

17. *Илларион (Кочергин), епископ.* Характеристика на игумена Иова (Кундря) от 8.08.1955 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

18. *Иов (Кундря), игумен.* Прощение к епископу Мукачево-Ужгородскому Варлааму (Борисевич) от 17.03.1959 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

19. *Чопик-Микунда С.* Спасо-Преображенский мужской монастырь возле села Теремля (1921-2001). Ужгород: Гражда, 2007. С. 61.

20. *Иов (Кундря), игумен.* Заявление к архиепископу Мукачево-Ужгородскому Григорию (Закаляк) от 22.07.1966 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

21. *Иов (Кундря), архимандрит.* Завещание от 24.02.1980 г. // Архив храма святого Димитрия Солунского в с. Малая Уголька Тячевского района.

Михаил ДРОНОВ

МИХАИЛ САРЫЧ: ШТРИХИ К НЕОКОНЧЕННОМУ ПОРТРЕТУ

Несмотря на то, что Угорская Русь долгие столетия являлась органичной частью культурно-политического мира Венгерского королевства, населявшие ее русины по сути никогда не порывали контакты с восточнославянскими центрами за Карпатами. Одним из видов подобных контактов, особенно в XVIII-XIX вв., была эмиграция представителей русинской интеллигенции в Россию. Как правило, в этой связи вспоминают имена Ивана Зейкана (ок. 1670-1739), Петра Лодия (1764-1829), Василия Кукольника (1765-1821), Михаила Балудянского (1769-1847), Ивана Орлая (1770-1829), Юрия Венелина (1802-

1839), Андрея Дешко (1821-1874) и некоторых других. Однако с уверенностью можно сказать, что многие яркие личности, переселившиеся из Угорской Руси в Российскую империю, остались без заслуженного внимания со стороны исследователей. В частности, это касается такой забытой фигуры, как Михаил Сарыч¹, жизнь и деятельность которого теснейшим образом связаны не только с историей русинско-российских связей, но и возрождением православия в Карпатах.

Михаил Сарыч родился в 1862 г. на Маковице, в селе Комлоша (ныне с. Хмелева Бардеевского округа Словакии). Учился в низшей католической гимназии в Бардееве, позднее в Пряшевской королевской католической высшей гимназии, которую успешно окончил в 1884 г. Свои студии готовившийся к священническому служению Сарыч продолжил в греко-католической епископской семинарии, также в Пряшеве. Но закончить последнюю ему не было суждено.

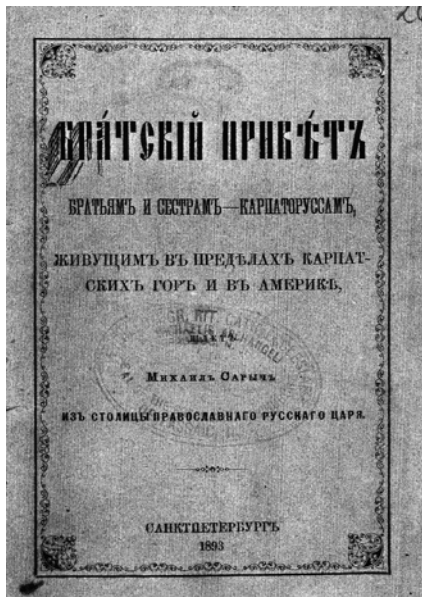
Будучи униатским семинаристом, Сарыч, вероятно, во время летних каникул, совершил путешествие в Россию, где посетил святыни Киево-Печерской лавры. Восторженные впечатления Сарыча от пре-

бывания в соседней империи с господствующим этнически близкородственным населением и от более основательного знакомства с православием пришлось не по душе узнавшему об этом греко-католическому духовенству. Известие о путешествии в Россию дошло до епископа Иоанна Валия (1837-1883-1911), в результате чего Михаил Сарыч был вынужден покинуть семинарию. Не исключено, что, еще проживая в Австро-Венгрии, Сарыч совершил несколько путешествий в Россию. В частности, на эту мысль наталкивает имеющаяся информация о его переходе на российской территории в православную веру и последовавшем за этим пребывании в черновицкой тюрьме.

Вероятно, в 1892 г. Сарыч перебрался в Российскую империю на постоянное жительство. А уже в 1893 г. в Санкт-Петербурге вышла его брошюра, адресованная «братьям и сестрам карпаторусам, живущим в пределах Карпатских гор и в Америке»². Лейтмотивом 88-страничной публикации стали аргументы в пользу православного вероучения и критика унии. Подобное издание было особенно актуальным в связи с начавшимися в 1891 г. массовыми случаями перехода русинских «заробитчан» на Американском континенте в православие. Также до настоящего времени данная брошюра была основным источником сведений о Сарыче.

Какие же именно взгляды разделял Михаил Сарыч? Обратимся за ответом к упомянутому выше изданию.

Уже в обращении к своим землякам Сарыч лаконично называет себя

их *«братом по русской крови и православной вере»*³. Далее в тексте дано более точное представление автора о месте русинов в рамках славянского мира: *«По этому Закону Божиему и мы, карпаторусы, составляющие нераздельную часть великого и могущественнейшего на земле русского народа, родились во времени от русских родителей в пределах русских Карпатских гор, кто в нынешней Угорщине (Венгрии), кто в Галиции, а кто в Буковине»*⁴. Называя русинов православными, он отдает себе отчет, что собственно православие является господствующей конфессией лишь на Буковине, а *«рус-*

ские ... в Галиции (три миллиона) и в Угорщине (полмиллиона) еще находятся в духовном рабстве, в своих заблуждениях и зависимости от римского папы и латинского духовенства»⁵.

Мироощущению Сарыча явно присущ региональный патриотизм, любовь к малой родине – Карпатской Руси. Например, это можно проследить в его рассуждениях о церковном пении: *«Я до сих пор слышал уже много чудных хоров в православных русских храмах, но при всем их искусстве, без участия всех присутствующих, они не производят на меня такого впечатления, какое оставили во мне всенародные богослужения в бедных церквях карпаторусов»⁶.* Вместе с этим, как отмечалось выше, Сарыч – типичный сторонник общерусской концепции, рассматривавшей восточное славянство как единое целое, и российский монархист, преклоняющийся перед мощью империи Романовых. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует следующая цитата: *«Все вы, любезные братья и сестры, носящие русское и православное имя, памятите, что вы принадлежите к великому русскому народу, господствующему над целою шестою частью всей земли, что русский народ представляет собою могущественнейшую в мире державу с самодержавным царем во главе, от слова которого зависят судьбы народов и пред которым трепещет весь мир!»⁷.*

Явную неприязнь Сарыча вызывают поляки. Не чужды ему и весьма типичные для того периода антисемитские настроения, о чем говорят сразу несколько пассажей брошюры⁸.

До недавнего времени о судьбе Михаила Сарыча после 1893 г. не было ничего известно. По предположению И. Шелепца, он мог или навсегда остаться жить в России, или выехать за ее границы с целью православного миссионерства⁹.

Однако, как выясняется, жизнь Сарыча пошла иным путем. Недавно мы совершенно случайно обнаружили статью Михаила Сарыча в ужгородском издании «Наука» за 1912 г.¹⁰ Так, в сентябрьском и октябрьском номерах был опубликован его материал, озаглавленный «С Востока Ази»¹¹, который несколько приоткрывает завесу таинственности над судьбой путешественника.

Из статьи мы узнаем, что Сарыч десять лет не был на родине, девять из которых он находился на российском Дальнем Востоке. Таким образом, получается, что в самом начале XX в. он вновь побывал на Угорской Руси. В 1902 г. Сарыч вместе с супругой приехал во Владивосток. Здесь же, терпя все лишения, он, видимо, находился во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Неизгладимые впечатления от недостатка продовольствия в военное время побудили Сарыча заняться

сельским хозяйством, открывшего собственное дело. Однако, насколько можно понять, его попытки не возымели успеха.

В статье содержатся ценные свидетельства о тогдашних дальневосточных реалиях, как в культурном, так и, в особенности, социально-экономическом измерениях. Искреннее сожаление Сарыча вызвали лень и пьянство русских работников. Напротив, позитивным примером явились китайцы с их методами хозяйствования. Заслужили доброе слово Сарыча также корейцы, японцы и старообрядцы.

К слову, Сарыч сталкивался на Дальнем Востоке, видимо, не только и не столько с великороссами, сколько с малороссами¹² (а, возможно, также и белорусами: в частности, он упоминает земледельцев из Черниговской губернии, северная часть которой этнографически была белорусской¹³).

Несомненно, что на пути к читателю статья была подвергнута, как минимум, определенной языковой корректуре. Следует отметить, что «Наука», выходявшая под заголовком «духовна и поучительна газета для угро-русского народа», публиковала тексты на «язычиин», в разных изводах которого преобладали различные элементы. Малопонятные для жителей Угорской Руси русские и украинские литературные слова, как правило, или заменялись, или снабжались уточнениями. Бросается в глаза, что текст Сарыча, вероятно, был написан на русском литературном языке. Однако для лучшего понимания читателей в публикации были заменены великорусские местоимения, отдельные прилагательные, окончания глаголов и т.д.

Интересен конфессиональный аспект. «Наука» являлась органом Общества св. Василия Великого, а после его роспуска в 1902 г. – издательства «Унио». Т.е. идеологически твердо стояла на позициях греко-католицизма и венгерского государственного патриотизма. Редактором «Науки» с 1903 г. являлся тогда еще далекий от радикального украинофильства о. Августин Волошин (1874-1945)¹⁴. Принимая во внимание известное нам прошлое Сарыча, публикация его в данном издании может показаться странной.

Возможно, Сарыч возвратился в унию? На наш взгляд, скорее всего, нет. Во-первых, в своем разгаре находилась мадьяризация, и русины Угорской Руси, в отличие от галичан, не могли похвастаться большим количеством собственных периодических изданий. Свое издание для тогда еще немногочисленных местных православных применительно к данному периоду вообще сложно себе представить.

В самой статье Сарыч если не открыто положительно, то нейтрально отзываясь о православии. Более того, он упоминает случай, когда убеждал своих русских работников достойно подготовиться к празднику Рождества, хотя последние вновь напились и отсутствовали на

богослужении¹⁵. Встречающееся же в тексте один раз слово *шизма-тики* (в скобках, при перечислении численности верующих различных христианских конфессий в качестве оппозиции численности буддистов), вероятнее всего, происходит из редакторского лексикона.

К сожалению, после 1912 г. наши сведения о Михаиле Сарыче вновь отсутствуют. Осел ли он в родных Карпатах, вернулся ли в Россию или выехал за океан? Возможно, ответы на эти и другие остающиеся вопросы дали бы архивные поиски, а также более детальное изучение венгерской и российской (в первую очередь, дальневосточной) периодики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возвращению М. Сарыча из забвения мы должны быть благодарны пражскому библиографу Йосифу Шелепцу, опубликовавшему о нем следующую статью: *Шелепецъ Й.* З історії православної аґітації в Східній Словаччині в ХІХ сторіччі // Дукля. Пряшів. 1996, № 1. С. 44-46.

2. *Сарыч М.* Братский привет братьям и сестрам карпаторусам, живущим в пределах Карпатских гор и в Америке, шлет Михаил Сарыч из столицы православного русского царя. СПб., 1893. Вследствие малых языковых отклонений от русского литературного стандарта название и последующие цитаты приводим в соответствии с современным правописанием.

3. *Сарыч М.* Братский привет... С. 5.

4. Там же. С. 5-6.

6. Там же. С. 38.

7. Там же. С. 87.

8. Там же. С. 35-36.

9. *Шелепецъ Й.* Указ. соч. С. 46.

10. Справедливости ради отметим, что, когда мы проинформировали И. Шелепца о находке, выяснилось, что уже после выхода в свет его упомянутой публикации о Сарыче он тоже обнаружил его статью в «Науке».

11. *Сарыч М.* С Востока Азії // Наука. Унгварь. 1912, № 9. С. 17-21; № 10. С. 14-18.

12. В украинской национальной историографии совокупность украинских (на начало XIX в., думается, еще в любом случае – малорусских) поселений на Дальнем Востоке обозначается понятием Зеленый Клин (другие названия – Новая Украина, Зеленая Украина). По мнению известного советского демографа В.М. Кабузана, Дальний Восток был освоен в основном украинскими селянами (см: *Брук С.И., Кабузан В.М.* Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX столетий // Советская этнография. 1981, № 5. С. 22, 23).

13. *Аргудяева Ю.В.* Белорусы-литвины в Приморье (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы культуры Дальнего Востока. Научная конференция. Владивосток, 1993.

14. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 269.

15. *Сарыч М.* С Востока Азії. С. 16.

Константин КУЦОВ**АЛЕКСАНДР ИЛЬНИЦКИЙ (1889-1947)
И ТЕОРИЯ УГРО-РУСИНИЗМА**

Вопрос национальной самоидентификации коренного славянского населения современного Закарпатья (Закарпатская область, Украина) на протяжении довольно долгого периода оставался спорным и являлся своеобразным «Парисовым яблоком», разделявшим местную политическую и интеллектуальную элиту на несколько противоборствующих групп. Даже в настоящее время, когда большинство закарпатцев идентифицируют себя с украинцами, было бы весьма смело утверждать, что национальный вопрос в этом регионе полностью решен¹.

Среди форм поиска «национального я» у русинов Закарпатья в XX в. стоит выделить теорию угро-русинизма, активно разрабатывавшуюся в период пребывания края в составе Венгерского королевства (1939-1944). Одним из основных ее идеологов был каноник Мукачешской греко-католической епархии Александр Ильницкий.

Талантливый публицист, богослов, активный общественный и культурный деятель Александр Юльевич Ильницкий родился 30 января 1889 г. в с. Черный Арданов комитата Угоча, Австро-Венгерская монархия (сейчас с. Чернотисово, Виноградовский район, Закарпатская область, Украина), в семье местного священника. Получив образование в народной школе родного села (1895-1900), гимназиях Сату-Маре (1900-1907) и Ужгорода (1907-1908), Пряшевской греко-католической духовной семинарии (1908-1912), Александр твердо решил связать свою жизнь с «душпастьерством». В 1914 г. он принял сан и в последующее время служил помощником приходского священника в селах Ильница (1914-1915) и Великие Лучки (1915-1916).

Рано овдовев, молодой священник еще более сосредоточился на духовной карьере и в скором будущем стал одним из ведущих иерархов Мукачешской епархии. В 1916 г. он был приглашен на службу в епархиальное управление, где исполнял функции секретаря («нотаря») консистории (1916-1931), мажордома епископской резиденции (1917-1919), прокурора (1931-1943) и казначея (1932-1936) епархии. Параллельно с этим Ильницкий служил помощником священника (1919-1926), младшим каноником (1926-1930), каноником-певцом (1930-1931), каноником-учредителем (1931-1939) Ужгородского греко-католического кафедрального собора, преподавал основы веры в Ужгородской женской гражданской школе (1922-1927). На протяжении своей духовной карьеры свя-

щенник был удостоен титулов консисторского советника (1921), каноника (1930), протоиерея (1939), апостольского администратора (1940)².

С середины 20-х гг. А. Ильницкий начал активную общественную деятельность, которая, что вполне естественно, на тот момент носила исключительно религиозный характер: возглавлял Общество катехитов (*преподавателей основ религии и морали – К.К.*) Мукачевской епархии (1924-1928), был директором «Канцелярии Оборона веры и церкви» (1924-1944), национальным директором (для Мукачевской и Пряшевской епархий) обществ «Operis Pontificil a Propugatione Fidei» («Папское дело распространения веры», 1928-1944) и «Pia Unio Cleri pro Missionibus» («Миссия клира побожной Унии», 1938-1944), редактором духовных периодических изданий – «Душпастырь» (1928-1941), «Вестник дела ширения веры» (1931-1933), «Миссийный вестник» (1933-1938), «Проповеди» (1928-1932), «Добрый пастырь» (1932-1942), «Календарь миссийного вестника» (1934-1937)³.

Относительно же национальных убеждений будущего идеолога угорусинизма в период 20-30-х гг. (*в это время вопрос национальной самоидентификации в Закарпатье был одним из наиболее актуальных – К.К.*) очень трудно сделать какие-либо конкретные выводы, поскольку он мог одновременно издавать журнал «Душпастырь» языком, приближенным к русскому литературному⁴ и состоять в рядах Христианско-народной партии Подкарпатской Руси (1924-1932), которую исследователи называют партией украинофильского направления⁵. Ответа не дает и анализ сочинений Ильницкого, опубликованных в этот период, так как национальный вопрос в них затрагивался лишь косвенно⁶. Следует также отметить, что Ильницкий не принимал участия в работе ни украинофильской «Просвіти», ни русофильского «Общества им. А. Духновича», и вообще довольно долго оставался в стороне от «языкового спора», господствовавшего в среде местной интеллигенции того времени.

Не выясненным до конца и вызывающим дискуссии среди биографов остается также вопрос: с какого момента А. Ильницкий начал заниматься политической деятельностью? Так, Степан и Даниил Бендасы придерживаются мнения, что до 1939 г. Ильницкого вообще не интересовала политика, а Емельян Довганич, наоборот, утверждает, что тот стремился к активной политической деятельности, и как доказательство приводит факт его членства в партиях⁷.

Имея объективную основу, каждое из этих мнений в целом является неверным. Интерес к политике о. Александр проявлял еще с момента присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии (он был участником делегации Центральной Русской Народной Рады, которая в июне 1919 г. вела переговоры с правительством ЧСР относительно условий вхождения Подкарпатской Руси в состав республики⁸). Позже он действительно был членом политических партий, однако, при вступлении

в них руководствовался не стремлением к активной политике, а желанием поскорее сделать духовную карьеру. Достаточно сопоставить несколько фактов, чтобы убедиться в этом: в 1924-1932 гг. Ильницкий был членом ХДП – партии, созданной с благословения Мукачевского епископа Петра Гебея⁹; в 1931 г. П. Гебей умер, а его место вскоре занял Александр Стойка, сторонник оппозиционного Автономного земледельского союза¹⁰, именно тогда А. Ильницкий и вступил в ряды АЗС. С этого момента (а не с 1939 г.) начинается его активная политическая деятельность, во многом направляемая самим А. Стойкой¹¹.

Уже в 1934 г. А. Ильницкий вошел в состав президиума партии¹², тогда же начинают проследиваться его национальные убеждения. Автономный земледельский союз образца 1933-1938 гг., несмотря на свою электоральную популярность, лишь создавал видимость целостной организации. Члены его руководства, объединенные желанием вернуть Подкарпатскую Русь в состав Венгрии¹³, во взглядах на «национальный вопрос» были поделены на две противоборствующие группы. С одной стороны находились основатели партии (А. Бродий, М. Демко, Ю. Фелдеший и др.), которые после смерти лидера АЗС И. Куртяка в своих национальных взглядах полностью склонились к русофильству, с другой – иерархи греко-католической церкви, вступившие в партию после назначения Стойки епископом и так же как и он придерживающиеся русинофильских взглядов. Лидером этого крыла АЗС был А. Ильницкий¹⁴.

Современная украинская историография (как и в свое время советская) резко негативно оценивает роль Автономного земледельского союза, в этом отношении больше всего достается лидеру партии Андрею Бродию. А. Бродий действительно был лицом партии, его популярность среди населения давала возможность АЗС постоянно находиться в эпицентре политической жизни края, однако не стоит заблуждаться, что во взаимоотношениях между АЗС и венгерскими правительственными кругами он играл первую скрипку. Для правительства Венгрии харизматичный Бродий с его ярко выраженными русофильскими симпатиями был менее приемлем, нежели воспитанный в духе венгерского государственного патриотизма русинофил А. Ильницкий. И потому именно Ильницкий был более осведомлен о реальных планах венгерского правительства относительно Подкарпатской Руси – еще в начале 1937 г. премьер-министр Венгрии Т. Патаки сообщил ему о неминуемом расколе Чехословакии и предстоящей аннексии Подкарпатской Руси, об этом Ильницкий впоследствии проинформировал других лидеров АЗС¹⁵. Но даже владея подобного рода информацией, каноник Ильницкий предпочел еще некоторое время оставаться в тени Бродия, не принимая активного участия в борьбе за автономию Под-

карпатской Руси, и терпеливо ждать, когда время расставит все на свои места...

Это произошло 2 ноября 1938 г., когда, исполняя решение Венского арбитража, в Ужгород вступили венгерские войска. Гонимые встречала многочисленная демонстрация местных мадяронов. На митинге, состоявшемся в тот же день, свое приветствие «освободителям от чешского ярма» высказал Александр Ильницкий¹⁶.

Безусловно, период пребывания Закарпатья в составе Венгерского королевства стал звездным часом в политической и духовной карьере А. Ильницкого. Его последовательная лояльность Святостефанской короне была щедро вознаграждена назначениями на несколько ключевых постов: депутата верхней палаты парламента Венгерского королевства (июнь 1939) и главного советника регентского комиссара Карпатской территории (ноябрь 1939), что позволило в течение следующих пяти лет оставаться наиболее влиятельной фигурой политической жизни края¹⁷, оттеснив на периферийные роли Бродия, Фенцика и других амбициозных политиков. Не последнюю роль лояльность каноника сыграла и в том, что после смерти епископа Стойки он в качестве епархиального викария в течение полугода был полноправным руководителем епархии и считался одним из наиболее вероятных претендентов на епископский трон¹⁸. Кроме того, Ильницкий играл передовую роль и в общественной жизни этого периода – был председателем (1940-1941), протектором (1941-1944) Ужгородского футбольного клуба «СК Русь», неформальным руководителем организаций «Союз подкарпатских товарищей им. М. Берчени» (осн. 1939), «Культурное общество им. И Куртыка» (осн. 1941), «Организация греко-католической молодежи» (осн. 1940)¹⁹, редактором периодических изданий «Карпатська неділя» (1939-1941), «Неділя» (1941-1944), «Миссийный календарь» (1938-1943)²⁰.

С осени 1938 г. Александр Юльевич опубликовал несколько сочинений, благодаря которым вошел в историю политической мысли края как один из идеологов угро-русинизма. Его первой заметной публикацией по угро-русинскому вопросу стала статья «Картины о русско-мадярском братстве», опубликованная в конце 1938 г., когда политическое будущее края еще не было до конца ясным (*после Венского арбитража западная часть Подкарпатской Руси вошла в состав Венгерского королевства, а в восточной существовала автономия – субъект федеративной Чехословакии, возглавляемый украинофильским правительством Августина Волошина, стремящегося к политическому (на правах протектората) сотрудничеству с нацистской Германией.* – К.К.). Обращая внимание на актуальности современности, Ильницкий в этой статье, кстати, впервые в своем творчестве, высказал свое отношение к мнению о принадлежности подкарпатских русинов к украинской нации: не выбирая выраже-

ний, критиковал идею Карпатской Украины, деятельность А. Волошина и его сторонников. Однако основной идеей сочинения была далеко не критика украинофильства. Проанализировав события политической истории края (от момента раскола Австро-Венгерской монархии до Венского арбитража), автор попытался доказать актуальность произнесенной некогда Ференцом II Ракоци фразы «Русины – gens fidelissima» (русины – вернейший народ) для современности, добавив, что русины «одновременно есть и братский народ мадьяр, с которыми через общие традиции, жизненные требования и свободное развитие составляют одно неделимое целое», а следовательно в скором времени все русинские земли должны быть объединены в составе Венгерского королевства²¹.

Эту же идею А. Ильницький продолжил в опубликованной спустя год статье «Правосудие истории». В ней автор все внимание акцентирует на существовании самостоятельной русинской нации – славянской по происхождению, но в политической и культурной истории полностью связанной с венграми, нации, для которой чуждыми являются русофильство и украинофильство: «Карпатска территория не мае нич общего с Україною; тут все русины жили и живут, котрых с великороссами и украинцями только славянское происхождение вяже, но котрых отделяе от них в темпераменти в религиозных и народных обычаях, в традициях, а, особливо, в вопросе спольной судьбы сильна стина, непоколебима стина тысячолетней мадярско-руськой истории». Данное утверждение Ильницький повторил и в опубликованной в том же году статье «Новорочна программа русинов»²².

Критике русофильства как чуждой русинам национальной ориентации посвящена также брошюра А. Ильницького «Мадьярское правительство и народный язык подкарпатских русинов», изданная в 1943 г. В ней автор настаивает на том, что русофильство среди подкарпатских русинов означает отказ от родного языка, а следовательно ведет к полной их денационализации, в связи с этим он резко критикует общественную деятельность и творчество литераторов-русофилов XIX в. (Е. Фенцика, И. Сильвая, Ю. Ставровского-Попрадова и др.), и наоборот, высоко оценивает представителей народовецкого направления (Ю. Жатковича, Г. Стрипского, А. Волошина и др.)²³.

Пропагандируемая А. Ильницьким теория в первые годы венгерской власти была далеко не самой популярной в среде местной элиты и находила симпатии лишь среди узкого круга греко-католических священников и венгерских ученых, многие же политические деятели, занимавшие высокие государственные посты (А. Бродий, С. Фенцик, И. Каминский и др.), продолжали придерживаться русофильских взглядов; не воспринимали ее и украинофилы, отошедшие на тот момент от активной общественно-политической деятельности²⁴.

Ситуация резко изменилась в 1940 г., когда должность регентского комиссара Карпатской территории занял Миклош Козма, направивший все свое влияние на утверждение самостоятельного сознания русинов. При его непосредственном участии в январе 1941 г. в Ужгороде было создано «Подкарпатское Общество наук» – организация, сыгравшая важнейшую роль в культурной и национальной жизни русинов Закарпатья в первой половине 40-х гг XX в., ставшая первой ступенью для творческой самореализации многих местных ученых и литераторов²⁵. Сам Козма в приветственной речи к учредительному собранию ПОН заявил, что одним из основных заданий созданной организации является «служити вытворенню самостойной народной сведомости русинов, их национальной самоцельности и их родного языка»²⁶.

В числе основателей и первых действительных членов «Подкарпатского Общества наук» был Александр Ильницкий, поначалу руководивший его литературной и языковой секцией, а в 1942 г. избранный председателем ПОН²⁷. Вообще создание ПОН и поддержка его деятельности венгерской властью имели большое значение для развития его теории угро-русинизма, которая из рядовой концепции национальной самоидентификации автоматически приобрела статус официальной идеологии.

Реально осознавая популярность среди русинов украинофильства и русофильства, вступив на должность председателя «Общества», Ильницкий сделал все возможное для их минимизации. Выступая на собрании ПОН в декабре 1942 г., он заявил, что «Общество» должно уничтожить плоды деятельности чехословацкой власти – национальную и языковую раздробленность населения края и направить национальную жизнь на линию, «обоснованную многовековой спольностью судьбы мадяров и русинов». «Я из своей стороны нияк не могу представити русинов, як «gens fidelissima» – один вернейший к угорской державеной идее руський народ, з великорусскою або украинскою ориентациєю, – заявлял он, – русинов ... треба передовсем освободити от всех остатков из чужины занесенных протягом двох десятилет культурных напрямов – тоесть из русина треба переже зробити русина, что бы потом душевно приобразовати его в носителя угорской идеи, что бы научити его кооперовати з мадярским народом, что бы умив не лишь жити, але если треба – и умерти за тысячилитню святостефанску отчизну»²⁸. Практический результат не заставил себя долго ждать – уже в скором будущем с ПОН активно сотрудничало немало ученых и литераторов, занимавших до этого умеренные русофильскую или украинофильскую позицию.

Понимая, что в процессе формирования национального самосознания любого народа основная роль принадлежит литературе и соответственно литературному языку, а также учитывая языковой хаос, царя-

щий в Закарпатье начала 40-х гг.²⁹, на одном из собраний ПОН А. Ильницкий выступил с идеей кодификации «угро-русского» языка³⁰. Вскоре эта идея была воплощена в жизнь – регентский комиссариат ввел во всех учебных заведениях края в качестве официальной «Граматику русского языка», составленную директором ПОН Иваном Гарайдой³¹.

Искренне считая, что культурная, экономическая и политическая самореализация русинов возможна лишь в союзе с венграми, Александр Юльевич выступал категорически против идей о вхождении края в состав какого-либо иного государства. Особенно неприемлемым для него было возвращение Закарпатья в состав Чехословакии, идея которого в тот период активно пропагандировалась среди русинской диаспоры США и Великобритании отдельными политическими эмигрантами. Свое мнение относительно чехословацкого варианта господин главный советник озвучил в статье «Про что мриют вороги Подкарпатя и руського народа», дав резко негативную оценку периоду недавнего пребывания края в составе ЧСР, называя политику чехословацкого правительства по отношению к русинам «ярмом под маской славянского братства»³².

Проблематике угро-русинизма посвящено еще несколько сочинений Ильницкого, опубликованных в будапештской периодике³³. Анализируя взгляды Ильницкого на национальный вопрос, следует указать одну неточность, допущенную в современной историографии. Так, отдельные исследователи приписывают Ильницкому авторство статьи «Развитие украинской идеологии на Подкарпатской Руси», в которой резко критикуется украинофильское направление в общественной и культурной жизни Закарпатья 20-30-х гг. К данной публикации А. Ильницкий, хотя и относившийся к украинофильству негативно, никакого отношения не имел³⁴.

Для объективной оценки вклада Александра Ильницкого в развитие национального самосознания русинов необходимо отметить, что его собственные теоретические формулы нередко противоречили практическим шагам как государственного деятеля. Яркий пример того – его постоянные выступления против автономизации края в составе Венгрии и пресечение действий других политиков в этом направлении³⁵.

Безусловно, позитивным аспектом деятельности А. Ильницкого как мыслителя и государственного деятеля можно считать проведение четкой границы между русинофильством (как теорией отдельной славянской нации) и другими популярными на тот момент теориями национальной самоидентификации (русофильством и украинофильством), а также практические действия по кодификации русинского литературного языка, негативным же – его взгляд на русинов как *gens fidelissima*, вернейший, но и, одновременно с тем, подданный (а далеко не равноправный с венграми) народ Венгрии, что, в конечном резуль-

тате, могло привести к их полной денационализации, поскольку младшие поколения русинов из субъективных и объективных побуждений старались бы скорее идентифицировать себя с венгерской (правящей) нацией, нежели с русинской. Этому в значительной степени способствовало бы также отсутствие у русинов автономии, а следовательно – полноценной политической жизни и реальной политической элиты, способной стимулировать развитие русинской национальной идеи.

В октябре 1944 г. в Закарпатье вступили войска Красной армии, а до конца месяца венгерские солдаты были изгнаны с территории края. Вслед за этим офицеры подразделения СМЕРШ провели серию арестов коллаборантов – тех культурных и общественных деятелей, которые еще недавно сотрудничали с венгерской властью. В скором будущем в застенках ужгородской тюрьмы очутились Андрей Бродий, Стефан Фенцик, Иван Гарайда, Михаил Демко... Александр Ильницкий был арестован 8 марта 1945 г. в Будапеште и этапирован в Ужгород³⁶. Более года он перебивал под следствием. По утверждениям отдельных исследователей, новые хозяева края предложили закрыть глаза на его политическое прошлое в обмен на переход в православие, от предложения арестант отказался³⁷. 10 июня 1946 г. Военным трибуналом пограничных войск МВД СССР в Закарпатской области 57-летний бывший главный советник регентского комиссара Карпатской территории, депутат верхней палаты Государственного собрания Венгерского королевства, председатель «Подкарпатского Общества наук», священник Александр Ильницкий по обвинению в коллаборационизме был приговорен к двадцати годам лишения свободы. Приговор он отбывал в лагере системы ГУЛАГ около города Томск, где и умер в 1947 г. (*точная дата смерти А. Ильницкого пока неизвестна. – К.К.*). В 1990 г. Закарпатский областной суд посмертно реабилитировал А. Ильницкого³⁸.

Недолгое пребывание Закарпатья в составе Венгерского королевства не дает возможности проанализировать практических результатов воздействия теории угро-русинизма на национальное самосознание русинов Закарпатья, но следует отметить, что и сегодня она имеет определенное количество приверженцев как в Закарпатье, так и в Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. О национальном вопросе в Закарпатье в постсоветский период см.: Токар П.В. Національний рух на Закарпатті: 1988-1993: Соціолого-політологічний аналіз. Ужгород, 2002. – 148 с.; Мигович І.І., Макара М.М. Закарпатський соціум: етно-політичний аспект. Ужгород, 2000. – 160 с.

2. Подробную биографию А. Ильницького см.: *Тихий И.* К 50-летию Александра Ильницького // Душпастьрь. Рочник XV. № 1-2. январь-февруар 1938. С. 2-7; *А.И.[Иванчов А.]*. 50-лєтня годовщина о. Александра Ильницького // Земледельский календарь на год 1939 / составил М. Демко. Ужгород, 1938. С. 50-53; Протоиерей о. А. Ильницький назначен главным советователем для Угро-русской территории // там же. Унгвар, 1939. С. 57-59; Новый председатель Подкарпатского Общества наук // Литературна недїля. Рочник II. 1942. С. 121-123; *Ecclesiasticus [Гарайда И.]*. Урывки из житя Мункачевской епархии // Великий сельско-господарский календарь Подкарпатского общества наук на переступный рок 1944 / зложив И. Гарайда . С. 49-52; *Бендас С., Бендас Д.* Священники-мученики, сповїдники . Ужгород, 1999. С. 101-106.

3. О церковно-общественной деятельности А. Ильницького см.: *Тихий И.* Указ. соч . С.3-6; *Pia Unio Cleri pro Missionibus* – организация // Душпастьрь.– Рочник XV. № 1-2. Январь-февруар 1938. С.33-35; *Немет А.* Миссийное содействие // Там же .№ 9-10. Септембер-октобер 1938. С. 196-199.

4. «Душпастьрь» издавался языком «Грамматики» Е. Сабова, хотя существует мнение, что действительным редактором журнала был не Ильницький, а русофил Юлий Гаджега: *Пекар А.В., ЧСВВ* Нариси історії церкви Закарпаття. Рим-Львів, 1997. Т.II. С. 78.

5. *Довганич О.* Канонік Олександр Ільницький, головний радник регентсько-го комісара Карпатської території і його політична діяльність на користь Угорщини (1939-1944) // Науковий збірник Товариства «Просвіта» в Ужгороді . Річник V-VII (XIX-XXI). Ужгород, 2003. С. 47; *Токар М.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919-1939). Ужгород, 2006. С. 193-198.

6. Ссылаясь на терминологию некоторых статей А. Ильницького начала 30-х гг., отдельные исследователи делают вывод о его русофильских взглядах: *Дронов М.* Народны орєстатїї межї духовенством Пряшівської греко-католицької єпархїї в роках 1927-1938 // Русин-Rusin. 2006. № 3-4. С. 31.

7. *Бендас С., Бендас Д.* Указ. соч. С. 102; *Довганич О.* Указ. соч. С. 47.

8. *Штефан А.* За правду і волю: спомини і дещо з історії Карпатської України. Друга книга. Торонто, 1981. С. 246.

9. *Фенич В.* Конфесійно-національний портрет сучасного греко-католицького священника Мукачівської єпархії // *Carpatica-Карпатика*. Випуск 21. Політологічні студії: історія, теорія, практика. Ужгород, 2003. С. 240.

10. По утверждениям отдельных исследователей, А. Стойка был хранителем тайной партийной кассы АЗС: *Болдижар М.М.* Краю мій рідний: науково-популярні нариси з історії Закарпаття . Ужгород, 1998. С. 29.

11. Таємне стає явним (Документи про антинародну діяльність церковників на Закарпатті в період окупації) / складачі: А. Гайдош, В. Місюра . Ужгород, 1961. С. 138-140.

12. Президиум автономного земледельского союза: [фото и текст] // Земледельский календарь на год 1935 / составил М. Демко. Ужгород, 1934. С. 46.

13. О провенгерской деятельности руководства АЗС см.: *Вегеш М., Гиря В., Король І.* Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами . Ужгород, 1998. 130 с.; *Худаніч В.* Участь політичних партій Закарпаття у боротьбі за автономію напередодні Другої світової війни // *Carpatica-Карпатика*. Випуск 19. Історія і культура Карпат . Ужгород, 2002. С. 63-71.

14. Русинофильское крыло в руководстве АЗС кроме А. Ильницкого представляли Иоанн Рабар и Юлий Марина. Очевидный конфликт между русофильской и русинофильской группами партии назрел в период парламентских выборов 1935 г., когда А. Бродий отказался включить кандидатуру Ильницкого в избирательный список АЗС в Сенат ЧСР. Ильницкий даже намеривался выйти из партии, но позже изменил решение: *Довганич О.* Указ. соч. С. 48.

15. *Болдижар М.М.* Указ. соч. С. 30; *Довганич О.* Указ. соч. С. 48.

16. *Довганич О.* Указ. соч. С. 48.

17. *Офіцинський Р.* Парламентська діяльність угро-руських депутатів (1939-1944) // Молодь Україні . Т 3. Ужгород, 1994. С. 119; Протоиерей о. А. Ильницкий назначен главным советователем для Угро-русской территории . С. 57.

18. *Пекар А.В.* ЧСВВ Указ. соч. Т. I. С. 193.

19. См.: *Бендас С., Бендас Д.* Указ. соч.— С.103; Правление СК Руси в 1941-42 г // С.К. Русь. 1941-1942 / ред. ком.: *И. Г. Керча, М. Суковский, Н. Стринский.* Унгвар, 1942. С. 10; *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939-1944). К., 1997. С. 167-169, 176-181.

20. Загальна бібліографія Подкарпатя / зложили: Н. Лелекач, И. Гарайда. Унгвар, 1943. С. 23, 42, 45.

21. *Ильницкий А.* Картины о русско-мадьярском братстве // Земледельский календарь на год 1939 / Составил М. Демко .Ужгород, 1938. С. 40-42. Население края Ильницкий именует исключительно термином «русины», название же статьи вполне могло быть редакционным вмешательством составителя календаря русофила М. Демко.

22. *Ильницкий А.* Правосудие истории // Миссийный календарь на рок 1940 / сост. А. Ильницкий. Унгвар, 1939 . С. 40; Его же. Новорочна прграмма русинов // Календарь “Гандья” на 1940-й переступный рок / Ред. Ю. Золтан. Будапешт, 1939. С. 24.

23. *Ильницкий А.* Мадьярское правительство и народный язык подкарпатских русинов . Унгвар, 1943 . С.7-8.

24. *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939-1944) . С. 60-63.

25. Подробно о деятельности ПОН см.: *Пецкар М.* Роль «Подкарпатского общества наук» у формуванні ідеології «угрорусизму» та розвитку науки і культури (1941-1944 рр) // Молодь Україні . Т 2. Ужгород, 1994. С.61-66; *Капраль М.* Подкарпатское Общество Наук. Публикации 1941-1944. Ужгород, 2002. 172 с.

26. Речь регентского комиссара витязя Николая Козмы з Левелду дня 26-го января 1941 рока з нагоды заснованя Подкарпатского Общества Наук // Зоря-Најнал . Рочник I. 1941. Ч. 1-2. С. 8.

27. Протокол, написанный в Унгваре дня 26-го января 1941 рока на закладючом собрании Подкарпатского Общества наук // Там же. С. 180; Протокол, написанный в Унгваре дня 25-го мая 1941 р. на святочном собрании Подкарпатского Общества наук // Там же. С. 186; Новый председатель Подкарпатского Общества наук. С. 123.

28. Цитата по репортажу : А.Л.[Лукович А.]Председатель Подкапатского Общества наук о целях общества // Народна школа. Рок вид. IV. Ч. 5. Январ 1943. С. 123.

29. О проблемах связанных с языковым вопросом в первые годы венгерской власти см.: *Чучка П., Маркусь В.* Культурні відносини на Закарпатті напередодні і в

роки Другої світової війни. Освіта // Закарпаття під Угорщиною (1938–1944) / Ред.: В. Маркусь, В. Худанич. Нью-Йорк – Чикаго – Ужгород, 1999. С. 106–113; *Офіційський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944)*. С. 65–67.

30. Задачи русской культ. политики (Доклад главного советателя о. А. Ильницкого, прочитанный на заседании «Подкарпатского Общества наук» // Карпатрусский голос. Год издания X. 27 мая 1941. С. 3. Слово «русской» в названии публикации – редакционное вмешательство редактора газеты русофила В. Лабанича.

31. «Грамматика русского языка», составленная И. Гарайдой, не имеет однозначной оценки среди исследователей – русинофилы (И. Поп) считают ее «попыткой кодификации... русинского литературного языка», украинофилы (В. Маркусь, П. Чучка) – «закамуфльованою граматикою української мови», русофилы (О. Грабарь) – «грамматикой украинского языка с искусственной орфографией»: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 129; *Чучка П., Маркусь В.* Указ. соч. С. 113; *Грабарь О.* Поэзия Закарпаття. 1939–1944. Братислава, 1957. С. 32.

32. *Ильницкий А.* Про что мрют вороги Подкарпатья и русского народа Календарь «Гандя» на 1942 год / Ред.: Ю. Золтан, Е. Габриел. Будапешт, 1941. С. 26–34. Статья адресовалась И. Ладзьскому и Э. Гадельсману – уроженцам Закарпаття, которые в этот период вели активную прочехословацкую агитацию среди «американских русинов».

33. Кроме названных вопросу угро-русинизма посвящены статьи А. Ильницкого на венгерском языке: «Ruszinok es magyarok» (1939), «Magyar es ruszin kulturális kapesolatok» (1940), «A magyarországi rutenek» (1940) и др. их поверхностный анализ см.: *Офіційський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944)*. С. 126–127.

34. Авторство статьи: д-р А. С. И. Развитие украинской идеологии на Подкарпатской Руси // Земледельческий календарь на год 1939. С. 90–92, отдельные исследователи (П. Р. Магочий, Р. Официнский), неверно расшифровав криптоним, приписывают А. Ильницкому: *Магочій П. Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. С. 270; *Офіційський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944)*. С. 127, 198. В действительности криптоним «А. С. И.» использовал Антоний Степанович Иванов, доктор права, автор ряда публицистических статей в русофильской периодике Закарпаття 1938–1944 гг. Сам Ильницкий практически всегда подписывал статьи собственным именем и лишь изредка использовал криптоним «о. А. И.».

35. В 1939 г. в ответ на автономистские требования А. Бродия несколько местных политических деятелей во главе с Ильницким подписали меморандум, в котором заявили, что не нуждаются в автономии и не требуют ее от венгерского правительства: *Баран О.* Проблема закарпатської автономії в Угорщині (1939–1941 рр.) // Закарпаття під Угорщиною (1938–1944) / Ред.: В. Маркусь, В. Худанич. Нью-Йорк – Чикаго – Ужгород, 1999. С. 54.

36. *Довганич О.* Відкриті судові процеси над керівниками політичних партій А. Бродієм, С. Фенциком та їх спільниками // Карпатський край. 1998. № 1–2. С. 32.

37. *Бендас С., Бендас Д.* Указ. соч. С. 104.

38. Реабілітовані історією. У двадцяти семи томах. Закарпатська область. У двох книгах. Книга перша / Ред. кол.: Різак І., Довганич О., Хланта О. та ін. Ужгород, 2003. С. 349.

Геннадий ЛУКИНЫХ

О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ГАЛИЦКОЙ И ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

В российском общественном сознании сложилось устойчивое мнение о западном регионе Украины как об оплоте националистов, воевавших во время Великой Отечественной войны рука об руку с гитлеровцами против России и ныне открыто выступающих против нашей страны, видя в ней главного врага независимой Украины. Большинство граждан России однозначно записывает население западных областей Украины в «западнцев» и, соответственно, «не наших, не русских». Действительно, антирусские силы в регионе (преимущественно в Галичине) весь послевоенный период готовились к реваншу и настраивали население против «москалей». Русофобия вообще является одним из главных постулатов украинской идеологии. Однако и украинские, и либерально-российские историки откровенно замалчивают или намеренно искажают факты из истории языка и словесности этого края, кровавыми узами связанных с Русью. Цель данной статьи – в какой-то мере развенчать миф о вековечном «украинстве» языка Прикарпатья и Закарпатья.

Начнем с того, что так называемые «западноукраинские» земли на самом деле являются западнорусскими, ибо со времен Киевской Руси и вплоть до захвата их Польшей, Литвой и Венгрией они входили в состав западных русских княжеств, в основном Галицко-Волынского. В момент усиления агрессии католических стран против Западной Руси русины Карпато-Днестровских земель вместе с волохами создали православное Молдавское княжество, ядром которого стала Буковина. Притязания украинских историков на период Древней Руси, объявляющих его «староукраинским» (а то и просто украинским), являются откровенно абсурдными и беспочвенными. Коренное восточнославянское население Закарпатья, Пряшевщины, Галичины, Лемковщины, Северной Буковины и Северной Бессарабии испокон веков считало себя русинами, руснаками, руськими и отождествляло себя с Русью.

Наиболее активно и плодотворно развивались литература и язык в Галицкой, Буковинской и Подкарпатской Руси, особенно в XIX столетии. Галицкая Русь (Галичина, Галиция) была присоединена после первого раздела Польши к Австрийской империи, к которой в этот же период отошла от Молдавского княжества Буковина, населенная русинами и молдаванами. Подкарпатская (Угорская) Русь (современные

Закарпатье и Пряшевщина) к тому времени вместе с остальными землями Венгерского королевства уже была в составе империи Габсбургов.

Говоря об особом русском языке галицкой и подкарпатской словесности в XIX в., нельзя забывать о традиционном богослужебном языке православной и греко-католической церкви – церковнославянском. Многие столетия именно вероисповедание и церковный язык были, наряду с народным самосознанием, главным свидетельством принадлежности населения края к Русскому миру. Русины называли и свою веру, и церковь, и ее язык русскими. Славяно-русский язык (то есть церковнославянский язык русского извода) был литературным для подъяремной Руси вплоть до середины XIX столетия!

«Весна народов» – европейская революция 1848 г. всколыхнула народы «лоскутной» империи Габсбургов и подвигла их к интенсивной работе по созданию своих литератур и развитию народных языков. Русины также активно включились в эту деятельность и в 1848 г. создали во Львове – главном городе Галицкой Руси – политические организации «Русская Рада» и «Русский Собор», национально-культурное общество «Галицко-русская Матица». Эти организации с первых дней своей деятельности, а «Галицко-русская Матица» вплоть до ее закрытия Советской властью в 1939 г., исповедовали идеи общерусского единства, видя в идеале воссоединение всех земель исторической Руси.

Эти идеи были с воодушевлением подхвачены и в других частях подъяремной Руси – на Закарпатье и в Буковине, где русское народное движение достигло значительных результатов. Одними из важнейших событий той эпохи были съезд русских ученых во Львове и выход в свет работы выдающегося галицко-русского писателя и этнографа Якова Головацкого «Росправа о языці южнорусскомъ и его нарiчiяхъ», ставшей одним из первых научных исследований народного языка Прикарпатской Руси.

Несмотря на то, что выдвинутые вскоре лидером русинов Адольфом Добрянским требования по созданию автономии для русского народа в Австрии не увенчались успехом, национально-культурное возрождение края продолжалось с невиданным доселе энтузиазмом. В 50-60-е гг. XIX в. во Львове начинает выходить ряд периодических галицко-русских изданий – в первую очередь, альманах «Зоря Галицкая» и газета «Слово». В это же время на Подкарпатской Руси выдающимся писателем и общественным деятелем Александром Духновичем было основано «Литературное заведение Пряшевское», поставившее своей целью образование и воспитание народа посредством литературы и развитие угро-русской (подкарпатской) словесности. В 70-е гг. в Ужгороде (Унгваре) начала выходить первая газета для ру-

синов «Світ». В Буковине также активно развивалась литература, и выпускались периодические издания на традиционном русском языке.

Итак, что же представлял собою литературно-книжный язык Галицкой, Буковинской и Подкарпатской Руси? Украинofilы (малорусские эмигранты из России и местные «народовцы»), с 70-х гг. XIX в. развернувшие сепаратистскую пропаганду на землях Галичины и Буковины, презрительно называли книжный язык русинов «язычием» (то есть, на их взгляд, жаргоном). Под этим неологизмом они подразумевали чрезмерное употребление славяно-русских и великорусских слов в этом языке. Однако дело было отнюдь не в этом, а в национально-идеологическом противостоянии двух лагерей – русофильского (старорусского) и украинofilьского (народовецкого). «Народовцы» пытались навязать ими же созданный украинский язык и «самостийные» идеи русинам, которые в массе своей их не принимали, продолжая считать себя частью Руси. Старорусская же партия развивала в народе идеалы национально-культурного единства с Великой Россией «от Карпат до Камчатки».

Бесспорно, литературный язык русских галичан и карпатороссов, имевший славяно-русскую основу, ориентировался на общерусский литературный язык, возникший в результате сотворчества ученых-славистов – выходцев из Великороссии и Юго-Западной Руси (таких, как, например, М. Ломоносов, М. Смотрицкий, С. Полоцкий, Е. Славинецкий) и формировавшийся в течение XVII-XVIII вв. Церковнославянизмы, особенно учитывая литературно-книжную традицию, являлись вполне естественными для языка Галицкой и Подкарпатской Руси. Правописание было этимологическим, то есть опирающимся на историческую письменную традицию.

Важной особенностью было использование диалектной лексики, которая достаточно органично взаимодействовала с другими элементами языка. На галицкий вариант повлияли западно-малорусские говоры, а на подкарпатский – угро-русские (южнокарпатские). Для выражения на письме особенностей местного произношения иногда использовались диакритические (надстрочные) значки-крышечки над буквами: «**о**», «**е**», «**и**». Эти буквы в Галичине и на Буковине читались, как «**и**», а на Подкарпатской Руси, как «**у**» (**и**) и «**и**»; кроме того, буква «**я**ть» традиционно произносилась, как «**йи**» (лишь в некоторых местностях, как дифтонг «**ие**»).

В Галичине бытовало самоназвание «галицко-русскій языкъ», на Закарпатье – «угро-русскій», а с начала XX в. – «карпаторусскій языкъ». Однако, наиболее часто в Галичине, Буковине и Закарпатье его называли просто «русскій языкъ», ибо он фактически являлся вариантом общерусского литературного языка с церковнославянскими и диалек-

тнымы вкраплениямы. Прывожу два прымера – галіцко-рускі і карпаторускі.

1. Из стихотворения Якова Головацкого (1814-1888) «Братови изъ-за Дунаю» (Львов, «Слово», 1861, № 76):

Коли ймешь кидати
Чужую чужину,
Соколомъ вергати
Въ родну Украину –
Не минай родины,
Старой Галичины:
Вступи, милый брате,
До нашої хаты!
Щиро рускимъ словомъ
Тебе поздоровимъ.
Божим хлібомъ, солью
Ймемъ тебе пріймати,
О щастью, здоровью
Родины пытати...

2. Из стихотворения будителя карпаторусского народа Александра Духновича (1803-1865) «Вручание»:

Я Русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился Русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ.

Русинъ былъ мой отецъ, мати,
Русская вся родина,
Русины, сестры и братья,
И широка дружина...

Я світь узрілъ подь Бескидомъ,
Первый воздухъ русскій ссалъ,
Я кормился рускимъ хлібомъ,
Русинъ мене колысаль...

Традиционный галицко-русский язык к концу XIX столетия функционировал в Прикарпатье уже параллельно с общерусским литературным, который активно изучался и использовался в языковой практике. Отчасти это было связано и с радикализацией украинофильского движения, вставшего на откровенно русофобские позиции и фактически сомкнувшегося в ненависти к Руси и всему русскому с австро-венгерскими и польско-шляхетскими шовинистами перед первой мировой

войной. В противовес молодым украинским радикалам галицко-русская молодежь создала движение «Новый курс», в котором активнейшее участие принимало студенчество. «Новокурсники» в языковом вопросе сразу приняли сторону русского литературного языка, оставив галицко-русский в основном для сельского населения края и считая его промежуточным вариантом для постепенного освоения русинами общерусского языка. Молодые русские галичане весьма продуктивно боролись с украинскими радикалами и к началу войны имели достаточно мощную поддержку населения, однако мировая война, австро-венгерский геноцид русского народа в Карпатах и Талергофская трагедия (когда в концлагерях Талергоф и Терезин австрийской военной полицией был уничтожен цвет галицко-русской интеллигенции) обескровили русское движение. Несмотря на то, что в 20-30-е гг. в оккупированной поляками Галицкой Руси продолжали действовать русские организации, в результате ослабленности после мировой бойни они все же постепенно стали уступать свои позиции украинским радикалам-националистам из УВО, ОУН и т.д. Окончательно русских патриотов-галичан добила Советская (отнюдь не русская!) власть в 1939-1940 гг., часть из них расстреляв, а часть отправив в ГУЛАГ, откуда почти никто не вернулся...

Иная ситуация сложилась на Подкарпатской Руси (Закарпатье), которая до присоединения в 1919 г. к Чехословацкой Республике, созданной на развалинах Австро-Венгрии, вообще не знала никакого «украинства». Традиционный карпаторусский язык, который изначально был очень близок к общерусскому литературному, лишь при чехах столкнулся с украинским языком. Об искусственной «языковой войне» в Подкарпатской Руси, навязанной властями межвоенной Чехословакии, написано немало работ (например, видным карпаторусским ученым и публицистом Алексеем Геровским), из которых можно узнать об откровенных реверансах чешских политиков галицко-украинским эмигрантам-радикалам. Именно они, встав во главе школьного дела на Закарпатье, развернули украинофильскую пропаганду в крае и начали борьбу с русским языком. Но все же позиции карпатороссов в межвоенный период были достаточно крепки, и украинизация не прошла! Лишь после присоединения Подкарпатской Руси в 1945 г. к Советской Украине (СССР) началась политика насильственной украинизации русинов и искоренения в крае всего, связанного с Русью и русским языком, не приведшая, тем не менее, к серьезным результатам.

После краха Советского Союза и его сателлитов в Восточной Европе русины Закарпатья (Украина), Пряшевщины (Словакия) и Лемковщины (Польша) вновь во всеуслышанье заявили о себе как о коренном народе исторической Карпатской Руси. Отрадным является факт,

что создающийся новый литературный язык русинов (в нескольких региональных вариантах) является наследником традиционного карпаторусского языка, представленного в творчестве А. Духновича, А. Павловича, А. Кралицкого, Е. Фенцика и других народных будителей XIX столетия!

Победившее в Галичине и на Буковине идейное «украинство» сделало, к сожалению, из населения Прикарпатья «иванов, не помнящих родства». Действительно, в результате украинизации в XX в. большинство коренных жителей края начисто утратило этническую и историческую память – память о том, что еще не так давно они были Руси сынами – русинами и язык свой звали русским.

Что же касается украинского литературного языка, процесс формирования коего не закончился до сих пор, то не является ли именно он на сегодняшний день «язычиєм», особенно в свете все новых и новых неологизмов? Если посчитать в нем процент невосточнославянской лексики, то добрая половина слов окажется заимствованиями или кальками – в основном из польского языка, а также из немецкого и других европейских! Общеизвестен факт, что современный украинский язык, учитывая его нарочитую и все более прогрессирующую «нерусскость», непопулярен у большинства населения Украины (особенно на юго-востоке). В наше время он все более и более отдаляется от того певучего народного языка Приднепровской Малороссии, на котором слагали думы кобзари и лирники и который был воспет многими классиками мировой литературы. Народ же будет думать, говорить и писать на том языке, который ему ближе и понятнее, а каким он будет – покажет время...

Итак, на основании всего вышесказанного можно с уверенностью утверждать, что доминирующим языком словесности русинов Прикарпатья (до первой мировой войны) и Закарпатья (до 1945 г.) являлся традиционный русский язык в двух региональных вариантах наряду с русским литературным языком.

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромочевица. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинсько-українсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ГОРБАЛЬ Богдан (Нью-Йорк, США). Родился в 1965 г. в Польше. Историк и библиотекарь. Изучал историю во Вроцлавском университете в Польше (1984-1989; магистр (1996)), где он также защищал докторскую диссертацию (2005). С 1990 г. живет в США, где изучал библиотечное дело в Квинс колледже в Нью-Йорке (M.L.S., 1999). В настоящее время работает в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Интересуется историей лемков-русинов. Издал несколько работ по истории лемков, включая исследование истории лемковских республик, созданных после первой мировой войны.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ГУБОГЛЮ Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003), руководитель Центра по изучению межэтнических отношений. Автор более 400 публикаций, в том числе 14 книг по проблемам этносоциологии и тюркологии, посвященных проблемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ДАНИЛЕЦ Юрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1981 г. В 2003 г. закончил исторический факультет Ужгородского национального университета (УжНУ). С 2003 по 2005 г. работал преподавателем истории в с. Кошелево-Руна Хустского района. В 2003 г. – ассистент кафедры гуманитарных дисциплин университета «Украина» (Хустский филиал). С 2005 г. – преподаватель

кафедры истории Украины УжНУ. Автор более 90 научных, научно-публицистических и краеведческих публикаций, в том числе 3 монографий: «Православні монастирі Хустського району (XX століття)» (Ужгород, 2004, 2005), «Православний монастир Різдва Богородиці у селі Липча» (Ужгород, 2005), «Православний монастир Успіння Божої Матері в селі Домбоки» (Ужгород, 2006). Участник региональных и международных научных конференций.

ДОСТАЛЬ Марина (Россия). Родилась в 1947 г. Закончила истфак МГУ и аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР. Кандидат исторических наук с 1977 г. Ныне – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, в котором работает с 1970 г. Профессор Международной славянской академии наук, образования, искусства и культуры (2003). член современного славянского движения и славянских съездов в Праге (1998), Москве (2001), Минске (2005). Автор более 200 работ по истории славяноведения, русско-чешских и русско-словацких научных связей, эмигрантологии, славянской идеологии, русинистике и пр.

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Историк-русирист, один из популяризаторов русинистики в России. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор многочисленных публикаций о русинах в российских и зарубежных изданиях. Гость VI, VII VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ЗЕМБА Татьяна (Молдавия). Родилась в 1947 г. После окончания в 1971 г. истфака МГУ работала в Отделе научной информации по общественным наукам Академии Наук Молдовы, занимаясь переводами и анализом западной историографии проблем Молдовы и Румынии. С 1999 г. – старший научный сотрудник Института философии, социологии и политических наук АН РМ. Более 80 научных публикаций в молдавских, московских и американских (электронных) изданиях.

ИВАНОВ Юрий (Молдавия). Родился в 1962 г. Закончил Кишиневский политехнический институт по специальности инженер-системщик АСУ, факультет общественных профессий по специальности политолог. Советник примэрии с. Нагоряны. С 2004 г. председатель Рышканского филиала Общественной ассоциации «Русь».

ИОНОВА Ирина (Молдавия). Родилась в 1946 г. Закончила Кишиневский государственный университет. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1990 г. после защиты второй диссертации в Ленинграде ей была присвоена ученая степень доктора филологических наук (доктор хабилитат филологии). С 1997 г. возглавляет кафедру славянской филологии в Славянском университете Молдовы и является организатором Славянских чтений в этом университете, профессор. Автор более ста научных работ, в том числе монографий и школьных учебников. В 2003 г. награждена почетной Пушкинской медалью за большие заслуги в распространении русского языка в мире.

КУПРИЯНОВ Павел (Россия). Родился в 1976 г. Закончил истфак МГУ и аспирантуру (там же). В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности "Отечественная история". С 2003 г. работает в Отделе этнологии русского народа в Институте

этнологии и антропологии РАН, в настоящее время в должности научного сотрудника. Автор более 30 работ по проблемам формирования русского национального и исторического сознания, истории и антропологии русского заграничного путешествия XIX в., городской антропологии.

КУЦОВ Константин (Украина). Родился в 1983 г. Окончил факультет общественных наук Ужгородского национального университета (2006), магистр политологии. Автор ряда статей по вопросам культурной и политической истории Закарпатья XIX-XX вв.

ЛУКИНЫХ Геннадий (Россия). Родился в 1965 г. Лауреат всероссийских, международных конкурсов и Пермской премии имени А.П. Немтина, действительный член Российского авторского общества. Выпускник дирижерско-хорового отделения Пермского музыкального училища (1984) и Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского (1991). Артист, а затем хормейстер Камерного хора Пермской филармонии (1986-1991), художественный руководитель и аранжировщик вокального ансамбля «Кантус-квартет» (1991-2003), а также регент мужского певческого ансамбля Успенской церкви г. Перми. С 2000 г. – артист «Романтик-дуэта» творческого объединения «Пермская лира». Автор более 150 вокальных произведений и около 200 обработок для разных ансамблево-хоровых составов.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии «Откуда родом варяжские гости?», один из составителей альманаха «Традиции и современность». Круг научных интересов: начало Руси, происхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

НЕМЕНСКИЙ Олег (Россия). Родился в 1979 г. Сотрудник Института славяноведения РАН и Центра украинистики и белорусистики МГУ. Основной сферой интересов являются процессы изменения исторического и этнического самосознания у восточных славян в XVI–XVIII вв., а также становление восточнославянских национальных проектов в XIX–XX вв. Помимо этого автор ряда очерков по проблемам современных межнациональных отношений, а также статей, знакомящих российского читателя с русинским национальным движением.

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падяка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатья. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.Й. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинки». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. преподает русинский язык в Пряшевском университете, участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

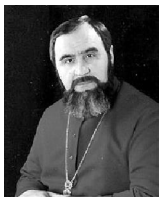
ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. Закончил Ленинградский университет по специальности «Чешский язык и литература». Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачево», монографии «Замки Подкарпатської Русі» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Русі» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного «Сербско-русского словника» (1995-1997), автор «Грамматики русского языка» (2002) и др. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор habilitation истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета «Высшая антропологическая школа» (Молдавия). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. Настоятель Крестовоздвиженского Кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты «Християнска родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор более ста научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Председатель ассоциации «Сойм Подкарпатських русинов». Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения «Руской матки» в Вербаше, член главного правления «Руской матки» Сербии, один из основателей «Рускей фондаций», которая действует в рамках «Руской матки» и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества «Карпати», основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

СТАТИ Василий (Молдавия). Родился в 1939 г. Выпускник молдавского отделения историко-филологического факультета Кишиневского государственного университета (1961), кандидат филологических наук (1972), доктор хабилитат исторических наук (1992). Автор более 15 сборников и монографий, более 200 статей по языковому, этноязыковому, историческим и этнологическим вопросам.

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. Доктор истории. С 1990 г. возглавляет фирму «Татьяна» (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент Общественной организации «Русь» (с 2007 г. - ассоциация). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории» в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (февраль 2007 г.). Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многочисленных научных работ по истории и культуре русинов. Главный редактор международного исторического журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 г. и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

Прот. Николай ФЛОРИНСКИЙ (Молдавия). Родился в 1960 г. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию, в 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодони» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившихся в Канаду в конце XIX - начале XX в. После окончания университета 30 лет работает учителем, из них 18 лет - в психиатрическом отделении больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собирает материалы по русинистике. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

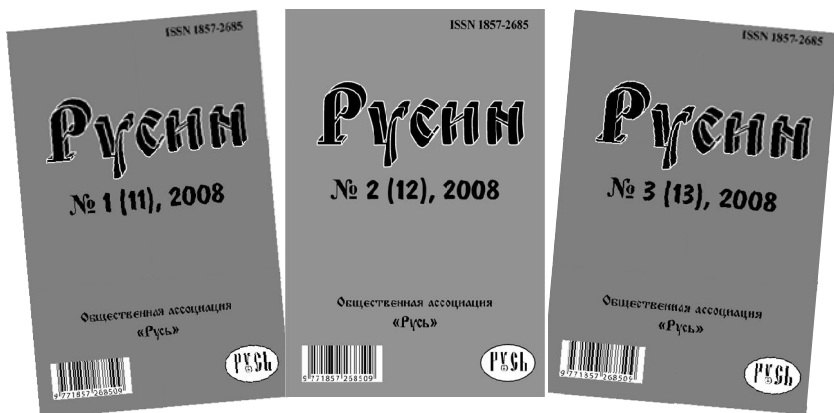

ШАРГА Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1937 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета в 1959 г. Работал директором школы, лектором, завотделом, секретарем Иршавского райкома партии. Закончил Высшую партийную школу в Киеве (1977). Работал в районных органах власти. С 1981 г. - председатель Закарпатского общества «Знание». Автор многочисленных публикаций по истории русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Уни-та-те-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 160 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны, а также молдавской этнокультурной идентичности, в том числе четыре монографий. Заместитель главного редактора международного исторического журнала «Русин».

подписка 2008

С 2008 года журнал выходит три раза в год
**На международный исторический
 журнал «Русин»**

**объявлена подписка по Республике Молдова.
 Подписной индекс - 31808.**

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
 Отдельные номера журнала можно приобрести в
 Общественной ассоциации «Русь» (тел. для справок 27-02-84)**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2007, № 3 (9)

Кишинев

Ђаѓи́ ѓаѐѐѐаѓ ѓѐа̀у́ ѓ̀ а̀у̀ а̀ѓ̀ѓа́а́ ѓ̀ а̀у̀ а̀ѓ̀ѓи́ ѓѐа̀ѓѐѐу́ «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2007. - 192 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Издательский дом «Татьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
E-mail: tatianas@molddata.md

Подписано к печати 31.03.2008. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 300 экз.
Заказ 97.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

У русских в крови доброта...

*Я русский. Гордо бьется грудь
При имени России...
Г.С. Батенков*

Союз нерушимый... Вчерашнее братство
Врагами России глядит —
На Русского Духа святое богатство,
Что в памяти нашей сидит.
Что в дальних селеньях опять вспоминает!
О той достославной поре,
Где русый Баян, да на взгорье сыграет,
Священную песнь на заре.
Куда вы товарищи-братья исчезли?
В какие соблазны ушли?
Россия погибла! кричите, а если —
Возьмет и расправит углы,
И вашу ничтожную спесь поубавит,
И ваше нахальство уймет?
Я верю, я вижу, как вновь созидает
Отечество мощный оплот!

Конечно, вы снова тогда приползете
И вступите в Новый Союз,
Поскольку все то, что сегодня жуете,
Окажется горьким на вкус.
Когда обожретесь исламом Востока
И западной гнилью свобод, —
Тогда и припомните, как вы жестоко
Обидели русский народ.
Но мы вам жестоких обид не помянем,
У русских в крови доброта.
Мы общую песню с Баяном затынем,
Сердец отворив ворота.
Есть Русского Духа святое богатство:
Везде и повсюду беречь,
Как высшее, вечное, вящее братство —
Священную Русскую Речь!

РВЪ
Ъ

Михаил ЮПП
Филадельфия, 1999 г.

*Источник: Православная жизнь. № 1 (696).
Январь 2008 г. Holy Trinity Monastery/ Jordanville.*